

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF ROGER ZELAZNY

Volume eleven

**A NIGHT IN THE
LONESOME OCTOBER**

THE GRAVEYARD HEART

THE SLEEPER

«POLARIS» PUBLISHERS
1996

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

Том одиннадцатый

**ТОСКЛИВОЙ
ОКТАБРЬСКОЙ НОЧЬЮ...**

КЛАДБИЩЕ СЛОНОВ

СПЯЩИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1996

*Издание подготовлено
АО «Титул»*

**Миры Роджера Желязны том 11 / Пер. с англ. —
Рига: Полярис, 1996. — 333 с.**

В очередной том собрания сочинений Роджера Желязны вошел один из последних романов писателя «Тоскливой октябрьской ночью...», сталкивающий в безумном карнавале героев различных литературных произведений, а также две повести.

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных произведений и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

A Night in the Lonesome October
Copyright © 1993 by Roger Zelazny

The Graveyard Heart
Copyright © 1964 by Roger Zelazny

The Sleeper
Copyright © 1986 by Roger Zelazny

© Издательство «Полярис»,
оформление, составление,
название серии, 1995

Тоскливой октябрьской ночью...
© В. Самсонова, перевод, 1995

Кладбище слонов
© Г Корчагин, перевод, 1995

Спящий
© Н. Ибрагимова, перевод, 1995

ISBN 5-88132-133-2

**ТОСКЛИВОЙ
ОКТЯБРЬСКОЙ
НОЧЬЮ...**

ПОСВЯЩАЕТСЯ:

*Мэри ШЕЛЛИ,
Эггару Аллану ПО,
Брэму СТОКЕРУ,
Артуру Конану ДОЙЛУ,
Х. П. ЛАВКРАФТУ,
Рэю БРЭДБЕРИ,
Роберту БЛОХУ,
Альберту Пейсону ТЕРХЬЮНУ*
**и создателям многих старых кинофильмов —
с благодарностью**

Я — сторожевой пес. Меня зовут Нюх. Сейчас я живу со своим хозяином Джеком неподалеку от Лондона. Я люблю ночной Сохо — его темные улицы, насыщенные запахами туманы. В это время стоит тишина, и мы выходим на долгие прогулки. Джек — хранитель заклатья и должен большую часть своей работы делать по ночам, дабы не совершилось худшее. Пока он занят, я стою на страже. Если появляется кто-нибудь, я вою.

Мы — хранители нескольких заклятий, и наша работа очень важна. Мне приходится следить за Тварью в круге, за Тварью в шкафу и за Тварью в паропроводе, не говоря уже о Тварях в зеркале. Когда они пытаются выбраться, я поднимаю отчаянный лай. Они меня боятся. Не знаю, что бы я делал, если бы они все попытались вырваться на волю одновременно. Приходится часто рычать, однако это хорошая тренировка.

Если нужно, я приношу Джеку разные полезные предметы — его волшебную палочку или большой нож со старинными надписями на лезвии. Я всегда знаю точно, когда они ему понадобятся, потому что это моя работа — наблюдать и знать. Мне нравится быть сторожевым псом, больше, чем тем, кем я был раньше, до того, как Джек призвал меня и поручил эту работу.

Когда мы гуляем, Джек и я, другие собаки меня боятся. Иногда мне хочется поболтать и сравнить свои впечатления о работе и хозяевах с мнением других сторожевых псов, но я и вправду нагоняю на них страх.

Недавно ночью на кладбище ко мне все же подошел один престарелый сторожевой пес, и мы немного побеседовали.

— Привет. Я — сторожевой пес.

— Я тоже.

- Я за тобой наблюдал.
 - А я — за тобой.
 - Зачем твой человек копает глубокую яму?
 - Там, внизу, есть кое-что, в чем он нуждается.
 - Ах так... Мне кажется, ему не следует этого делать.
 - Разреши взглянуть на твои зубы?
 - Да. Пожалуйста. А на твои?
 - Конечно.
 - В полном порядке. Ты не мог бы оставить для меня где-нибудь поблизости приличную кость?
 - Пожалуй, устроим.
 - Это вы были здесь в прошлом месяце?
 - Нет, наши конкуренты. Мы отоваривались в другом месте.
 - У них не было сторожевого пса.
 - Это они не подумали. И что ты сделал?
 - Полаял хорошенько. Они занервничали и ушли.
 - Хорошо. В таком случае мы, возможно, их опережаем.
 - Давно работаешь со своим человеком?
 - Сто лет. А ты сколько сторожишь кладбище?
 - Всю жизнь.
 - Нравится?
 - Жить можно, — сказал он.
- Джеку нужно много ингредиентов для работы, потому что скоро предстоит большое дело. Наверное, лучше всего рассказать о событиях день за днем.

1 ОКТЯБРЯ

Делал обход. Тварь в круге меняла форму и в конце концов приняла вид весьма привлекательной собачьей леди. Но я не поддался на обман и не нарушил границу круга. С запахом ей справиться не удалось.

— Прекрасная попытка, — сказал я ей.

— Ты свое получишь, дворняга, — ответила Тварь.

Я прошел мимо разнообразных зеркал. Запертые в них Твари извивались и злобно урчали. Я показал им зубы, и они убрались прочь.

Тварь в паропроводе билась в стенки, она зашипела и зафыркала, когда почуяла мое вторжение в ее пределы. Я заворчал. Тварь снова зашипела. Я зарычал. Она замолкла.

Потом я поднялся на чердак и проверил Тварь в шкафу. Та скреблась в стенки, когда я вошел, но затихла, как только я приблизился.

— Как дела там, внутри? — спросил я.

— Были бы намного лучше, если бы кое-кто повернул ключ в замке.

— Для тебя, может, и лучше.

— Я могла бы найти для тебя много отличных косточек — крупных, свежих, сочных, сплошь покрытых мясом.

— Спасибо, только что откушал.

— Так чего же ты хочешь?

— В данный момент ничего особенного.

— Ну а я хочу выбраться отсюда. Подумай, какую цену ты за это назначишь, и давай поговорим.

-
- Ты получишь свой шанс, со временем.
 - Не люблю ждать.
 - Это плохо.
 - Иди в задницу, шавка.
 - Ц-ц-ц! — ответил я и ушел, когда она начала браниться в еще более крепких выражениях.

Я вернулся вниз, прошел через библиотеку, принявываясь к запаху пыльных томов, специй, трав и других интересных веществ, в гостиную, откуда стал смотреть в окно на улицу. Вел наблюдение, конечно. Это же моя работа.

2 ОКТЯБРЯ

Вчера ночью мы отправились на прогулку и в поле, далеко от дома, на том месте, где было совершено убийство, выкопали корень мандрагоры. Хозяин завернул его в шелковый лоскут и отнес прямо на свое рабочее место. Мне было слышно, как он добродушно болтает с Тварью в кругу. У Джека длинный список ингредиентов, и все должно делаться строго по инструкции.

Кошка по имени Серая Метелка кралась скользкой кошачьей походкой вокруг дома, заглядывая к нам в окна. Я ничего не имею против кошек. То есть могу погонять, а могу оставить в покое. Но Серая Метелка принадлежит Сумасшедшей Джил*, которая живет на холме, ближе к городу, и кошка, конечно, шпионит для своей хозяйки. Я зарычал, давая ей понять, что ее заметили.

— Рано принялся сторожить, верный Нюх, — прошипела она.

— Рано принялась шпионить, Серая, — ответил я.

— У каждого из нас свои задания.

— Верно.

— Итак, началось.

— Началось.

— Все идет хорошо?

— Пока что. А у вас?

* Джек и Джил — популярные персонажи детских английских стишков и считалочек. Они также часто встречаются в старых текстах, означая в таких случаях просто «парень» и «девушка». (Здесь и далее примеч. пер.)

— Тоже. В настоящий момент, полагаю, легче всего просто вот так задать вопрос.

— ...Но кошки вечно подкрадываются, — добавил я.

Она вскинула голову, подняла лапу и стала ее разглядывать.

— Есть особое удовольствие в том, чтобы затаиться.

— Для кошек, — сказал я.

— ...И узнаешь что-нибудь новенькое.

— Например?

— Я не первая зашла к вам сегодня. Мой предшественник оставил следы. Тебе известно это, верный сторож?

— Нет, — ответил я. — Кто это был?

— Филин, Ночной Ветер, приспешник Морриса и Маккаба. Я видела, как он пролетел на рассвете, и нашла перо на заднем дворе. Перо присыпано порошком мумии, чтобы нанести вам вред.

— Почему ты мне об этом рассказываешь?

— Возможно, потому, что я — кошка, мне нравится поступать нелогично. Я хочу оказать тебе услугу. Заберу это перо с собой и оставлю у них под окном — спрячу в кустах.

— Я тут рыскал вокруг вчера после прогулки, — сказал я. — Был около вашего дома, на холме. Видел Шипучку, черного полоза, который обитает в животе безумного монаха, Растова. Он терся о ваш дверной косяк, рассыпая чешую.

— Вот как! А почему ты мне это рассказываешь?

— Плачу долги.

— Мог бы выразиться как-нибудь иначе.

— Это между нами.

— Странная ты собака, Нюх.

— А ты — странная кошка, Серая Метелка.

— Как и положено кошке.

И она растворилась в темноте. Как ей и положено.

3 ОКТЯБРЯ

Прошлой ночью мы снова гуляли, и хозяин охотился. Он накинул плащ и сказал мне:

— Нюх, принеси!

По тому, как он это сказал, я понял, что ему нужен нож. Я принес нож, и мы двинулись в путь. Нам не сопутствовала удача. Мы долго искали ингредиенты, попали в скверную заварушку, а в довершение ко всему нас обнаружили. Я подал предупредительный сигнал, и нам пришлось удирать. Преследовали нас долго, пока я в конце концов не отстал и не тяпнул преследователя за ногу. Когда Джек потом отмывался, он сказал, что я отличный сторожевой пес. Я был очень горд.

Позднее он выпустил меня поразнюхать новости. Я проверил дом Растова — темно; вышел по делам, полагаю. Лежа за кустом у дома Сумасшедшей Джил, я слышал, как она хихикает и разговаривает с Серой Метелкой. Они только что вернулись с прогулки. Метла возле двери черного хода еще не остыла.

У дома Морриса и Маккаба я проявил особую осторожность: Ночной Ветер с наступлением темноты обладает большой силой и может оказаться где угодно.

Из почти голых ветвей вишни послышалось тоненькое хихиканье. Я принялся. В воздухе не пахло раздражающей подписью Ночного Ветра, однако присутствовало нечто другое.

Снова послышался тонкий смешок — настолько тонкий, что человек его бы и не расслышал.

— Кто там? — спросил я.

С дерева сорвался пучок листьев, развернулся, стрелой понесся вниз и, рассекая воздух, запел над моей головой.

— Еще один из тех, кто наблюдает, — раздался слабый писк.

— В нашей округе становится тесно, — заметил я. — Ты можешь называть меня Нюх. Как позволишь называть тебя?

— Игла, — донесся ответ. — Кому служишь?

— Джеку. А ты сам?

— Графу*, — сказал он.

— Ты не знаешь, нашли ли Моррис и Маккаб свои ингредиенты?

— Нашли.

— А Сумасшедшая свои нашла?

— Не сомневаюсь.

— Тогда она идет наравне с нами. Все же еще рано...

— Когда Граф вступил в Игру?

— Две ночи назад.

— Сколько всего игроков?

— Я не знаю, — ответил он. Потом взмыл ввысь и пропал.

Жизнь неожиданно еще больше осложнилась, и у меня не было возможности узнать, Открывающие они или Закрывающие.

Возвращаясь назад, я почувствовал, что за мной следят, причем очень умело.

Я не смог засечь преследователя и выбрал длинный кружной путь. Он потом оставил меня в покое и переключился на кого-то другого. Я поспешил домой с докладом.

* Имеется в виду граф Дракула, знаменитый вампир.

4 ОКТЯБРЯ

Дождливый день. И вдобавок ветреный. Я сделал обход.

— Иди в задницу, дворняга.

— Взаимно.

— Привет, Твари.

Скользят, извиваются.

— Как насчет того, чтобы меня выпустить?

— Не-а.

— Настанет мой день...

— Не сегодня.

Все, как обычно. Все, кажется, в порядке.

— Как насчет колли? Нравятся роженькие?

— Тебе так и не удастся более-менее сносно изобразить собаку.

— Сукин сын!

Я проверил окна и двери изнутри, потом выбрался с черного хода, через свой личный люк, и проверил все снаружи. Хозяин Джек спал или отдыхал в своей комнате без света. Не обнаружил никаких сюрпризов того сорта, о которых мы говорили с Серой Метелкой на днях. Нашел нечто иное: один-единственный отпечаток лапы, большей, чем моя, под деревом у дома. Сопутствующий запах и все соседние следы смыло дождем. Я покружился в поле в поисках других следов вторжения, но больше ничего не нашел.

Старик, живущий дальше по дороге, у себя во дворе срезал с дерева омелу тонким, сверкающим серпом. На его плече сидела белка. Это был новый поворот событий.

Я заговорил с белкой из-за изгороди:

— Вы участвуете в Игре?

Белка прыгнула на другое плечо хозяина, поближе ко мне, и, выглянув оттуда, протрещала:

— Кто спрашивает?

— Зови меня Нюх, — сказал я.

— Зови меня Плут, — раздался ответ. — Да, полагаю, участвуем. В последний момент решили — спешка, спешка.

— Открывающий или Закрывающий?

— Невежливо! Невежливо спрашивать! Тебе это известно!

— Хотел проверить, не новички ли вы.

— Не такие уж новички, чтобы выдать что-либо. Так что ты это брось.

— Ладно.

— Подожди. А в Игре есть полоз?

— Ты хочешь, чтобы я выдал тебе кое-что. Тем не менее — да, есть: Шипучка. Берегись. Его хозяин — сумасшедший.

— А разве все они не такие?

Мы рассмеялись, и я слинял.

В тот вечер мы опять вышли из дома. Перешли через мост и долго, долго шли. Великий Детектив тоже бродил со своим спутником; последний прихрамывал после недавних ночных походов. Мы дважды прошли мимо них в тумане. Но этой ночью Джек взял волшебную палочку, чтобы стать с ней в центре города и в полночь поймать луч звездного света в хрустальный флакон. Как только часы пробили двенадцать, жидкость во флаконе засияла красноватым светом и где-то вдалеке поднялся вой. Мне он не был знаком. Даже не уверен, что выла собака. И все же это был язык моих сородичей, и долгие протяжные звуки означали: «Пропал!» При этом шерсть у меня на загривке встала дыбом.

— Почему ты рычишь, друг? — спросил Джек.

Я не сказал. Я не был уверен.

5 ОКТЯБРЯ

Я позавтракал в темноте и сделал обход дома. Все было в должном порядке. Хозяин спал, поэтому я выбрался наружу и обшарил окрестности. До начала дня еще оставалось время.

Я пошел через холм к дому Сумасшедшей Джил. Там было темно и тихо. Тогда я свернул к ветхому жилищу Растова. Тут я уловил запах и поискал его источник. Наверху садовой ограды неподвижно лежала маленькая фигурка.

— Серая Метелка, — позвал я. — Спишь?

— Сплю, но все слышу, — донеслось в ответ. — Кошачья дрема бывает полезна. Чем занимаешься, Нюх?

— Проверяю одну свою идею. Она не касается ни тебя, ни твоей госпожи. Непосредственно не касается. Я иду к дому Растова.

Метелка исчезла со стены и через секунду оказалась возле меня. Я уловил желтый отсвет ее глаз.

— Я пойду с тобой, если это не секретная работа.

— Пошли.

Через некоторое время я спросил:

— Все тихо?

— У нас дома — да, — ответила она. — Однако я слышала, что в городе совершено убийство. Ваша работа?

— Нет. Мы были в городе, но по другим делам. Где ты об этом слышала?

— Здесь был Ночной Ветер. Мы немного поболтали. Он прилетел из-за реки, из города. Человека разорвали

на куски; похоже, что это сделал какой-то необыкновенно свирепый пес. Я подумала о тебе.

— Не я, не я.

— Будут еще такие случаи, конечно, так как другие тоже ищут ингредиенты. Это насторожит людей, улицы будут лучше охранять с сегодняшнего дня и до большого события.

— Наверное, так. Жаль.

Мы подошли к дому Растова. Окна слабо светились.

— Он допоздна работает.

— Или очень рано начинает.

Мысленно я проследил путь обратно к своему дому. Затем повернулся и направился через поля к старой ферме, где проживали Моррис и Маккаб. Серая Метелка шла рядом. Луна медленно вставала над горизонтом. Облака быстро скользили по небу. Глаза Серой Метелки вспыхивали.

Когда мы добрались до места, я остановился в высокой траве. В доме горел свет.

— Тоже работают, — сказала она.

— Кто? — раздался с крыши амбара голос Ночного Ветра.

— Ответим?

— Почему бы и нет? — сказал я.

Она назвала свое имя, я — свое. Ночной Ветер покинул насест, покружился над нами и опустился в траву.

— Вы друг друга знаете, — заметил он. — Что вам здесь нужно?

— Я хотел спросить тебя об этом убийстве в городе, — сказал я. — Ты видел?

— Только после того, как оно произошло и было обнаружено.

— Так ты не видел, кто из нас это сделал?

— Нет. Если это действительно был один из нас. А сколько нас ты знаешь?

— Не уверен, можно ли разглашать такие сведения. Вдруг это запрещено?

— Тогда давай меняться. Мы перечислим тех, кого знаем мы, а ты назовешь известных тебе.

Он повернул голову назад, в противоположную от нас сторону, подумал, затем сказал:

— Наверное, это справедливо. Мы сэкономим время. Начнем. Вы знаете моих хозяев, я — ваших. Четыре человека.

— Растов с Шипучкой, — подсказала Серая Метелка. — Пять.

— Мне о них известно, — ответил филин.

— Старик, который живет дальше от меня по дороге, по-видимому, друид, — сказал я. — Он срезал омелу по старинному обычаю, и у него есть друг — белка по имени Плут.

— Вот как? — удивился Ночной Ветер. — Я не знал.

— Человека зовут Оуэн, — добавила Серая Метелка. — Я за ними наблюдаю. И это шесть.

Ночной Ветер сказал:

— Уже три ночи бродит по кладбищам маленький горбатый человечек. Я видел его при полной луне во время патрульного полета и решил последить за ним. Он отнес свою добычу в большой фермерский дом к югу отсюда — на крыше полно громоотводов, и там постоянно бушует гроза — и отдал высокому человеку, которого называл «Добрый Доктор». Возможно, это — седьмой или даже седьмой и восьмой.

— Ты нам покажешь это место?

— Охотно.

Следуя за Ночным Ветром, мы пришли к фермерскому дому. В подвале горел свет, но окна были закрыты шторами. В смеси запахов, окружавших жилище Доброго Доктора*, совершенно отчетливо выделялся один: запах смерти.

— Спасибо, — сказал я Ночному Ветру. — У тебя есть кто-нибудь еще?

— Нет. А у вас?

— Нет.

— Тогда я бы сказал, что мы квиты.

Он взлетел и скрылся в темноте.

Пригнув голову к земле, я обнюхивал пространство под окном и одновременно, в уме, пытался соединить линиями дома Морриса и Маккаба, Сумасшедшей Джил, мой собственный, Оуэна, других. Получалась до-

* Добрый Доктор — доктор Франкенштейн, герой романа Мэри Шелли.

вольно сложная схема, которую трудно было удержать в памяти. Но я чувствовал, что на этом пути могут быть открытия.

Вдруг за окном что-то ярко вспыхнуло и раздался такой треск, что я подскочил. Через секунду в воздухе различился озон, а из дома донесся хохот.

— Да, за этим местом стоит понаблюдать, — заметила Серая Метелка, неожиданно очутившаяся высоко на ветке. — Уходим?

— Да.

Мы поспешили назад, и я оставил Метелку у дома Джил (опускаю прилагательное перед именем ее хозяйки из вежливости) — пусть продолжает кошачью дрему на стене.

Дома я обнаружил еще один отпечаток лапы.

6 ОКТЯБРЯ

Тревога! Утром услышал, как треснуло зеркало, и поднял отчаянный лай, пытаюсь удержать ползунов внутри. Джек отреагировал на шум и с помощью своей волшебной палочки перенес Тварей в другое зеркало — точно, как Желтый Император. Это зеркало намного меньше, что, возможно, послужит им хорошим уроком, а может, и нет. Не понимаю, как они это проделали. Постоянно давили на какую-то одну трещинку, вероятнее всего. Хорошо еще, что они меня боятся.

Джек удалился к себе, а я вышел из дома. Солнце светило сквозь серые и белые облака, а из запахов в воздухе носились только острые ароматы осени. Ночью я мысленно проводил линии. То, что я пытался сделать, было бы намного легче для Ночного Ветра, Иглы или даже Плути. Трудно созданию, привязанному к земле, представить себе местность так, как я старался ее увидеть. У меня получилась сложная диаграмма с внешней границей и пересекающимися лучами внутри. Создав такой чертеж, я мог делать с ним то, чего не могли другие. Он не был законченным, потому что я не знал, где находится Граф и некоторые другие игроки, которые, возможно, мне еще неизвестны.

Тем не менее уже было на что опереться в поисках разгадки.

Я отправился в путь и вышел через двор и поле на тропинку, по которой добрался до цели. Слева от меня росли большие старые деревья, одно дерево — направо через дорогу. Но место, которое я так тщательно

рассчитал, составляя карту в уме, к несчастью, находилось посредине дороги. Не очень-то любезно с его стороны. Хотя бы на перекрестке.

Ближайший дом был справа от меня и в нескольких сотнях ярдах позади в том направлении, откуда я пришел. В нем обитала, как я знал, пожилая супружеская пара. Они кормили птиц, работали в саду и ругались каждую субботу по вечерам, когда муж, пошатываясь, добирался домой из паба. Вряд ли они были участниками Игры.

Решил, однако, поразмыслить. Обшаривая обочины дороги, я услышал знакомый голос:

— Нюх!

— Ночной Ветер! Ты где?

— У тебя над головой. В дереве есть дупло. Слишком задержался с возвращением. Забрался сюда, чтобы удрать от света. Наши с тобой предположения совпадают, да?

— Похоже, мы проводим одинаковые линии.

— И все же это не может быть тем самым местом.

— Да. Это центр нашей схемы, но место не то.

— Следовательно, схема неполная. Хотя мы не знаем, где находится Граф.

— Если он единственный, о котором мы не знаем... Событие должно произойти в центре созданной нами схемы.

— Да. Что будем делать?

— Ты можешь проследить за Иглой до дома Графа?

— Летучие мыши чертовски беспорядочно летают.

— Мне-то это подавно не удастся. Думаю, что и Серая Метелка не сможет.

— Нет. В любом случае кошкам нельзя доверять. Они годятся только на струны для теннисной ракетки.

— Так ты проследишь за Иглой?

— Сначала надо найти маленького негодяя. Я понаблюдаю за ним сегодня ночью.

— Сообщи мне, если что-нибудь обнаружишь.

— Подумаю.

— Ты не проиграешь. Может случиться, что и тебе надо будет послать кого-то с поручением в дневное время.

— Это правда. Скажи, почему игроки всегда выстраиваются по определенной схеме вокруг центра событий, а?

— Сам поражаюсь, — признался я.

Я вернулся домой, порычал на Тварей в зеркале — теперь оно было в прихожей, — просто чтобы дать им понять, что я на страже. Тварь в паропроводе сидела тихо. Я велел Твари в шкафу заткнуться. Она колотила в стенки так, что дом сотрясался. Пришлось мне несколько раз гавкнуть, она притихла. Тварь в круге (она сидела в подвале) превратилась в пекинеза.

— Тебе нравятся маленькие дамы? — спросила она. — Подойди и достань ее, здоровый парниша.

Она все же больше пахла Тварью, чем собакой.

— Ты не очень-то умна, — сказал я.

Пекинез сделал мне вслед презрительный жест задней лапой, когда я уходил, — очень трудно вывернуть лапу подобным образом.

7 ОКТЯБРЯ

Прошлой ночью мы снова выходили из дома в поисках новых ингредиентов для Большой Работы. Стоял густой туман, и вокруг было много патрульных. Нас это не остановило, однако задача усложнилась. Сверкнул нож хозяина, вскрикнула женщина, послышался треск разрываемой ткани. Убегая, мы налетели на Великого Детектива*, и я сбил с ног его спутника, который по причине своей хромоты не успел увернуться.

Когда мы перешли мост, Джек развернул полоску ткани.

— То что надо. Она в самом деле зеленая, — отметил он.

Дело в том, что в список необходимых ему материалов входил край зеленого плаща, в который должна быть одета женщина непременно с рыжими волосами, и отрезать его следовало в полночь именно этого числа. Конечно, все тонкости волшебства оставались для меня тайной за семью печатями. Джек был счастлив, поэтому доволен был и я.

Гораздо позже, после безуспешных поисков Ночного Ветра, я вернулся домой и дремал в гостиной, как вдруг услышал тихий скребущий звук в другой половине дома. Потом стало тихо. Я принялся за расследование.

В кухне и кладовке — никого. Сделал несколько кругов. У входа в холл уловил запах. Остановился, при-

* Имеется в виду знаменитый Шерлок Холмс.

слушался. Засек легкое движение — внизу и впереди справа. Увидел.

Перед зеркалом, наблюдая за скользкими Тварями, сидела большая черная крыса. Я перестал дышать, прокрался вперед, так, чтобы схватить ее одним коротким рывком, и сказал:

— Полагаю, ты развлекаешься последние мгновения своей жизни.

Зверек подскочил, а я обрушился на него, ухватив за основание шеи.

— Подожди! Я все объясню! — крикнул он. — Нюх! Ты — Нюх! Я пришел повидать тебя!

Я не сжимал зубов и не ослаблял хватки. Одно резкое движение — и у него будет сломан позвоночник.

— Мне о тебе поведал Игла, — торопился зверек. — Плут сказал мне, как тебя найти.

Я не мог ответить, рот был занят.

— Плут говорил, что ты умный, я хотел поговорить. Никого не было, и я вошел через ту маленькую дверцу. Будь добр, отпусти меня.

Я отнес крысу в угол, опустил на пол и сам сел напротив.

— Итак, ты — участник Игры, — сказал я.

— Да.

— Тогда ты должен знать, что проникновение в дом другого игрока без приглашения подлежит наказанию.

— Да, но это был единственный доступный для меня способ связаться с тобой.

— Что же ты хочешь рассказать?

— Я знаю Шипучку, а Шипучка знает Ночного Ветра...

— Это все?

— Шипучке Ночной Ветер сказал, что ты много знаешь об игроках и их замыслах. И что ты иногда обмениваешься информацией. Я бы хотел кое-что предложить.

— Почему ты не предложил это Ночному Ветру?

— Я не знаком с Ночным Ветром. Совы пугают меня. Кроме того, я слышал, что он держит клюв на замке. Все прячет под перья и прижимает крылья ближе к телу.

Зверек захихикал над собственной шуткой. Я промолчал.

— Если ты просто хотел поговорить, зачем ты шнырял вокруг? — спросил я.

— Меня очень заинтересовали Твари в зеркале.

— Ты в первый раз сюда забрался?

— Да!

— С кем ты?

— С Добрым Доктором.

— У меня есть подруга по имени Серая Мстелка, она по случайности — кошка. И часто здесь бывает. Если я узнаю, что ты затеваешь что-то недоброе, я попрошу ее приходить сюда регулярно.

— Я не ищу неприятностей, черт побери! Давай не будем впутывать сюда кошку!

— Ладно. Что ты предлагаешь в обмен и что тебе нужно?

— Я хочу, чтобы ты назвал мне всех известных тебе участников Игры и сказал, где они живут.

— А что я получу?

— Я знаю, где отдыхает Граф.

— Эту информацию собирался добыть Ночной Ветер.

— У него не хватает ловкости, чтобы проследить за Иглой в лесу. Совы не могут летать зигзагами, как летучие мыши.

— Возможно, ты прав. Отведешь меня туда?

— Да. В обмен на список участников.

— Хорошо, — сказал я. — Но это ты пришел ко мне. Поэтому я ставлю условия. Сначала покажи мне это место. Потом я скажу тебе, кто еще играет.

— Согласен.

— А как тебя называть?

— Бубон, — ответил он.

Я отступил назад.

— Пойдем.

Было холодно, ветрено и сыро. На западе, низко над горизонтом, висело несколько облаков. Звезды казались очень близкими.

— В какую сторону? — спросил я.

Он указал на юго-восток и двинулся в этом направлении. Я пошел следом. Мы пересекли поле, вошли в рощу.

— Это тот самый лес, где Игла мог оторваться от Ночного Ветра?

— Тот самый.

Бубон повел меня между деревьями. Скоро мы вышли на поляну, и он остановился среди замшелых каменных обломков, сохранившихся тут, видимо, с незапамятных времен.

— Ну? — спросил я.

— Вот это место.

— Остатки старой церкви?

Я прошел вперед, пригнувшись. Ничего похожего... На пологом холме, среди развалин, в гряде камней я заметил щель, заглянул в нее и увидел, что вниз идет ход.

— Бубон, — позвал я. — Посмотри. Похоже, когда-то, очень давно здесь был совсем иной ландшафт. Часть поверхности, на которой мы сейчас стоим, ушла под землю и заросла. Подозреваю, что под нами равелины. Как ты думаешь?

— Не знаю. Я никогда не был там, внутри, — ответил он. — Это не то место. Кладбище — под холмом, вон там.

Он двинулся в том направлении, куда указывал, а я последовал за ним — мимо полузасыпанных могильных камней, разрушенного склепа... Бубон ринулся вперед.

— Здесь дыра, — сообщил он. — Его место там, внизу.

Я заглянул. Было слишком темно, чтобы я смог что-нибудь разглядеть. Вот если бы с нами сейчас был Ночной Ветер или Серая Метелка...

— Остается поверить тебе на слово, — сказал я.

— Назови же мне имена и места, как обещал.

— Скажу по дороге.

— Это место тебе действует на нервы?

— Неподходящий месяц, чтобы рисковать, — ответил я.

Бубон засмеялся:

— Очень смешно!

— И правда смешно, — ответил я.

Умирающая луна взошла над верхушками деревьев, освещая нам путь.

В полночь я обретаю дар речи. Я встал, потянулся и ждал, когда часы перестанут бить. Джек, тоже поднявшийся специально по этому случаю, наблюдал за мной с интересом и насмешливо одновременно.

— Трудный был день, Нюх? — спросил он.

— К нам пожаловал посетитель, пока ты спал. Крыса по имени Бубон, — сказал я, — компаньон Доброго Доктора.

— И что?

— Мы обменялись сведениями. Список игроков на место могилы Графа. Он говорит, что могила на кладбище у развалин церкви на юго-востоке. Показал мне.

— Хорошая работа, — похвалил Джек. — Как это влияет на твои расчеты?

— Трудно сказать. Собираюсь все обдумать, а потом мне придется понаблюдать.

— Игра еще в самом начале, — произнес хозяин. — Ты же знаешь, как может меняться картина.

— Это правда, — ответил я. — Но по крайней мере теперь мы немного лучше информированы, чем прежде. Конечно, нужно проверить содержимое склепа днем, чтобы быть уверенным. Думаю, мне удастся убедить Серую Метелку это проделать.

— Не Шипучку?

— Я больше доверяю кошке и, раз уж приходится идти на сделку, охотнее имел бы дело с ней, чем с кем-то другим.

— Значит, тебе известны ее убеждения?

Я отрицательно покачал головой:

— Нет, руководствуюсь чувствами.

— Она говорила о своей хозяйке Джил?

— Без каких-либо подробностей.

— Мне кажется, эта леди гораздо моложе, чем старается показать.

— Возможно. Не знаю. Никогда ее не встречал.

— А я встречал. Дай мне знать, если кошка заговорит о том, на чьей они стороне.

— Хорошо, но она не заговорит, а спрашивать я не собираюсь.

— Ну как знаешь.

— Вообще-то никто из нас ничего не выиграет, предлагая информацию в такое время. Но можно кое-

что проиграть в плане сотрудничества. Если только у тебя не возникла настоящая необходимость в информации, о которой я не знаю. В таком случае, однако...

— Я понимаю. Оставим это. Ничего такого не узнал об остальных?

— Нет. Мы сегодня выходим?

— Пока нам хватит. У тебя какие-то планы?

— Немного расчетов и много отдыха.

— Ну что ж, неплохо.

— Ты помнишь, как тогда, в Дижоне, эта леди с другой стороны умудрилась тебя сбить?

— Трудно забыть такое. Почему ты спрашиваешь?

— Просто так. Воспоминания. Спокойной ночи, Джек.

Я пошел в свой любимый угол и устроился там, положив голову на лапы.

— Спокойной ночи, Нюх.

Я слышал его удаляющиеся шаги. Пришло время навестить Рычуна и взять у него очередной урок слежки. Вскоре окружающий мир исчез.

8 ОКТЯБРЯ

Вчера ночью и сегодня утром я мысленно провел еще несколько линий, но, прежде чем мне удалось составить более-менее приемлемую схему, к нам пожаловал гость.

Я пролаял два раза, когда раздался звонок. Джек открыл дверь.

Высокий, солидный человек, с темными волосами, улыбаясь, стоял на пороге.

— Привет, — произнес он, — меня зовут Ларри Тальбо. Я ваш новый сосед и счел возможным засвидетельствовать свое почтение.

— Не хотите ли войти и выпить со мной чашечку чаю? — спросил Джек.

— Благодарю.

Джек провел его в гостиную и, извинившись, вышел на кухню. Я остался наблюдать. Тальбо несколько раз взглянул на свою ладонь. Потом внимательно осмотрел меня.

— Славный парень, — сказал он.

Я открыл пасть, вывалил наружу язык и часто задышал. Но не подошел к нему. Что-то такое было в его запахе... какой-то намек на дикость, который меня озадачил.

Джек вернулся с чаем и печеньем, и они некоторое время болтали — о соседях, о погоде, о недавней вспышке серьезных ограблений, об убийствах. Я наблюдал за ними — двое солидных мужчин, у обоих в лице что-то от хищника. Они прихлебывали чай и рассуждали

об экзотических цветах, которые выращивал Тальбо, о том, каково им будет в этом климате, даже в доме.

Затем с чердака донесся ужасный треск. Я немедленно покинул комнату и, стремительно огибая углы, понесся прыжками по лестнице. Тварь стояла перед распахнутой дверью шкафа.

— Свободна! — объявила она, разминая лапы, складывая и расправляя черные чешуйчатые крылья. — Свободна!

— Черта с два! — Оскалившись, я прыгнул.

Я ударил ее, отбросив обратно в шкаф. Полоснул зубами дважды, слева и справа, когда она попыталась схватить меня. Припал к полу и укусил за ногу. Потом снова бросился на нее, и она отпрянула к задней стенке своей тюрьмы, оставив в воздухе густой запах мускуса. Я навалился на дверь, захлопнул ее и попытался закрыть щеколду лапой. Как раз в этот момент вошел Джек и сделал это вместо меня. В правой руке он небрежно держал нож.

— Ты образцовый сторожевой пес, Нюх! — провозгласил он.

Через секунду появился Ларри Тальбо.

— Проблемы? Могу ли я чем-либо помочь?

Джек в одно мгновение спрятал нож и обернулся.

— Нет, спасибо, — ответил он. — Это не так серьезно, как могло показаться по шуму. Вернемся к нашему чаю?

Они вышли. Я последовал за ними вниз по лестнице, Тальбо двигался так же бесшумно, как и мой хозяин. У меня почему-то возникло ощущение, что он — участник Игры и что этот инцидент убедил его и в нашей к ней причастности.

Уходя, новый сосед сказал:

— Предвижу, что нам предстоят трудные дни, прежде чем истечет этот месяц. Если вам понадобится помощь, — любая, — можете на меня рассчитывать.

Несколько долгих мгновений Джек изучающе смотрел на него, потом ответил:

— Вы так говорите, даже не зная моих убеждений?

— Думаю, я их знаю, — ответил Тальбо.

— Но каким образом?

— Хороший у вас пес, — произнес Тальбо. — Умеет закрывать двери.

С этим он ушел. Я проводил его до дома, конечно, чтобы посмотреть, действительно ли он живет там, где сказал. Убедившись в том, что так оно и есть, я понял, что мне предстоит провести новые линии. Занятно, однако.

Он ни разу не обернулся и не посмотрел назад, но я не сомневался: он знает, что я всю дорогу шел следом.

Позже я лежал во дворе, делал расчеты. Задача усложнялась.

Послышались шаги. Приблизились. Замерли.

— Хороший пес, — услышал я голос, который мог принадлежать очень древнему джентльмену. Это был Друид. Что-то он швырнул через садовую ограду во двор, и это «что-то» шлепнулось на землю рядом со мной. — Хороший пес, — повторил он и пошел дальше, а я обследовал предмет.

Это был кусок мяса. Только самая неразборчивая бездомная собака не усомнилась бы в нем, хотя он благоухал экзотическими приправами. Я осторожно отнес его под дерево и закопал.

— Bravo! — послышался сверху шипящий голос. — Я был уверен, что ты на это не клюнешь.

Я взглянул вверх. Вокруг ветки над моей головой обвился Шипучка.

— Ты давно там? — спросил я.

— С тех пор, как пришел ваш первый гость — тот, высокий. Я за ним следил. Он в Игре?

— Не знаю. Думаю, да, но трудно сказать наверняка. Какой-то он странный. Похоже, у него нет компаньона.

— Может быть, он сам себе лучший друг. Кстати...

— Ну?

— Компаньонка сумасшедшей ведьмы, наверное, как раз сейчас выпускает дух.

— В каком смысле?

— Трам, бам, бух!*

— Не понимаю.

* Реплики Шипучки построены на детской считалочке из «Сказок Магушки Гусьни».

— В буквальном смысле. Кошку в колодец — плюх.
— Кто ее сбросил?
— Маккаб, ни совести, ни стыда.
— Где?
— Около уборной, дерьмо в воде. В колодец за домом Сумасшедшей Джил. Полагаю, не дает ему пересохнуть.

— Почему ты мне рассказал? Ты ведь ни с кем не дружишь.

— Я уже участвовал в Игре, — ответил Шипучка. — Я знаю, что еще слишком рано устранять игроков. Следует подождать, пока не умрет луна. Но Маккаб и Моррис — новички.

Я вскочил и стремглав помчался к холму.

— Кошка, кошка, промочила ножки!.. — распевал он мне вслед.

Я взлетел на холм, потом припустил вниз, к дому Сумасшедшей Джил. Окружающий пейзаж слился в одно туманное пятно. Я прорвался сквозь изгородь и через секунду увидел вблизи дома обложенное камнем и накрытое крышей сооружение со стоящим на краю ведром. Я бросился к нему, вскочил на край и глянул вниз. Из глубины слышался тихий плеск.

— Серая! — позвал я.

Едва слышное «Здесь!» донеслось до меня.

— Отодвинься в сторону! Бросаю ведро!.. — крикнул я.

Плеск стал громче и живее. Я столкнул ведро в колодец. Было слышно, как оно, раскручиваясь, опускается все ниже и вот, наконец, ударилось о воду.

— Забирайся в ведро! — крикнул я.

Если вы когда-нибудь пробовали вертеть лапами ручку колодезного барабана, то знаете, какая это нелегкая работа. Прошло много, много времени, пока я поднял ведро и Серая Метелка, насквозь промокшая и задыхающаяся, смогла выбраться на край колодца.

— Как ты узнал? — пробормотала она.

— Шипучка видел, понял, что время выбрано неудачно, рассказал мне.

Она отряхнулась и принялась вылизывать свой мех.

— Джил украла собранные травы у Морриса и Маккаба, — объяснила она, продолжая приводить себя в по-

рядок. — Но в дом не входили. Оставили их на крыльце. Должно быть, Ночной Ветер засек нас. Что-нибудь новенькое есть?

Я рассказал ей о визите Бубона вчера ночью и Тальбо сегодня утром.

— Я пойду с тобой, — сказала Метелка. — Позже. Когда отдохну и просохну. Мы проверим склеп Графа. — А пока, — продолжала она, — мне необходимо теплое местечко и немного кошкиной дремы.

— Я тоже должен кое-что проверить.

— Пока.

Когда я пробирался сквозь изгородь, она окликнула меня:

— Кстати, спасибо.

— De nada*, — ответил я и отправился на вершину холма.

* Не за что (исп.).

9 ОКТЯБРЯ

Вчера ночью мы добыли еще несколько ингредиентов, необходимых хозяину для волшебных церемоний. Когда мы остановились на каком-то углу в Сохо, к нам, выйдя из тумана, приблизились Великий Детектив и его спутник.

— Добрый вечер, — поздоровался Великий Детектив.

— Добрый вечер, — ответил Джек.

— Не найдется ли у вас огонька?

Джек протянул ему коробку восковых спичек.

Пока Детектив раскуривал трубку, они смотрели друг другу в глаза.

— Вокруг полно дежурных полицейских.

— Да.

— Могу предположить, что-то происходит.

— Очевидно.

— Вероятнее всего, это связано с убийствами.

— По-видимому.

Великий Детектив вернул спички.

Этот человек, как я заметил, слушая собеседника, пристально всматривается в его лицо, одежду, ботинки. Такой сосредоточенности я никогда прежде не наблюдал. Да и вообще человеку это не свойственно. Только собака, притом сторожевая, способна оценить подобные качества.

— Я вас замечал здесь и раньше.

— А я — вас.

— Вероятно, мы снова встретимся.

- Возможно.
- Будьте осторожны. Стало опасно.
- Вы тоже берегите себя.
- О, непременно. Спокойной ночи.
- Спокойной ночи.

Я воздержался от желания порычать, чтобы произвести впечатление, хоть у меня и мелькнула такая мысль. Еще долго после того, как Великий Детектив и его спутник скрылись из виду, я прислушивался к их шагам.

— Нюх, — сказал Джек, — запомни этого человека.

Где-то на нашем долгом, долгом пути к дому, распластав неподвижные крылья, пролетел филин. Может, это был Ночной Ветер? Под мостом сновали крысы, и я вспомнил Бубона. В Темзе плавали звезды, в воздухе было густо от запахов.

Я поспевал за широким шагом Джека, умудряясь в то же время обследовать по дороге каждого спящего на улице, скорчившегося в своем укрытии. Временами мне казалось, что за нами следят, но доказательств не было. Очень может быть, что само наше движение по октябрю уже порождало беспокойство. Разумеется, положение дел будет и дальше ухудшаться, прежде чем все войдет в обычную колею — если это вообще когда-нибудь произойдет...

— А, Джек! — раздался слева от нас голос. — Добрый вечер.

Джек замедлил шаг, обернулся, готовый в любой момент выхватить нож.

Ларри Тальбо шагнул из темноты, поднося руку к полям шляпы.

— Мистер Тальбо... — начал Джек.

— Называйте меня «Ларри». Пожалуйста.

— Ну да, вы же американец. Добрый вечер, Ларри. Что вы здесь делаете так поздно?

— Гуляю. Подходящая ночь для прогулок. У меня бессонница. Вы были в городе?

— Да.

— Я тоже. Встретил самого Великого Детектива и его друга. Он попросил у меня огонька.

— Вот как?

Ларри взглянул на свою ладонь и, по-видимому, удостоверившись в чем-то, продолжал:

— Очевидно, он участвует в расследовании последних убийств... Еще одно произошло сегодня ночью, насколько мне известно. Вы что-нибудь слышали?

— Нет.

— Он призвал меня к осторожности. Полагаю, это хороший совет для всех нас.

— Как вы думаете, есть ли у него какие-нибудь реальные ключи к разгадке?

Ларри покачал головой:

— Трудно понять, что думает этот человек. Его партнер, однако, пробормотал что-то насчет собак.

— Интересно.

— Я пройду с вами часть обратного пути, если не возражаете.

— Разумеется.

— Осталось еще восемь дней до того, как умрет луна, — произнес Джек через некоторое время. — А вы наблюдаете за луной, Ларри?

— Очень даже, — прозвучало в ответ.

— Мне следовало догадаться.

Довольно долго мы шли молча. Ларри шагал так же широко, как Джек.

— Вы знакомы с неким Графом? — неожиданно спросил Ларри.

Джек ответил не сразу.

— Я о нем слышал, но никогда не имел удовольствия встречаться, — произнес он медленно.

— Граф появился в городе, — сказал Ларри. — У нас с ним давние отношения. Я всегда могу определить, что он где-то поблизости. Полагаю, он Открывающий.

Джек промолчал. Я мысленно вернулся во вчерашний день, когда мы с Серой Метелкой пошли после обеда по маршруту, показанному мне Бубоном. Она рискнула спуститься в склеп и пробыла там довольно долго, бесшумная, как все кошки, потом появилась наверху и сказала:

— Крыса была права. Там внизу стоит красивый гроб на паре козел. И открытый сундук, в котором одежда на смену и некоторые личные вещи.

— Зеркала нет?

— Зеркала нет. А Игла висит сверху, среди корней.

— Значит, Бубон не обманул, — сказал я.

— Никогда не доверяй крысе, — молвила Серая Метелка. — Ты говорил, что он тайком пробрался в ваш дом и вынюхивал кругом. А что, если это и была настоящая причина его визита и он предложил информацию только затем, чтобы скрыть ее, раз уж ты его поймал?

— Мне приходило это в голову. Но я услышал, как он вошел, и знал точно, где он находится. Все, что ему удалось увидеть, — это Твари в зеркале.

— Твари в зеркале?

— Да. У вас их разве нет?

— Думаю, нет. А что они делают?

— Ползают.

— О!

— Пойдем. Я тебе покажу их.

— Ты уверен, что это прилично?

— Уверен.

Потом, в доме, Метелка уперлась лапой в свое отражение и сказала, глядя в зеркало:

— Ты прав. Они ползают.

— Они еще и цвет меняют, когда приходят в возбуждение.

— Где вы их взяли?

— В заброшенной деревне в Индии. Все умерли от чумы или сбежали.

— У них, наверное, есть какое-то применение...

— Да, они липкие.

— О!

Я проводил ее к дому Джил, и, прощаясь, она сказала:

— Боюсь, я не могу пригласить тебя зайти или показать тебе что-нибудь из наших вещей.

— Не беспокойся.

— Ты сегодня ночью будешь вынюхивать?

— Придется идти в город.

— Желаю удачи.

Мы расстались с Ларри на перекрестке у его дома и вернулись к себе. Во дворе я учуял запах филина и увидел Ночного Ветра, сидящего на ветке того самого де-

рева, которое раньше навестил Шипучка. Может, его оставили сторожить? Я проворчал «Добрый вечер» и, не получив ответа, поспешил в дом, дабы подтвердить или опровергнуть свои опасения. Но внутри никого не было и никем посторонним не пахло. Все, как обычно. Значит, просто шпионил. Когда делать нечего, мы наблюдаем друг за другом.

Джек ушел заниматься своими приобретениями. Я предался собачьей дреме в гостиной.

10 ОКТЯБРЯ

Весь день шел дождь, поэтому я почти не выходил. А если выходил, то недалеко. Никто мне не встретился. Я совершил больше обходов дома, чем обычно, отчасти от скуки. Не без пользы.

Когда я зашел в подвал, Тварь вела себя необычно тихо. Скоро я понял почему. У нас протекла крыша. Вода просочилась у стенки, сбегала по просевшей балке, и на расстоянии нескольких футов от нее уже образовалась лужа, которая постепенно росла. Одно мокрое псевдощупальце вытянулось в направлении круга, ему оставалось еще дюймов десять продвинуться, после чего круг был бы прорван.

Я взвыл долгим, громким, заунывным воем, подходящим как раз для таких случаев. Потом прыгнул на мокрую полоску и стал кататься в ней, впитывая воду своей шерстью.

— Эй! — закричала Тварь. — Прекрати! Этому суждено было случиться!

— И этому тоже! — огрызнулся я и стал кататься в самой луже, стараясь впитать воду.

Промок насквозь. Потом покатался по сухому полу, размазывая влагу в таком месте, где она испарится без вреда.

— Проклятый пес! — оскалилась Тварь. — Еще несколько минут, и мне бы удалось вырваться!

— Наверное, это просто неудачный для тебя день, — ответил я.

На лестнице раздались шаги, вошел Джек и, увидев, что произошло, отправился за шваброй. Вскоре он уже убирал остаток лужи и выжимал тряпку в раковину, а Тварь кипела от ярости и становилась розовой, голубой и бледно-зеленой. Потом он подставил под капли ведро и велел позвать его, если появятся еще протечки.

Но больше их не было. Я проверял регулярно всю вторую половину дня. С наступлением темноты дождь прекратился. Все же я подождал еще несколько часов — на всякий случай, — прежде чем вышел из дома.

Прежде всего я выкопал уже ставший скользким кусок отравленного мяса, который закопал днем раньше. Взял его и, подойдя к дому Оуэна, положил на виду у входной двери. В доме было темно, и Плути нигде не было видно, поэтому я немного порыскал вокруг.

Под старым дубом на заднем дворе я обнаружил восемь больших плетеных корзин разной степени завершенности и еще семь поменьше. Вокруг лежало много толстых веревок, неподалеку стояла лестница. Производство у замухрышки налажено неплохо...

Я вышел со двора в поле. По дороге снова начал накрапывать дождь. Черные тучи закрыли часть неба, в них мелькнуло короткое бледное свечение, за которым последовали глухие раскаты грома.

Продолжив путь, я наконец приблизился к месту обитания Доброго Доктора. Скопление густых низких облаков было теперь прямо над моей головой. Вдруг из них вылетел огненный трезубец и, упав вниз, заплясал среди громоотводов на крыше. Тут же раздался треск, окна в подвальном этаже засияли ярче.

Весь обратившись в слух, я затаился в траве. В доме мужской голос прокричал что-то насчет лейденских банок, вслед за тем повторилась еще более интенсивная вспышка, сопровождавшаяся треском, еще одна дьявольская чечетка огня на крыше, крики, языки пламени из окон...

Я подполз ближе и заглянул внутрь. Высокий человек в белом халате стоял ко мне спиной, наклонившись над чем-то, лежащим на длинном столе; своим телом он закрывал от меня объект его внимания. Маленький скособоченный человечек скорчился в дальнем углу, глаза его бегали, а руки совершали нервные движения.

Сверкнула еще одна вспышка, раздался еще один громовой удар. Электрические разряды плясали над столом с аппаратурой справа от высокого. Они на некоторое время лишили меня способности видеть. Высокий что-то прокричал и отодвинулся в сторону, маленький поднялся и начал плясать вокруг. Нечто, лежащее на столе, накрытое, как я теперь разглядел, простыней, задергалось. Это было похоже на большую ногу под тканью.

Еще раз ослепительно сверкнуло и оглушающе затрепало. Комната за окном на мгновение превратилась в преисподнюю. Сквозь все эти помехи мне показалось, что нечто большое и напоминающее человека пытается сесть на столе, но его очертания скрывала развевающаяся простыня.

Я отпрянул от окна, потом, не оглядываясь, побежал прочь. А с небес все падал огонь. Я выполнил свой долг: наблюдений для одной ночи более чем достаточно.

Теперь я держал путь вдоль следующей линии — от дома Доброго Доктора до дома Ларри Тальбо. Я вышел из зоны дождя и отряхнулся. Дом Ларри был ярко освещен. Возможно, Ларри действительно страдает бессонницей.

Я несколько раз обошел дом кругом и решил обследовать маленькую башенку у задней стены. Внутри, на засохшей грязи, я обнаружил отпечаток крупной лапы, показавшийся мне идентичным отпечатку, который я видел у своего дома.

Потом я встал на задние лапы и, опираясь передними о стену, заглянул в окно. Пустая комната. Таким же образом я обследовал еще два окна. В последнем я увидел помещение со стеклянным потолком, заполненное растениями. Ларри был там, он стоял, уставившись в глубину огромного цветка, и улыбался. Его губы шевелились, и хотя я смог расслышать тихие звуки, но не мог разобрать слов. Огромный цветок двигался перед его лицом — то ли от воздушных потоков, то ли по его воле. Ларри все продолжал что-то шептать, и я отвернулся: многие люди разговаривают со своими растениями.

Потом я попытался сориентироваться, насколько возможно, и пройти по прямой линии от дома Ларри к склепу Графа. Сначала я подошел к разрушенной церкви

и остановился там, стараясь увидеть остальную часть схемы. Тем временем на востоке начало светлеть.

Я лежал и гадал, как вдруг большая летучая мышь — гораздо более крупная, чем Игла, — подлетела с севера и нырнула за большое дерево. Я ждал ее появления с обратной стороны, однако вместо этого услышал легкие шаги, и из-за дерева вышел человек в черном.

Я уставился на него. Он резко повернулся ко мне и спросил:

— Кто здесь?

Я внезапно почувствовал себя в высшей степени незащищенным. Инстинкт подсказал мне единственно возможную в данной ситуации роль. Издав серию идиотских повизгиваний, я ринулся вперед, отчаянно махая хвостом, бросился перед ним на землю и стал кататься, подобно какому-нибудь бродяге, до смерти истосковавшемуся по вниманию человека.

Ярко-красные губы незнакомца скривились в мимолетной улыбке. Затем он наклонился и почесал меня за ушами.

— Славный песик, — сказал он медленно хриловатым голосом.

Потом похлопал меня по голове, выпрямился и пошел к склепу. Дойдя до него, остановился. И через мгновение там, где он стоял, уже никого не было.

Я решил, что пора и мне убраться. Его прикосновение было странно холодным.

11 ОКТЯБРЯ

Свежее утро. Завершив обход, я вышел во двор. Не смог обнаружить ничего особенного и пустился в направлении дома Доброго Доктора. Когда я трусил по дороге, услышал знакомый голос из маленькой рощицы справа от меня:

— Вон, сэр, та самая собака.

— Как ты можешь быть уверен? — прозвучало в ответ.

— Я записал некоторые приметы, и они совпадают: он также прихрамывает на левую переднюю лапу, у него тоже порвано правое ухо...

...Старые боевые раны — разборки с глупым парнем в Вест-Индии. Очень давно...

Конечно, это беседовали Великий Детектив и его компаньон.

— Вот молодец, — услышал я. — Хороший пес. Славный пес.

Я вспомнил свое вчерашнее представление, замахал хвостом и постарался принять самый дружелюбный вид.

— Славный пес, — повторил Великий Детектив. — Покажи нам, где ты живешь. Отведи нас домой.

С этими словами он погладил меня по голове. Его руки были гораздо теплее, чем у вчерашнего джентльмена.

— Домой. Теперь иди домой.

Припомнив Серую Метелку в колодце, я привел их к дому Морриса и Маккаба. Подождал вместе с ними на

крыльце, пока не услышал приближающиеся шаги в ответ на их стук. Тогда я убежал и срезал дорогу по прямой к склепу Графа. Результат получился интересный. И стал еще интереснее, когда я провел линию оттуда до дома Доброго Доктора.

После этого я провел еще несколько линий и получил тот же результат.

12 ОКТЯБРЯ

Неторопливый день. Тварь в кругу попробовала стать борзой. Но меня никогда не привлекали слишком тощие леди. Несколько раз рычал на Тварь на чердаке. Наблюдал за ползучими Тварями. Смотрел, как Джек забавляется со своими приобретениями. Еще слишком рано для того, чтобы по-настоящему их использовать.

Потом Серая Метелка рассказала мне, как Ночной Ветер схватил Шипучку, полетел с ним над Темзой и там далеко от берега бросил его в воду. После беднягу прибило к берегу. Ему пришлось долго ползти обратно. Неизвестно, в чем причина их ссоры.

Еще узнал о нескольких случаях неожиданного серьезного заболевания малокровием среди соседей. К счастью, Граф не занимается собаками.

Вечером принес Джеку тапочки и лежал у его ног возле жарко пылавшего камина, а он курил трубку, потягивал шерри и читал газету. Зачитывал вслух все, что писали об убийствах, поджогах, членовредительстве, тяжких ограблениях, осквернении церквей и необычных кражах.

Приятно иногда просто так посидеть и насладиться домашним уютом.

13 ОКТЯБРЯ

Сегодня опять приходил Великий Детектив. Я увидел его мельком, из-за изгороди, где как раз закапывал кое-что. Он меня не заметил.

Потом Серая Метелка рассказала мне, что он заходил в дом Оуэна. Ни его, ни Плути дома не было, и он немного пошарил вокруг и обнаружил плетеные корзины. Его помощник, сообщила Серая Метелка, повредил себе кисть, когда его послали залезть по лестнице на дуб, чтобы проверить прочность некоторых веток, а он оттуда свалился.

К счастью, он приземлился на кучу омелы, а то могло быть и хуже.

В тот вечер, совершая очередной обход, я услышал, как кто-то скребется в окно наверху. Я подошел и выглянул. Сперва ничего не увидел, а потом разглядел маленькую тень, метавшуюся взад и вперед.

— Нюх! Впусти меня! Помоги! — кричала тень.

Это был Игла.

— Очень нужно всех вас в дом приглашать! — ответил я.

— Вот так храбрец! Я всего лишь летучая мышь! Я даже томатный сок не люблю! Пожалуйста!

— Что случилось?

Громкий шелчок донесся до меня из-за стены.

— Это викарий! — закричал Игла. — Он свихнулся! Впусти меня!

Я отодвинул лапой засов и толкнул раму. Та приоткрылась на несколько дюймов, и Игла очутился в доме.

Тяжело дыша, упал на пол. Снаружи раздался еще один щелчок.

— Я не забуду этого, Нюх, — сказал он. — Дай минуту отдышаться...

Я дал ему две, после чего он зашевелился.

— У вас есть здесь какие-нибудь жуки? — спросил Игла. — У меня такой активный метаболизм, а мне пришлось потратить много энергии.

— Чтобы поймать их, потребуется немало усилий, — ответил я. — Они довольно быстро бегают. Как насчет фруктов?

— Фрукты тоже неплохо...

— На кухне стоит ваза с фруктами.

Он слишком устал, чтобы долететь туда, а я боялся взять его в пасть, он казался мне слишком хрупким. Поэтому я позволил ему вцепиться мне в шерсть.

Пока я спускался по лестнице, Игла повторял:

— Свихнулся, свихнулся...

— Расскажи мне об этом, — попросил я, пока он пирировал, лакомясь сливой и парой виноградин.

— Викарий Робертс пришел к убеждению, что в округе происходит нечто неестественное, — начал Игла.

— Как странно. Что могло привести его на такую мысль?

— Мертвецы, в которых не осталось ни капли крови, и люди, страдающие малокровием. Все они видели очень яркие сны с участием летучих мышей.

Я много раз встречал викария Робертса во время своих рысканий — маленький толстый человечек с пушистыми бакенбардами. У него старомодные очки с квадратными стеклами в золотой оправе. Мне говорили, что в кульминационные моменты своих проповедей он часто сильно краснеет и брызгает во все стороны слюной и что иногда он подвержен приступам конвульсий, за которыми следуют потеря сознания и странные взрывы эмоций.

— Вполне допустимые мысли для человека с истерическими наклонностями, — сказал я.

— Наверное. Во всяком случае, он в последнее время приобрел привычку бегать ночью по приходу, вооружившись арбалетом и колчаном со стрелами — на-

зывает их «летающие колья»... Стук в дверь! Держу пари, это он! Спрячь меня!

— Нет необходимости, — ответил я. — Хозяин не позволит явному безумцу, имеющему опасное оружие, войти и обыскать дом. Наш дом — это место, где царят покой и благопристойность.

Дверь открылась, и я услышал, как они тихо разговаривают. Потом викарий повысил голос. Джек, будучи джентльменом, отвечал мягким вежливым тоном. Викарий стал кричать о Порождениях Ночи, Нечестивых Обрядах, Оживших Богохульствах и тому подобных вещах.

— Вы предоставили ему убежище! — разносился его крик. — Я иду за ним!

— Вы никуда не пойдете, — отвечал Джек.

— У меня есть моральное право на обыск, и будь я проклят, если не пройду! — заявил викарий.

Затем послышалась возня.

— Прошу прощения, Игла, — сказал я.

— Конечно, Нюх.

Я выбежал в прихожую, но Джек уже закрыл и запер на засов дверь. Он улыбнулся, увидев меня. За его спиной раздались удары в дверь.

— Все в порядке, Нюх, — сказал хозяин. — Я не собираюсь спускаться на беднягу собак. Гм-м... И где же твой друг?

Я взглянул в сторону кухни. Джек прошел туда, опередив меня на несколько шагов. Когда я вошел, он уже скармливал Игле виноградину.

— «Порождение Ночи», — сказал он. — «Ожившее Богохульство». Ты здесь в безопасности. Можешь даже съесть персик, если хочешь.

Джек вышел, насвистывая. Стук в дверь продолжался еще минуту-другую, потом все стихло.

— Что делать с этим человеком, как ты считаешь? — спросил Игла.

— Не надо попадаться ему на глаза. По-моему.

— Легко сказать. Вчера он выстрелил в Ночного Ветра, а недавно два раза стрелял в Плута.

— Почему? Они же не принадлежат к кровопийцам.

— Он заявил, будто у него было видение о сообществе мерзких особей и прирученных ими животных, они якобы готовят некое психическое действие, которое делает их врагами и поставит под угрозу безопасность человечества. Дело вампиров явилось первым «знаком», как он выразился, что это правда.

— Интересно, какой сплетник послал ему это видение?

— Трудно сказать, — ответил Игла. — Но вполне возможно, завтра он будет стрелять в тебя или в Джека.

— Надеюсь, прихожане пошлют его на континент, — предположил я, — на какие-нибудь целебные воды. Нам осталось примерно две с половиной недели.

— Вряд ли они это сделают. Мне кажется, он завербовал нескольких помощников, хвастаясь своими видениями. Сегодня ночью он не единственный, кто вооружился арбалетом.

— В таком случае нам, наверное, придется узнать, кто эти люди, где они живут, и не спускать с них глаз.

— Я лично использую не глаза, а эхолокацию, но я уловил твою мысль.

— Ночной Ветер и Плут уже, очевидно, все знают. Я предупрежу Серую Метелку, если ты оповестишь Шипучку и Бубона.

— А как насчет Тальбо?

— Насколько мне известно, у Ларри Тальбо нет другого компаньона, кроме растений. Думаю, он способен сам о себе позаботиться.

— Ладно.

— ...И нам всем следует договориться сообщать друг другу о том, кто они и где живут. Подобным типам все равно, каких убеждений ты придержишься.

— В этом я с тобой согласен.

Позже я проверил окрестности и не обнаружил близости личностей с арбалетами. Тогда я снова открыл окно и выпустил Иглу. Арбалетные стрелы викария торчали из оконного переплета у нас над головой.

14 ОКТЯБРЯ

Серая Метелка как раз закончила выкапывать что-то и волокла это «что-то» к дому, когда я вошел в их двор. Я ввел ее в курс событий прошлой ночи. Серая, хотя и предупреждала меня никогда не доверять летучим мышам, все же признала серьезность угрозы, представляемой викарием и его командой. Кто-то, очевидно, выстрелил в них с вершины холма, когда они с Джил пролетали вчера ночью, заставив их совершить вираж и изрядно поволноваться, отчего они едва не врезались в печную трубу.

Когда Серая Метелка закончила свои дела, она сказала:

— Я хотела обсудить с тобой кое-что.

— Давай.

— Сперва о главном. Я тебе лучше покажу.

Я последовал за ней со двора.

— Полицейский из Лондона вчера посетил констебля Теренса, — сказала она. — Шипучка и я видели, как он проезжал на гнедой кобыле.

— А дальше?

— Позже Плут видел эту кобылу пасущейся в поле и упомянул об этом странном факте. Мы обыскали всю округу, но всадника не оказалось.

— Вам надо было позвать меня. Я мог найти его по следу.

— Я заходила. Но тебя не было.

— Действительно, отлучался по делу... Ну и что же произошло?

— Потом я проходила по другому полю, тому, куда мы сейчас направляемся, возле вас. Там кружила пара ворон. Тут я подумала, что пора бы пообедать. Вороны, как выяснилось, тоже так думали. Они выклевывали глаза тому полицейскому, который лежал в траве. Как раз прямо перед нами.

Мы приблизились. Птицы уже исчезли. Человек был одет в полицейскую форму. У него была перерезана глотка и выклеваны глаза.

Я сел и уставился на него.

— Мне это совсем не нравится, — наконец произнес я.

— Не сомневаюсь.

— Это слишком близко. Мы живем вон там, рядом.

— А мы — вон там.

— Ты кому-нибудь уже рассказывала?

— Нет. Так, значит, одно из двух: либо это и вправду не ваших рук дело, либо ты хороший актер.

Я покачал головой:

— Зачем?

— Ходят слухи, что Джек имеет волшебную власть над неким ритуальным кинжалом.

— А у Оуэна есть серп. Что из того? А у Рацова есть удивительная икона, нарисованная сумасшедшим арабом, который отрекся от ислама. Но он мог воспользоваться и кухонным ножом. А у Джил есть метла. Она тоже могла бы найти что-нибудь, чем можно перерезать глотку.

— Ты знаешь об иконе?

— Конечно. Это моя работа — выслеживать орудия. Я же наблюдатель. А у Графа, вероятно, есть кольцо, а у Доброго Доктора — шар. Думаю, это просто обыкновенное убийство. Но теперь у нас на шее труп, вблизи от дома. Не просто какой-то труп — полицейский. Будет расследование, и, скажем прямо, мы все — подозрительные персонажи, нам есть что скрывать. Мы планировали пробыть здесь несколько недель. Мы стараемся выполнять как можно больше активной работы за пределами этого района — пока. Мы не хотим привлекать к себе внимания. Но мы все — временные жиль-

цы со странным прошлым. Это происшествие расстроит много планов.

— Если тело найдут.

— Да.

— А ты не мог бы вырыть яму, столкнуть его туда и зарыть? Так же, как ты поступаешь с костями?

— Они заметят свежую могилу, если начнут искать. Нет, не подходит. Нам придется убрать его отсюда.

— Ты достаточно сильный. Может быть, подтащишь его к той разрушенной церкви и столкнешь в расщелину?

— Слишком близко. К тому же это может спугнуть Графа, и он поменяет место из страха, что люди начнут шарить вокруг.

— И что?

— Мне нравится знать, где он обитает. Если он переедет, нам придется снова искать его...

— Тело, — напомнила Метелка.

— Я думаю... До реки ужасно далеко, но, может быть, дотащить его туда в несколько приемов и столкнуть в воду? Есть много мест, где я мог бы прятать его по дороге...

— А как насчет лошади?

— Ты не могла бы поговорить с Шипучкой? Расскажи ему о случившемся. Лошади часто боятся змей. Возможно, он напугает ее и заставит убежать обратно в город.

— Похоже, стоит попробовать. Но тебе надо проверить, справишься ли ты с телом.

Я обошел труп, потом, ухватив за воротник, напряг лапы и потянул. Он легко заскользил по мокрой траве и оказался легче, чем можно было предположить по его виду.

— Дотащить его до реки — размышляя я вслух, — за один раз мне не удастся, но, по крайней мере, я смогу убрать его отсюда.

— Хорошо. Посмотрю, нет ли поблизости Шипучки.

Она убежала, а я поволок полицейского, обратившего свое расклеванное лицо к сумрачному небу. Всю вто-

рую половину дня я тем и занимался: тащил, отдыхал, снова тащил, дважды прятал его — один раз, когда увидел людей, второй раз, когда вернулся домой, чтобы сделать обход (Тварь в паропроводе снова буйствовала). В какой-то момент мимо меня вдоль дороги проскакала лошадь.

К вечеру я выдохся и вернулся домой поспать и поесть, оставив труп в кустарнике. Я не преодолел даже половины пути.

15 ОКТЯБРЯ

Непрерывная серость и морось. Я рано сделал обход и вышел проверить обстановку вокруг дома. В течение ночи я несколько раз ходил к покойнику, чтобы продвинуться немного дальше. Утром просто валился с ног, а на рассвете заявился Игла.

— Он опять охотился со своей командой арбалетчиков, — сообщил Игла. — Я все еще точно не знаю, сколько их, но могу показать, где живет один.

— Потом, — ответил я. — Я очень занят.

— Ладно, — сказал он. — Вечером покажу, если мы оба будем свободны.

— Что-нибудь слышно о полиции?

— Полиция? По какому делу?

— Неважно. Расскажу, когда увидимся позже. Если только кто-нибудь еще не расскажет тебе первым.

— Пока!

Он умчался, а я пошел тащить покойника и тащил, пока совсем не обессилел. Когда я доплелся до дому, челюсти мои сводило, лапы болели, старая рана, полученная в деле зомби, ныла невыносимо.

Пока я отдыхал под деревом, зашла Серая Метелка.

— Как идут дела? — спросила она.

— Довольно неплохо, — ответил я. — Остался еще большой отрезок пути, но труп достаточно надежно спрятан. Я видел, как мимо пробежала лошадь. Догадался, что ты позаботилась.

— Да, Шипучка проявил готовность к сотрудничеству. Ты бы видел его представление! На лошадь оно произвело огромное впечатление.

- Отлично. Кто-нибудь приходил?
- Да. Я утром наблюдала за домом констебля. Туда приезжал инспектор из города. И еще Великий Детектив и его компаньон, у которого забинтована рука.
- Бедняга. Они долго там пробыли?
- Инспектор — нет. Но Великий Детектив остался, посетил викария и еще нескольких человек.
- Ух ты! Интересно, что он им рассказал?
- С того места, где я сидела, мне не было слышно. Но потом Детектив долго бродил по окрестностям. Они даже несколько углубились в поле по направлению к дому Доброго Доктора.
- Но не в сторону Графа, нет?
- Нет. Они остановились и расспрашивали Оуэна о разведении пчел. Предлог, конечно. И я была поблизости, когда они заметили стрелы, торчащие из стены вашего дома.
- Проклятье! — сказал я. — Забыл. Нужно с ними что-то сделать.
- Сейчас мне необходимо закопать кое-что, — сказала Метелка. — Поговорим позже.
- Да. У меня тоже есть работа.
- Я снова сделал обход, потом пошел и протащил труп еще немного. Поскольку я пробовал и так, и эдак, то пришел к выводу, что в окоченевшем виде тела легче, чем в обмякшем, а он опять обмяк.

Вечер. Джек снова захотел выйти. Когда игра достигает этой точки, в списке покупок всегда в последнюю минуту появляются необходимые предметы. На этот раз повсюду было полно патрульных, некоторые из них ходили парами. В какой-то момент мимо со свистом пронеслась Сумасшедшая Джил и привлекла их внимание; через открытую дверь пивной я увидел Растова, сидящего за столом в одиночестве, не считая бутылки водки и стакана. (Интересно, подумал я, что происходит в таких случаях с Шипучкой, если он внутри?) Крыса, похожая на Бубона, просеменяла мимо, держа палец во рту; прошел Оуэн, пошатываясь, с парой приятелей; их лица были перепачканы угольной пылью, и они пели что-то на уэльском наречии. Я видел Морриса — в па-

рике, в женской одежде, сильно нарумяненного, висящего на локте у Маккаба.

— Самое время повеселиться, — заметил Джек, — пока дела не приняли серьезного оборота.

Человек с повязкой на одном глазу, со спутанными волосами, страшно хромая и поджимая сухую руку, проковылял мимо. Он торговал карандашами, которые держал в жестяной кружке. Я сразу понял — по запаху, что это замаскированный Великий Детектив. Джек купил у него карандаш и щедро расплатился.

Торговец буркнул:

— Благослови вас Бог, господин, — и захромал дальше.

На этот раз наши поиски были исключительно трудными, и хозяин рисковал больше, чем обычно. Когда мы убегали, преследуемые несколькими патрульными и пронзительными свистками, вдруг открылась какая-то дверь и знакомый голос произнес:

— Сюда!

Мы нырнули внутрь, дверь за нами закрылась, и через несколько секунд я услышал, как полицейские пронесли мимо.

— Спасибо, — донесся шепот Джека.

— Рад, что смог помочь, — ответил Ларри. — Похоже, сегодня вечером все гуляют.

— Такое время... — сказал Джек, и из его свертка начало потихоньку капать.

— У меня тут есть полотенце, можете его взять, — сказал Ларри.

— Благодарю вас. Откуда вы знаете, что оно пригодится?

— Я же обладаю даром предвидения, — усмехнулся Ларри.

На этот раз он не пошел нас провожать, а я извинился и вернулся к своему покойнику, протащил его дальше. Кто-то добрался до него и украл некоторые части тела, но в основном он все еще целый.

Пока я с трудом продвигался вперед, откуда-то сверху послышался голос Серой Метелки. Но моя пасть была занята, и я не хотел бросать работу.

Прошлой ночью я крепко спал, проснулся — все бо-лит. Пошел делать обход.

— Как насчет афганской борзой? — спросила Тварь в круге, приняв милый аристократичный облик.

— Извини. Сегодня я слишком устал, — ответство-вал я.

Она выругалась, и я удалился. Все ползуны угрюмо свернулись клубком в одном месте, и я не мог понять почему. Одна из маленьких тайн жизни... Во дворе я об-наружил мертвую летучую мышь, пригвожденную к де-реву тремя арбалетными стрелами. Это был не Игла, кто-то посторонний. Что-то надо предпринимать...

У покойника исчезли еще кое-какие части тела, и пахло от него не слишком приятно. Я протащил его до следующего укрытия. Но делал это без энтузиазма. Вер-нулся домой — челюсти болят, шея ноет, лапы стерты.

— Я хочу умереть. Я хочу умереть, — раздался тон-кий голос почти у меня из-под лап.

— Шипучка, в чем дело? — спросил я.

— Хозяина вырвало прямо здесь, — ответил он. — Я воспользовался случаем и выбрался. Я хочу умереть.

— Продолжай валяться на дороге, какая-нибудь по-возка проедет и исполнит твое желание... Все-таки луч-ше перебирайся на обочину. Давай я помогу.

Я отнес недужную рептилию в траву.

— Что мне предпринять, Нюх? — спросил он.

— Лежать на солнце и потеть, — сказал я. — Пить много жидкости.

— Не знаю, стоит ли прикладывать такие усилия.

— Потом ты почувствуешь себя лучше. Поверь мне.

Я оставил его стонать на камне. Двинулся домой, кое-как сделал обход. Хозяина не было. Пошел и поспал в гостиной, проснулся, поел, снова задремал.

Потом я услышал шаги, приближающиеся к парадной двери. Джек пришел, как я понял, в компании Ларри Тальбо. Они остановились снаружи, продолжая разговор, начатый, очевидно, по дороге. Похоже, они только что вернулись от констебля Теренса, куда их пригласили вместе с несколькими другими соседями для допроса городской полицией относительно пропавшего полицейского, которого я таскал по полям. Я понял, что следующая группа соседей пришла туда после них для продолжения расследования. В тот момент я так мерзко себя чувствовал, что был бы только рад, если бы они забрали то, что осталось от этого человека.

— ...А викарий Робертс, прожигающий каждого взглядом, будто мы все это сделали... — говорил Ларри. — Какое право имеет этот человек присутствовать на официальном расследовании? Он же совершенно чокнутый!

— К счастью, — ответил Джек. — Иначе кто-нибудь мог бы принять всерьез его теории.

— Правда, — согласился Ларри. — Если кого-то нужно прикончить, то он выглядит лучшим кандидатом.

— В этом случае его видения вызовут больше доверия.

— В том-то и дело. — Последовал вздох. — Я просто зол на тех, кто усложняет и без того сложное положение. — Он снова вздохнул. Потом прибавил: — Я заметил, что при нем не было арбалета.

— Вот уж всех повеселил бы!

Оба захихикали.

— Ларри, — неожиданно сказал Джек. — Признаюсь, я не совсем понимаю вашу роль во всем этом. Очевидно, вы многое знаете, уверен, что вы знаете, что делаете, не могу отрицать, что вы мне помогали. И я вам за это благодарен. Но вы явно не собираете предметов, необходимых для создания структуры власти, чтобы направить ее в ту или другую сторону. Признаюсь, когда

вы явились в первый день и почти открыто объявили себя Закрывающим, меня это несколько шокировало. Но и здесь, подозреваю, был свой резон. И все же, насколько я могу судить, вы не предприняли ничего, что могло бы способствовать достижению конечной цели, не говоря уже о создании защиты против грядущих дней. Если это правда, то вы можете накликать беду, объявляя о своих взглядах и продолжая проживать на территории Игры.

— Вы единственный, кому я рассказал, Джек, — ответил Ларри.

— Почему?

— Я, конечно, знаком с большинством остальных. Но в вас есть нечто такое — возможно, это связано с собакой, — что я уверен в безопасности, открывая вам свои убеждения. Я уже говорил, что предвидение — моя сильная сторона.

— Но ваша роль во всем этом, сэр! Какова она?

— Я никогда никому не рассказываю всего. Это может повлиять на их поступки и воздействовать на то, что я предвидел. Тогда мне пришлось бы начать сначала, а для этого, возможно, уже слишком поздно.

— Признаюсь, вы меня почти запутали, хотя я чувствую в ваших словах нечто рациональное. В таком случае рассказывайте мне то, что пожелаете и когда пожелаете.

— Несомненно.

Я услышал, как их ладони сошлись в рукопожатии, и Ларри ушел.

Дело с покойником продвигается медленно. Протащил еще немного, часть пути — по болоту, и это было ужасно. Труп постоянно цеплялся за кусты куманики, путался в упавших ветках, застревал на кочках. Возможно, он лишился еще некоторых частей тела на этом участке, но я слишком устал, чтобы искать их. В конце концов, к полудню я просто сдался и пошел домой. Вероятно, этой ночью мы опять выйдем, потому что уже Канун и все такое. Мне необходим отдых.

По пути домой я поискал Шипучку на камне, но его не было видно. Извилистый след вел прочь от камня — только и всего.

Серая Метелка ждала меня на своей любимой ветке. Вернувшись, я заметил, что пронзенная летучая мышь исчезла, но стрела на месте.

— Нюх, — спросила Метелка, спускаясь с дерева, — ты уже покончил с делом?

— Не спрашивай, — вздохнул я. — Это оборачивается крупным мероприятием.

— Мне очень жаль, — сказала она, — но сегодня утром я ходила к констеблю вместе с хозяйкой и слышала все эти разговоры...

— Что они говорили?

— Им известно, что полицейский приехал сюда, что домой он не вернулся, и они не успокоятся, пока не перевернут каждую коровью лепешку и не найдут его или не узнают, что с ним случилось. И тому подобное.

— Ничего нового. А как прошел допрос?

— Что касается нас, прекрасно. Хозяйка совершила свое безумное действие и говорила о том, что его унесли феи, чтобы превратить в оборотня. При этом она очень натурально разволновалась. Раствов внезапно стал гораздо хуже, чем обычно, понимать по-английски. Моррис и Маккаб были вежливы и сказали, что ничего не знают. Джек выглядел полным сочувствия, но тоже не мог ничего добавить. Добрый Доктор возмущался тем, что тихое селение, которое он выбрал, чтобы заняться научными исследованиями, неожиданно стало местом событий, от которых он хотел убежать. Ларри Тальбо заявил, что никогда не видел этого человека. Оуэн сказал, что они разговаривали, но после этого он больше его не видел и не знает, куда тот поехал. Возможно, он последний, кто его видел, согласно примерной раскладке по времени, — так полицейский сказал констеблю.

— А что викарий?

— Он только сказал, что кто-то лжет, чтобы прикрыть работу Дьявола, и он выяснит, кто именно.

Я повалился на сухой клочок травы и выдрал зубами репей.

— Итак, как далеко ты продвинулся? — спросила она.

— Наверное, на две трети пути. Попал в болото.

— Вероятно, они сначала поищут здесь, а потом расширят поиски. Поэтому у тебя еще должно быть время в запасе.

— Это утешительно. Ты ночью выходишь?

— Возможно.

— Завтра все стихнет. Никаких обид, как бы дело ни повернулось.

— Да.

— По дороге к реке я нашел большой участок кошачьей мяты. Если мы оба уцелеем, поставлю тебе выпивку.

— Спасибо.

Она потянулась. Я тоже потянулся и зевнул. Мы кивнули друг другу и разошлись по своим делам.

17 ОКТЯБРЯ

Скоро начнется. Сегодня — день новой луны. Теперь сила будет прибывать до ночи полнолуния, тридцать первого числа; это сочетание цифр собирает нас вместе. И по мере ее прибывания мы приступаем к своей работе, которая разобщает нас. Предстоящие дни обещают быть занятыми, так как Открывающие и Закрывающие выдают себя своими поступками. Возможно, события прошлой ночи были последним актом сотрудничества.

Джек захотел посетить кладбище, чтобы собрать несколько ингредиентов. Он остановил свой выбор на отдаленном, расположенном на отшибе кладбище, где мы уже однажды бывали. Он отправился туда верхом, прихватив лопату и потайной фонарь, а я трусил рядом.

Он привязал лошадь в рощице за кладбищем, и мы пошли дальше пешком. Само собой, ночь была очень темной. Однако с помощью фонаря мы быстро нашли подходящее уединенное местечко со свежевскопанной землей. Джек немедленно приступил к работе, а я принялся сторожить.

Стояла теплая погода, на удивление приятная для октября, мимо шныряли летучие мыши, над головой сверкали яркие звезды. Я услышал в отдалении чьи-то шаги, но они не приближались к нам, и я не видел причин поднимать тревогу. Я патрулировал наш маленький участок почти лениво. Через некоторое время над головой, снижаясь, пронеслось нечто крупное. Это нечто, однако, не приземлилось рядом с нами и не делало

попыток приблизиться к нам. Немного позже нечто столь же крупное снова пронеслось, снижаясь, хотя и не в том же направлении, что первое, и тоже не стало к нам приближаться; я был начеку, но сигнала не подавал. Вскоре после этого я услышал топот лошадиных копыт на тропинке, звуки спешивающихся всадников, потом шаги. Скрипнул, останавливаясь, фургон, и я услышал, как ставят тормоз. Прибывшие разбрелись по кладбищу, с разных сторон до меня доносился их шепот. От всей этой суеты я почувствовал себя неудобно. Расширил зону патрулирования и вскоре тут и там стал различать стук лопат.

— Я тебя помню, — раздался смутно знакомый голос. — Ты — сторожевой пес, как и я, у тебя большие зубы.

Это кладбищенский пес совершал свой обход.

— Привет, — сказал я. — Припоминаю. Кажется, здесь вдруг закипела бурная деятельность.

— Слишком бурная, — ответил он. — Не уверен, что мне хочется поднимать тревогу. Можно и взбучку получить. В конце концов, здесь все мертвые... кому какое дело? Они не будут жаловаться. Чем старше я становлюсь, тем более консервативным себя чувствую. Теперь я не очень-то стремлюсь к активным действиям. Лишь бы аккуратно засыпали ямы, когда закончат. Может быть, ты смог бы им намекнуть?

— Вряд ли, — сказал я. — Я мало кого знаю. Это ведь не профсоюз, с правилами работы и общей политикой. Мы обычно добротнo делаем свое дело и уносим ноги.

— Если бы вы убирали за собой, у меня было бы меньше хлопот.

— Боюсь, я могу поручиться только за хозяина, он обычно в этих делах очень аккуратен. Может, тебе лучше обратиться к остальным самому?

— Признаться, я склонен махнуть на все лапой.

Мы немного побродили вместе. Через некоторое время чей-то голос, похожий на голос Маккаба, крикнул от подножия холма:

— Проклятье! Мне нужно левое бедро, а здесь его нет!

— Вы говорите, левое бедро? — раздался неподалеку каркающий голос, который мог принадлежать старику Оуэну. — У меня тут есть правое, оно мне ни к чему. Нет ли у вас печени? Мне нужна печень.

— Проще простого! — донесся ответ. — Один момент. Вот! Меняемся?

— Оно ваше! Держите!

Что-то пронеслось в воздухе и с треском покатилося по склону холма, затем последовал быстрый топот ног.

— Годится! Вот ваша печень!

— Эй! — прозвучал откуда-то слева женский голос. — Нет ли там черепа?

— У меня есть! Что вы мне дадите взамен?

— А что вам надо?

— Фаланги пальцев!

— Заметано! Я свяжу их вместе кусочком веревки!

— Вот ваш череп!

— Поймала! Сейчас получите ваши пальцы!

— У кого-нибудь есть сломанный позвоночник повешенного? — спросил низкий мужской голос с венгерским акцентом, откуда-то издали справа.

С минуту было тихо. Потом снова:

— У меня тут есть несколько раздавленных позвонков! Хотя я не знаю, как они стали такими!

— Возможно, подойдут. Пришлите их сюда, пожалуйста.

Что-то белое пронеслось в лунном свете.

— Подойдут. Что вам дать за них?

— За счет заведения!.. У меня уже все в порядке! Спокойной ночи!

Послышались звуки поспешно удаляющихся шагов.

— Видишь? — сказал старый пес. — Он не зарыл ее.

— Сочувствую.

— Теперь придется всю ночь месить лапами грязь, забрасывать яму.

— Боюсь, не смогу помочь. У меня дела.

— Кому-нибудь нужны глазные яблоки? — прокричал кто-то.

— Сюда! — отозвался некто с русским акцентом. — Одно, пожалуйста.

— Я возьму второе! — донесся аристократичный голос с противоположного конца.

— У кого-нибудь есть пара ложных ребер или пара почек?

— Спуститесь вниз за почками! — прозвучал новый голос.

— А мне нужна пателла!

— Что это такое?

— Коленная чашечка!

— Да? Без проблем...

На обратном пути мы прошли мимо тщедушного старика с седой бородой, который дремал у ворот, опираясь на лопату. Всякий принял бы его за могильщика, вышедшего глотнуть немного ночного воздуха, но пахло от него Великим Детективом и вряд ли он дремал. По всей вероятности, кто-то скоро пожалеет о своей неосторожности.

Джек закутался в плащ, и мы проскользнули мимо, тени среди теней.

Итак, вся наша работа была быстро завершена, ко всеобщему удовлетворению, не считая усталой дворняги. Такие минуты редки, такие минуты быстротечны, но всегда ярко светят нам, если сумеешь их поймать, измерить, сохранить и потом, в тяжелые времена, возвращаешься к ним там, в светлых чертогах памяти, на фоне языков пламени.

Прошу прощения. Говорят, новая луна вызывает рефлексию. Пора делать обход.

18 ОКТЯБРЯ

Вчера мне удалось протащить его дальше по болоту, но он все еще был там. Я устал. Джек заперся со своими ингредиентами. Вокруг шныряли полицейские, обыскивали окрестности. С ними был и викарий, давал им наставления.

Наступила ночь, и немного погодя я вернулся к болотистому участку, прогнал хорьков и снова принялся за работу. Я трудился изо всех сил больше часа, разрешая себе лишь короткие перерывы, и вдруг понял, что я уже не один.

Больше меня — один из самых крупных псов, которые мне когда-либо попадались за пределами Ирландии, — и двигался так бесшумно, словно был частичкой ночи, оторвавшейся от нее и обретшей самостоятельность. Я даже позавидовал. Очевидно, он уловил тот момент, когда я осознал его присутствие, и двинулся ко мне длинными легкими шагами.

Поправка. Когда он подошел, я понял, что на самом деле он — не пес, а большой серый волк. Я быстренько припомнил все, что знал о позах покорности, используемых этими ребятами, и попятился от мертвеца.

— Вы можете забрать его, — сказал я. — Я не возражаю. Но он не в лучшей форме.

Он подходил все ближе. Чудовищные челюсти, огромные огненные глаза...

— Так вот он где, — произнес волк.

— Кто?

— Пропавший покойник. Нюх, ты прячешь вещественное доказательство.

— Можно сказать, я прячу то, что уже было спрятано. Кто вы?

— Ларри Тальбо.

— Вы меня одурачили. Я подумал, что вы крупный волк... ух!

— И волк тоже.

— Вы были волком, да? Переселение душ? Но сейчас ведь нет луны.

— Верно.

— Как же вам это удалось?

— Я могу перевоплощаться всякий раз, когда пожелаю, с некоторой помощью ботаники, и полностью сохранять способность мыслить разумно, — за исключением тех периодов, когда луна полная. Тогда это происходит только помимо моей воли и сопровождается некоторыми неприятными моментами.

— Ах так, понимаю. Впадаете в неистовство, как бесноватый человек.

— Бесноватый волк, — поправил он. — Да.

— А почему вы здесь?

— Шел по твоему следу. При обычных обстоятельствах это моя любимая пора. Ни намек на луну, которая могла бы меня смущать. Но я пожертвовал ею, чтобы провести небольшое расследование. Возникла необходимость поговорить с тобой. Поэтому я пришел. Кстати, что ты собираешься делать с этим покойником?

— Я пытался оттащить его к реке и там сбросить в воду. Кто-то оставил его рядом с нашим домом, и я боялся, что заподозрят Джека.

— Я протяну тебе руку, то есть лапу по... Короче, я тебе помогу.

С этими словами волк ухватил мертвеца за плечо и зашагал, пятясь назад. Он не собирался с силами для каждого следующего рывка, как приходилось делать мне. Он просто шел и шел, даже прибавлял скорость. Моя помощь была не нужна. Я бы даже мешал ему, если бы попытался где-нибудь ухватиться. Поэтому просто трусил рядом.

Спустя примерно час мы уже стояли на берегу реки и смотрели, как течение уносит труп полицейского.

— Не могу даже выразить, как я счастлив, — сказал я.

— Ты только что это выразил, — ответил Ларри. — Пора возвращаться.

У нашего дома он, однако, не остановился.

— Куда мы направляемся? — спросил я, когда на втором перекрестке он повернул налево.

— Я сказал, что пошел тебя искать, потому что хотел поговорить. Но сначала я должен показать тебе кое-что. Если я правильно определил время, сейчас почти полночь.

— По-моему, она уже близко.

Мы подходили к местной церкви. Изнутри просачивался очень слабый свет.

— Передняя дверь наверняка заперта, — сообщил Ларри. — Но нам и не следует идти через нее.

— Мы идем в церковь?

— Таковы мои намерения.

— А вы там раньше бывали?

— Да. Я знаю, как туда попасть. Мы пойдем через заднюю дверь, если поблизости никого нет, пересечем маленький вестибюль, повернем налево, а через несколько шагов — направо по короткому проходу. Оттуда можно пробраться в ризницу, если там чисто.

— А потом?

— Если зайдем правильную позицию, то сможем увидеть.

— Что?

— Мне самому любопытно. Давай выясним.

Мы подошли к черному входу и прислушались. Внутри и поблизости никого не было. Ларри встал на задние лапы, причем выглядел он в такой позе гораздо грациознее, чем я. Но ведь у него было больше практики. Он зажал дверную ручку между передними лапами, нажал, повернул и медленно потянул.

Дверь открылась. Следуя известным ему маршрутом, мы благополучно достигли ризницы и расположились для наблюдений.

Служба была в разгаре. Среди немногочисленных прихожан, занимавших передние скамьи, была только одна женщина. Викарий стоял перед алтарем, задрапированным черной тканью, и читал проповедь. Ему приходилось напрягать зрение, так как мигающий свет был совсем слабым, горело всего несколько черных свечей.

Ларри обратил мое внимание на то, что крест перевернут вверх ногами. Впрочем, я уже и сам это заметил.

— Ты знаешь, что это означает?

— Религиозный сигнал бедствия? — предположил я.

— Послушай, что он говорит.

Я последовал его совету.

— ...Ньярлатотеп, — читал викарий, — грядет прыжками через горы, скользит по холмам. Он подобен многоногому козлу, он стоит у стен наших, он смотрит на окна наши, проникает сквозь жалюзи, рогами славы увенчан. Ньярлатотеп отверз уста и рек: «Восстаньте, темные мои слуги, и явитесь. Ибо, чу! — грядет зима и льют холодные дожди. Цветы на земле почили, и песни птиц допеты. Черепаха лежит, зарублена. Фиговое дерево увядает, и также лоза виноградная. Восстаньте, темные мои слуги, и выходите...»

В этот самый момент женщина поднялась с места и, слегка пошатываясь, начала снимать свои одежды.

— Вы меня убедили, — сказал я Ларри, запоминая лица прихожан, которые, как я заподозрил, входили в состав команды арбалетчиков.

— В таком случае давай сделаем то, на что он намекал, и выйдем, — сказал он.

Мы выбрались тем же путем и медленно пошли назад к перекрестку.

— Значит, он тоже участник, — сказал я через какое-то время.

— Именно его статус я и хотел обсудить с тобой.

— Да?

— Мне известно, что в этих делах решающее значение отводится определенным геометрическим построениям, но мне никогда не удавалось разузнать все до конца, — сказал Ларри. — Знаю, что здесь важную роль играет местонахождение жилища каждого из игроков.

— Правильно. О! Понимаю, к чему вы клоните.

— Как влияет на схему его присутствие? Ты знаешь, как вычислять такие вещи, Нюх?

— Знаю. Я уже какое-то время хожу по этим линиям. Где он, собственно, живет?

— В коттедже за церковью.

— Достаточно близко. Теперь придется проделать гораздо больше расчетов.

— Мне необходимо знать центральное место, место проявления, Нюх.

— Я догадался, Ларри, и я вам скажу, когда вычислю его. Не поведаете о ваших планах? У меня такое чувство, что это нечто особенное.

— Извини.

— Вы становитесь частью моей проблемы.

— Каким образом?

— Если я не знаю, что вы замышляете, мне неизвестно, считать ли вас игроком, включать или нет ваш дом в диаграмму.

— Понимаю.

У перекрестка он остановился.

— А ты не мог бы проделать это двумя способами — со мной и без меня — и потом сообщить мне результат?

— И еще с домом викария и без него? Это было бы дьявольски сложно — просчитать дважды по два варианта. Почему вы боитесь рассказать мне? Вы уже почти признались, что вы — Закрывающий. Хорошо. И я тоже. Теперь довольны? Вашей тайне ничто не угрожает. Мы союзники.

— Дело не в этом, Нюх, — вздохнул он. — Я не могу тебе сказать, потому что не знаю. Я умею предвидеть. Я знаю кое-что о будущем и предвижу, что буду в центре в полнолуние. Да, я на вашей стороне. Но я в ту ночь стану безумным. Я все еще не нашел формулу для сохранения рассудка при смене луны. Я даже не уверен, что меня следует отнести к категории игроков. Но я также не уверен и в обратном. Во мне слишком много от джокера.

Я запрокинул голову и завыл. Иногда это единственное, что можно сделать.

Пошел домой, совершил обход, много думал, потом лег спать. Сегодня утром встретил Серую Метелку, когда шагал по окрестностям и делал расчеты.

— Привет, кошка!

— Привет, пес. На какой стадии находится твой проект по захоронению?

— Завершен. Выполнен. Кончен. Все уплыло. Вчера ночью.

— Восхитительно. Порой мне казалось, что его найдут раньше, чем ты туда доберешься.

— Мне тоже.

— Теперь нам надо быть очень осторожными, следить за тем, что говорим.

— И даже за тем, какими словами. Но мы взрослые, мы достаточно разумны, и мы оба знаем, что к чему. Итак, как дела?

— Не слишком хорошо.

— Проблемы с математикой?

— Мне не следует об этом рассказывать.

— У всех сейчас проблемы.

— Ты это знаешь? Или догадываешься?

— По-другому и быть не может, поверь.

Она пристально поглядела на меня.

— Я тебе верю. Я только хотела узнать, почему ты так уверен?

— Боюсь, теперь уже я не могу тебе ответить.

— Понимаю, — промолвила Метелка. — Но давай не прерывать наши беседы только потому, что мы вступили во вторую фазу.

— Согласен. Думаю, это было бы ошибкой. Итак, как идут дела?

— Не слишком хорошо.

— Проблемы с математикой или с личностями?

— Ты быстро соображаешь. И те и другие.

— Если ты решишь проблему, действительно ли Тальбо игрок, я тебе в обмен кое-что предложу.

• — Что?

— Разумеется, я не вправе сказать. Но это может пригодиться, если дела пойдут плохо.

— Я склонен принять твое предложение, но я еще не нашел ответа.

— Уже кое-что — немного, но кое-что. Поэтому вот тебе отрицательная информация, чего бы она ни стоила: это не может быть середина дороги. Хозяйка провела исследование и обнаружила веские метафизические причины того, почему этого не может быть.

— Я и сам пришел к такому выводу, хотя в метафизике я не разбираюсь. Ладно, все равно мы квиты.

— Скоро побеседуем снова.

— Да, скоро.

Я прогулялся к своему излюбленному месту для размышлений, невысокому холму на северо-востоке, с которого мог окинуть взглядом всю округу. Я назвал его Гнездом Пса. Взобрался на верхушку одного из больших каменных блоков, которые там лежали, и передо мной открылся вид на предместье.

Личности...

Если ни Тальбо, ни викарий не участвуют, то я нашел хороший вариант для центра. И если участвует только Ларри, он все еще годится. Хотя я и сомневался насчет Графа, это надо будет проверить. Но викарий — тоже джокер. Если он идет в счет, а Ларри нет, то возникает равноценно хороший вариант центра — тот, который я недавно даже посетил. Если же и его, и Ларри следует считать игроками, то создается третье вероятное место проявления, к юго-востоку, — я еще не вполне рассчитал, где именно.

Я пошел по широкому кругу, охватывающему вершину холма, делая расчеты и писая по очереди на каждый камень — и для того, чтобы отметить линии, и от отчаяния.

Потом я получил искомое место и мысленно отметил его. Если они оба играют, то большой старинный дом пастора, о котором я ничего не знаю, будет третьим вариантом сцены действия. Нужно будет только посвятить этому немного времени, чтобы увеличить вероятность выбора. Надо проверить.

Тут я понял, что мне не обойтись без помощи кошки. Я снова пошел искать Серую Метелку, но это оказалось не так просто. Этих кошек просто не найти, когда они тебе позарез нужны! Однако время еще есть.

19 ОКТЯБРЯ

Вчера ночью я обнюхал местность, прилегающую к пасторскому дому. Обнаружил свежие следы работы — запахи свежераспиленных досок, краски, кровельного материала, — однако дом был заперт надежнее, чем погребальная урна, и я не смог определить, есть ли кто внутри. Пошел домой, все еще испытывая облегчение от того, что с перетаскиванием трупа покончено. Свистел ветер, мимо меня неслись сухие листья. В той стороне, где стоял дом Доброго Доктора, сверкали вспышки молнии.

Увидев, что я вернулся, Тварь в круге предложила:

— Французский пудель?

— Не сегодня.

— Какая-нибудь другая порода? Вообще, ты когда-нибудь чего-нибудь хочешь? Я вот хочу выбраться отсюда, убивать, рвать на куски. Я вдруг почувствовала, что у меня прибавилось сил.

— Настанет и твой час, — ответил я.

Тварь в паропроводе проделала спереди дырочку. Сквозь нее на меня уставился огромный желтый глаз. Но она не издала ни звука.

Из шкафа на чердаке доносился храп. Я остановился перед зеркалом в холле. Все Твари снова собрались в клубок, а не ползали по зеркалу, и при ближайшем рассмотрении оказалось, что они расположились перед маленькой трещинкой в стекле, которую я раньше не замечал. Неужели они нашли способ создавать такие трещины из другого измерения в своей тюрьме? Но пока

она была еще слишком незначительной, чтобы они могли ею воспользоваться. Тем не менее надо будет приглядывать за ней.

Проснулся от скрипа колес и цоканья лошадиных копыт, доносившихся со стороны дороги. Раздавались голоса, кто-то пел на иностранном языке. Потянувшись и глотнув воды, я выбрался наружу поглядеть, что происходит.

Было ясное осеннее утро, сияло солнце, дул легкий ветерок, под ногами шуршали листья. По дороге тянулась цепочка цыганских кибиток. Мужчины, подпоясанные шарфами и в ярких головных повязках, шли рядом или правили лошадьми, направляясь, как я догадался, к широкому лугу между нашими домами и городом, где был дом Ларри Тальбо.

— Доброе утро, Нюх, — раздался голос из зарослей травы на обочине.

Я подошел.

— Доброе утро, Шипучка, — сказал я, разглядев его темное извивающееся тело. — Как ты себя чувствуешь?

— Прекрасно, — ответил он. — Гораздо лучше, чем в тот день. Благодарю за совет.

— Не за что. Ты куда-то направляешься?

— Вообще-то я двигался за цыганами. Но уже и так забрался достаточно далеко. Мы скоро узнаем, где они разбили лагерь.

— Думаешь, они остановятся здесь, поблизости?

— Несомненно. Мы уже некоторое время их ждем.

— Да? В них есть нечто особенное?

— Ну... Всем известно, что в нашей местности находится Граф, так что я не нарушаю этики. Хозяин провел много времени в Восточной Европе, где кое-что узнал о его привычках. Когда Граф путешествует, его часто сопровождает цыганский табор. Растов считает, что он прибыл сюда в спешке, после того как определил место события, а потом послал за своим табором.

— Какую функцию они будут здесь выполнять?

— Теперь, когда миновало новолуние и сила нарастает, становится все опасней. По-видимому, все уже знают, где обитает Граф, если только он не организовал себе еще несколько, э-э, обиталищ. И кто-нибудь, решив, что Игра пойдет лучше без него, может воору-

житься заборным колом и лишить его права участия. Вероятно, ему нужны его цыгане, чтобы охранять жилище в дневное время...

— Боже милостивый! — воскликнул я.

— Что?

— Я даже не подумал о возможности того, что игрок может иметь более одного жилища. Ты понимаешь, как это способно повлиять на схему?

— Проклятье! Нет, я не понимал!.. Это плохо, Нюх. Если у него имеется еще одна-две могилы, то тогда можно выбросить все наши расчеты! Хорошо, что ты подумал об этом, но что нам делать?

— Моим первым побуждением было промолчать, — сказал я. — Но потом я понял, что нам придется заняться этим сообща. Надо будет составить расписание и по очереди следить за его прилетами и отлетами каждую ночь. Если у него есть другое место — или несколько мест, то необходимо их найти.

— Может быть, проще все-таки проткнуть его колом?

— Это не решит проблему. Только усложнит. А вдруг он окажется твоим союзником — или моим? Ты принесешь в жертву того, кто мог бы сыграть решающую роль.

— Правда, правда. Хотел бы я знать, на чьей ты стороне...

— Я совсем не уверен, что это на данный момент важно. Пожалуй, нам будет лучше действовать вместе, не зная этого.

— Действовать вместе... Ты хочешь сказать — нести караульную службу?

— Я имел в виду нечто большее, прямо сейчас, если у тебя есть немного времени.

— Что ты задумал?

— Мне придется немного рассказать тебе о своих расчетах, но это ничего. Растов, вероятно, к этому времени уже повторил их...

— Значит, в вашей паре расчетчик — ты?

— Верно. Теперь я тебе кое-что расскажу, а потом мы пойдем и проверим. Независимо от того, что мы обнаружим, мы узнаем нечто новое, что продвинет нас немного вперед.

— Конечно, я пойду с тобой.

— Хорошо. Мои расчеты показывают, что один из возможных центров проявления — развалины вон той церкви, рядом с местом, которое Граф сделал своим жилищем. Не знаю, случайно или нарочно. Так или иначе, мы можем проверить его в дневное время. И нам лучше заняться этим сейчас, раз потом его будут охранять цыгане.

— Что именно ты хочешь проверить?

— Ты должен проскользнуть вниз и посмотреть, годится ли это место или оно слишком разрушено, чтобы быть нашим центром. Я останусь на страже снаружи и дам тебе знать, если кто-нибудь появится.

— Сделаю, — прошипел он. — Давай приступим.

Мы двинулись в путь.

— И еще тебе придется напрячь воображение. Место может неважно выглядеть, но если его легко расширить усилиями нескольких человек с ломом и лопатами, скажи мне.

— Означает ли это, что Ларри Тальбо — игрок?

— Не имеет значения, — ответил я. — Это один из вариантов центра.

— А другие какие?

— Давай не будем жадничать.

Мы пересекли лес. Когда вышли на поляну, там не было никаких цыган. И вообще никого.

— Сначала проверь склеп, — сказал я. — Ты заставил меня усомниться, использует он его или уже нет.

Шипучка скользнул в отверстие. Немного погодя вернулся.

— Он там. И Игла тоже. Оба спят.

— Хорошо. Порядок. Теперь проверим церковь.

Я походил вокруг, пригнувшись к ветру, следя за деревьями. Никого не было поблизости, никто сюда не шел.

Через короткое время появился Шипучка.

— Нет, — сказал он. — Это совершенная развалина, забитая пылью и обломками камней. Ничего не сохранилось. Нам пришлось бы начать все сначала и выстроить ее заново.

Я подошел к отверстию, протиснулся как мог вперед. Оно быстро сужалось до размеров трещины, по которой только что прополз Шипучка.

— Насколько далеко ты продвинулся вглубь по этой трещине?

— Футов на десять. От нее отходят два боковых хода. Оба гораздо короче.

Похоже, ему можно было верить, я сам видел.

— Итак, что это значит? — спросил он.

— Это не то место, — ответил я.

— Тогда где же искомое?

Я быстро соображал. Мне не хотелось делиться знаниями с конкурентами. Но в таком случае один реальный факт мог увести не туда, и, раньше или позже, он все равно это узнает.

Я попятился назад из отверстия, повернулся к лесу.

— Викарий Робертс хорошо маскируется под фанатичного церковника...

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Шипучка.

— Он игрок.

— Ты шутишь!

— Нет. Он устраивает полночные службы Древним Богам прямо там, в церкви.

— Викарий?!

— Проверь сам, — предложил я ему.

— Как это влияет на схему?

— По моим расчетам, если считать викария и не считать Ларри Тальбо, то дом викария и церковь оказываются в центре схемы. Разумеется, это не окончательно, если Граф перемещается, но в данный момент картина такая.

— Викарий... — повторил Шипучка.

Мы вошли в лес.

— Итак, — через некоторое время произнес он, — если у Графа есть дом в другом месте или даже два, то нам надо узнать, образовались ли они до или после смерти луны.

— Да, — согласился я. На этой точке все застыло.

Смерть, перемена жилища, уход игрока — все это смещало схему только до наступления новолуния. После него мы могли убивать друг друга или передвигаться, как пожелаем, не нарушая общей геометрии. — Если бы нашелся способ заставить Иглу говорить, мы могли бы узнать.

— Гм-м, — произнес Шипучка.

Мне пришло в голову, когда мы пробирались под деревьями, что я мог ошибиться и тогда только что дал ему правильную информацию. Но мне казалось, что сам факт присутствия Ларри — наряду с тем предвидением, о котором он говорил, — оказывает слишком большое влияние на Игру, чтобы не считать его игроком, независимо от того, собирает ли он ингредиенты, плетет ли заговоры для поединка, защитные заговоры, открывающие или закрывающие, — или не делает всего этого. Если его включать вместе с викарием, это должен быть тот старый пасторский дом, а не церковь. А многократно перестроенный дом выглядел так, что вполне мог скрывать где-то в глубине часовню или нечто такое, что было когда-то часовней.

Кроме того, действительно неплохо бы открыть истинное лицо викария. Другие начнут прилагать усилия, чтобы сорвать его планы, когда о нем пойдет слух.

— Так как насчет наблюдения за перемещениями Графа? — спросил я.

— Давай пока не будем торопиться, Нюх, — произнес Шипучка. — Пока нет необходимости посвящать остальных. У меня есть гораздо лучшая идея, как узнать о делах Графа.

— Даже в присутствии этих цыган?

— Даже так.

— Что у тебя на уме?

— Позволь мне самому этим заняться денек-другой. Обещаю, что расскажу тебе все потом. Думаю, ты лучший расчетчик, чем Растов.

— Ладно. Не станем торопиться.

Мы расстались на опушке леса, он свернул налево, я — направо.

Я вернулся обратно к себе домой, быстро сделал обход, убедился, что все в порядке, и снова ушел из дома.

Легко было идти по следу цыган, потому что они двигались по дороге до самого места своего назначения. Им оказалось поле возле дома Ларри. Я лежал, затаившись, час или два и наблюдал, как они разбивали шатер. Ничего существенного не узнал, но зрелище было красочное.

Потом я услышал какие-то звуки на дороге и переключил внимание. Старомодный экипаж, запряженный двумя усталыми на вид лошадьми, приближался ко мне. Я не смотрел на него, пока он не замедлил ход и не свернул к дому Ларри Тальбо.

Тогда я оставил свое убежище в зарослях и отправился туда — как раз вовремя, чтобы увидеть, как кучер помогает какой-то старухе выйти из экипажа. Я подкрался ближе, спрятался между старыми деревьями, с наветренной стороны, когда леди, опираясь на палку из черного дерева, подошла к двери Ларри. Она взялась за молоток и постучала.

Ларри быстро открыл, и между ними состоялся короткий разговор. Ветер не позволил мне разобрать их слова, но через минуту Ларри отступил в сторону, и старуха вошла.

Очень странно. Я обогнул дом, зашел с тыла и стал заглядывать в окна. Обнаружил их сидящими в гостиной и беседующими. Через некоторое время Ларри поднялся, ненадолго вышел, вернулся с подносом, на котором стоял графин и пара бокалов. Он разлил шерри, и они, потягивая напиток, продолжали что-то обсуждать. Это тянулось, по крайней мере, полчаса.

Наконец они оба встали и вышли из комнаты. Я помчался вокруг дома, снова заглядывая в окна.

Теперь я обнаружил их в комнате со стеклянным потолком, где Ларри держал свои растения; они оживленно что-то обсуждали, часто указывая жестами на флору. Это продолжалось почти час, прежде чем они снова вернулись в гостиную, выпили еще по бокалу шерри и снова долго разговаривали.

Затем вызвали кучера, и Ларри нагрузил его срезанными отростками из теплицы, а потом проводил обоих до экипажа и сердечно распрощался со старой леди.

Я разрывался между желанием последовать за экипажем и подойти к Ларри немедленно. Когда повозка с грохотом отъехала, я понял, что не могу сдержаться — глупо, наверное, так как я в состоянии говорить с Джеком только между полночью и часом. Я подбежал к Ларри.

— Кто была эта леди?

Он улыбнулся:

— Привет, Нюх. Как поживаешь?

Я повторил свой вопрос в надежде, что его собачьи наклонности позволяют ему понимать меня круглосуточно.

— Чудесная леди, — ответил он. — Зовут Линда Эндерби. Вдова офицера из Индии, умершего в Мьютинни. Они со слугой недавно переехали в старый дом пастора, недалеко отсюда, который для нее заново отделали. Жизнь в городе стала ей немного дороговата и слишком уж суетной. Она просто наносила визит вежливости, желая познакомиться с соседями. И она разделяет мое увлечение ботаникой. У нас состоялась интересная дискуссия по поводу двудольных растений.

— О! — сказал я, приводя в порядок свои мысли. — Я наблюдал за цыганами, когда она приехала. Мне сейчас кажется, что все это имеет отношение к Игре.

— Ну, наверное, цыгане имеют к ней некоторое отношение, — сказал он. — У меня с ними давнее знакомство.

— Я слышал, что с ними как-то связан Граф.

— Это тоже верно. Надо будет на днях расследовать это дело.

— Я беспокоился о твоём благополучии, — сказал я искренне.

— Ложная тревога, Нюх, — ответил Ларри. — Она умная и весьма добропорядочная леди. Не хочешь ли зайти ко мне? У меня есть говяжье рагу, которое ты мог бы...

— Нет, благодарю, — ответил я. — Есть несколько дел, которыми нужно заняться. Еще раз спасибо за помощь той ночью.

Он улыбнулся.

— Никакого труда не составило, право. Мы еще поговорим, — сказал он, поворачивая к своему дому.

— Да.

Я шел назад медленно, в задумчивости. Пока я наблюдал из укрытия, до меня донесся их запах, и я знал, что Линда Эндерби и ее слуга — это Великий Детектив и его спутник.

Мимо пронеслись по ветру листья, я поймал один зубами, выплюнул. Пошел быстрее.

Когда я подходил к дому, с поля, по другую сторону дороги, раздалось тихое «мяу».

— Серая? — спросил я.

— Да.

— Кстати. Я хотел с тобой поговорить.

— Какое совпадение, — заметила она.

Я вышел на поле. Серая Метелка стояла на том месте, где мы в первый раз обнаружили тело.

— Насчет чего? — спросил я у нее.

— Я решила не играть с тобой в игры. «Трам, бам, бух», как сказал Маккаб.

— О! Ну...

— Но подумала, что ты должен знать: когда викарий ходил с теми, кто искал полицейского, он первым делом привел их на это место.

— Да?

— Да. Он должен был знать, что тело здесь. Он хотел, чтобы его нашли, хотел направить их расследование на Джека.

— Интересно.

— ...А как он еще мог знать, если не сам оставил его здесь или не был соучастником? Нюх, за всем этим стоит викарий.

— Спасибо.

— Не за что.

Я рассказал Метелке, где остановились цыгане. Она уже видела их, когда они проехали. Я также рассказал ей, что у нас новая соседка по имени Линда Эндерби, которая приезжала к Ларри с визитом.

— Да, я ее встретила. Перед этим она заезжала к хозяйке. Совершенно очаровала ее. У них общие интересы — травы и приготовление изысканных блюд.

— Джил готовит изысканные блюда?

— Да. Приходи позже, и я позабочусь, чтобы ты получил несколько лакомых кусочков.

— Неплохо было бы. Я и в самом деле собирался зайти за тобой позднее. Мне нужна твоя помощь в расследовании.

— В расследовании?.. Чего?

Лучше рассказать ей правду, если я хочу, чтобы она мне помогла. Поэтому я изложил ей свои выводы, сделанные на вершине холма, там, в кольце описанных мною камней, и о наших приключениях с Шипучкой сегодня днем, о его рассуждениях по поводу цыган,

о других вещах, которые я узнал насчет викария, и о моих выводах относительно пасторского дома. Я рассказал ей все, за исключением того, что в городок прибыл Великий Детектив и завел хозяйство в том самом доме и что я могу говорить с Ларри Тальбо и в любой момент получить ответ.

— Я нашел разбитое окно в подвал, когда шнырял там вчера ночью, — продолжал я, — достаточно большое, чтобы кошка легко пролезла.

— ...И ты хочешь, чтобы проникла внутрь и посмотрела, нет ли там часовни?

— Да.

— Конечно, я сделаю. Это нужно знать.

— Когда мне зайти?

— Как только стемнеет.

После этого я немного побродил, приводя в порядок мысли. Мои странствия привели меня к церкви; с ее шпиля крупная ворона-альбинос разглядывала меня красными глазами. Обогнув церковь, просто для завершенности, я увидел толстого кучера, который давал корм лошадям на заднем дворе. Линда Эндерби наносила визит викарию.

20 ОКТЯБРЯ

Вчера вечером зашел к Серой Метелке домой, по ее приглашению, и хозяйка действительно выставила мне на заднее крыльцо тарелку с продовольствием. Тут до меня дошло, что эта Джил гораздо моложе, чем я думал, особенно теперь, когда на ней нет ее сумасшедшего наряда, а волосы свободно ниспадают, а не убраны назад и спрятаны под повязкой. И она действительно хорошая кулинарка. Не могу припомнить, когда я в последний раз так вкусно ел.

После этого мы с Серой отправились к пасторскому дому. Стояла исключительно ясная ночь, все небо было усыпано звездами.

— Мне только что пришло в голову, что ты, должно быть, имеешь привычку наблюдать за птицами, — сказал я.

— Конечно.

— Ты здесь поблизости не замечала ворону-альбиноса?

— Действительно замечала, то там, то сям, уже несколько недель. А что?

— Да она может быть компаньонкой викария.

— Теперь, разумеется, я за ней понаблюдаю.

Появился человек с арбалетом, двигавшийся в нашем направлении. Мы стояли тихо, и он прошел мимо.

— Это был он? — спросила кошка.

— Всего лишь один из участников ночной службы, — ответил я. — Не он сам. Запах не тот. Но этот я тоже запомню.

Полоски перистых облаков светились высоко над нами, отражая обрамленные ими звезды, порыв ветра взъерошил мою шерсть.

— Я гонялась за крысами, ела отбросы из мусорных ящиков, видела, как топили моих котят, меня подвешивали за хвост и мучили злые уличные мальчишки, пока меня не нашла моя хозяйка, — неожиданно сказала Серая Метелка. — Она была сиротой, жила на улице. Ей жилось еще хуже.

— Грустная история, — произнес я. — Мне и самому приходилось несладко.

— Если путь откроется, все должно измениться.

— К лучшему?

— Может быть. С другой стороны, если он не откроется, все тоже может измениться.

— К лучшему?

— Будь я проклята, если знаю, Нюх. Разве кому-нибудь есть дело до голодной кошки, кроме нескольких ее друзей?

— Возможно, большего никто и не имеет в жизни, какой бы роскошной она ни была.

— И все же...

— Да?

— Трудные времена действительно пробуждают революционные настроения, правда?

— Тебе виднее. А иногда еще и цинизм.

— Как у тебя?

— Наверное. Чем больше все меняется...

— Вот и дом пастора, — неожиданно перебила Серая Метелка, останавливаясь и глядя на большое строение, только что возникшее перед нами. — Я сюда никогда раньше не ходила.

— Внешне ничего необычного, — сказал я, — и никаких... э-э... собак вокруг. Давай подойдем поближе и поглядим.

Так мы и сделали: обошли дом кругом, заглядывая в окна, обнаружили Великого Детektива; следует отдать должное его приверженности своей роли — он и дома не снимал юбок. Сидя в гостиной под портретом королевы, он читал книгу. Единственным его проколом, если можно так выразиться, было то, что он время от времени потягивал огромную трубку из горлянки, которую в

промежутках клал на специальную подставку на столике по правую руку. Его компаньон болтался на кухне, готовя что-то легкое на ужин. В доме было много неосвещенных комнат. Мы заметили, что из кухни ведет лестница куда-то вниз.

— Вот туда мне и надо, — сказала Метелка. — Когда заберусь наверх, пройду через кухню, если он к тому времени уйдет оттуда, и обследую сначала дальнюю сторону дома. Если же не уйдет, тогда пробегу по длинному холлу с ближней стороны и осмотрю все эти темные комнаты.

— План неплохой, — одобрил я.

Мы спустились до уровня земли и завернули за угол, направляясь к окошку в подвал.

— Удачи! — пожелал я ей вслед.

Вернулся к окну и стал смотреть в кухню. Тот человек не спешил уходить. Попробовал еду, ожидая, очевидно, пока вскипит вода, достал из буфета тарелку и вазочку с синим узором в китайском стиле, опять попробовал, выудил из ящика приборы, извлек из другого буфета одну из тех белых чашек с золотым ободком и золотым цветочком внутри, которые есть в каждом доме, снова попробовал... Наконец я увидел Серую Метелку на лестничной площадке. Как долго она там находилась, — не двигаясь и наблюдая, — не могу с уверенностью сказать.

Когда компаньон Детектива повернулся спиной, она проскользнула в ближайшую дверь холла. Поскольку этот участок был мне не виден, то, чтобы убить время, я несколько раз прошелся вокруг дома.

— Проверяешь нашу новую соседку, Нюх? — раздался чей-то голос с дерева к востоку от меня.

— Тщательность еще никому не повредила, — ответил я. — А ты что здесь делаешь, Ночной Ветер?

— То же самое. Но она — не игрок. Мы в этом почти уверены.

— Вот как? Вы знакомы?

— Да. Она вчера навестила хозяев. Они чувствуют, что она безобидна.

— Рад услышать это хоть о ком-то.

— Не то что викарий, а?

— Ты разговаривал с Шипучкой?

— Да.

— Я думал, вы в ссоре. Слышал, что ты сбросил его в реку.

— Мы друг друга не поняли, — сказал он. — Потом недоразумение разрешилось.

— Чем ты расплатился с ним за викария?

— Маршрутом ночной охоты Иглы. Может быть, Шипучка планирует устроить на него засаду и съесть. — Ночной Ветер издал похожий на смешок звук, нечто среднее между уханьем и аханьем. — Это было бы забавно.

— Но не для Иглы.

Он снова хихикнул:

— Что правда, то правда. Я так и слышу, как он вопит: «Это не смешно!» Потом АМ! — и мы все будем смеяться последними.

— Никогда не ел летучих мышей, — заметил я.

— На вкус они ничего, хоть немного и солоноваты. Слушай, раз уж я на тебя наткнулся, может, займемся делом?

— Что у тебя?

— Едва узнав о викарии, я сразу же полетел осмотреть окрестности его дома. Познакомился с его компаньоном...

— Большая белая ворона, — вставил я. — Видел.

— Гм-м... Ну, я решил поговорить с ней без околичностей. Подлетел и представился. Ее зовут Текела, и она, по-видимому, отстала в Игре и пытается наверстать. Она немногим может обменяться, но ей всего лишь требовался список игроков и их помощников. Ей все равно кто-нибудь рассказал бы, если не я, так я рассудил, лучше уж пусть мне достанется то небольшое, что она может предложить взамен. Во-первых, она не знала, что ты — один из нас и твоя подружка-птицеедка тоже. Она сказала, что видела тебя несколько ночей назад, вместе с другой большой собакой, вы тащили тело к реке. Это и был пропавший полицейский, да?

— Не стану отрицать.

— Его убил ты или Джек?

— Мы не убивали. Но тело появилось слишком близко от нашего дома, чтобы спокойно себя чувствовать.

— И ты просто старался от него избавиться?

— А ты хотел бы иметь его у себя во дворе?

— Конечно, нет. Но большее любопытство вызывает твой друг. Текела узнала тебя, когда пролетала мимо, а другого пса нет. Поэтому она проследила за ним, когда вы расстались. Говорит, что он пошел в дом Ларри Тальбо.

— И что?

— Мы гадали, игрок он или нет. Одним из доводов «против» было то, что у него нет помощника. Теперь же...

— А что делала Текела так чертовски далеко в поле в ту ночь?

— Предположительно, патрулировала округу, как и все мы.

— Предположительно? — переспросил я. — Ее хозяин замешан в убийстве полицейского, и она отправилась на поиски тела, после того как я уволок его, и нашла. Она наблюдала за трупом, чтобы узнать, вернется ли тот, кто его спрятал, и что будет делать дальше.

Ночной Ветер промолчал и немного съезжился под своими перьями. Потом промолвил:

— Но ты знаешь, как он умер? Она мне и это рассказала.

Именно в тот момент я все понял. Перед моим внутренним взором появился полицейский, которого опоили, оглушили или привязали к алтарю, и викарий, благословляющий остро отточенное оружие.

— Ритуальное убийство, — сказал я, — во время одной из полуночных церемоний. Это было только начало цикла, слишком рано, чтобы убивать. Но именно так и случилось. Потом он бросил останки у нашего дома, чтобы замести следы.

— Ему нужно было это раннее убийство для приобретения дополнительной силы, потому что он слишком поздно начал. Ладно. Я тебе дам еще кое-что за Тальбо.

— Относительно кого?

— Доброго Доктора.

— Идет. Я о нем ничего не слышал уже некоторое время... Тот пес — бродячий, из города. Зовут Счастличик. Я даю ему кое-что из еды, когда он появляется, и он мне тоже оказывает услуги. Он вертится вокруг дома

Тальбо тоже, потому что Тальбо собирает для него объедки. Но он слишком большой, чтобы кто-нибудь согласился кормить его постоянно, вот почему у него нет настоящего дома. Его можно заметить даже в лесу или в поле по ночам, он там охотится на кроликов.

— О! — произнес Ночной Ветер, поворачивая голову на девяносто градусов, чтобы взглянуть на дом пастора. — Это разбивает одну из новых теорий Морриса. Ты ведь расчетчик, да?

— Господи, Шипучка-то оказался болтуном.

— Просто проскочило мимоходом в разговоре, — сказал он. — Если бы Тальбо действительно оказался игроком, к тому же еще и викарий в Игре... ну, дела приняли бы интересный поворот, не так ли?

— Да, — признал я.

— Итак, мы оба проверяем этот дом.

— Правильно. Я не знаю наверняка, что Тальбо не игрок. Но если он и игрок, то не Счастливец его компаньон.

— Интересно. А ты или Счастливец видели в его доме подходящего кандидата на эту роль?

— Нет. Он, кажется, предпочитает животным растения.

— А растение может быть компаньоном?

— Не знаю. Они-то живые, но несколько ограничены в возможностях. Не знаю. Может быть.

— Ну, это все утрясется через несколько дней, я уверен. Масса времени, чтобы сделать дело, и мир будет... лучше сказать «возрожден» или «сохранен»?

— Скажем, «заварится каша», это точнее.

Он закрыл левый глаз, потом снова открыл.

— А что Добрый Доктор? — напомнил я ему.

— Ах да, — оживился Ночной Ветер. — Он был вторым из тех, о ком знала Текела. Но я заинтересовался, когда она стала настаивать, что там живут не два, а три человека.

— Вот как?

— Поэтому я полетел на разведку во время одной из этих жутких гроз, которые всегда бушуют в той местности. И она была права. По дому шатался какой-то огромный парень, наверное, пьяный. Самый большой человек, какого я встречал. Он там бродил очень недолго,

в самый разгар грозы. Потом лег на ту странную кровать в подвале, и Добрый Доктор накрыл его с головой простыней. Больше он не шевелился.

— Странно. А у Бубона есть что сказать по этому поводу?

— Ба! На него надо напустить Серую Метелку, если я сперва не поймаю его сам. Крысы не такие соленые, как летучие мыши. Правда, жесточе... В смысле информации от него никакого толку. Не хочет меняться ни на что. То ли он глуп, то ли невежда, то ли просто скрытый.

— Не думаю, что он глупый.

— Тогда я не уверен, что он понимает свою выгоду. Во всяком случае, от него не очень-то много пользы для остальных.

— Надо будет как-нибудь загнать его в угол.

— Хвост не ешь — хрустит, а вкусу никакого. — Ночной Ветер снова хихикнул. — Если что-нибудь узнаешь о Тальбо или об этом доме, поговорим еще. Растения, гм-м?..

Он расправил крылья и унесся в южном направлении. Я следил, как он растворился в ночи. Страшная птица.

Снова обошел вокруг пасторского дома, заглянув в некоторые окна. Потом услышал, как открылась задняя дверь. В этот момент я был со стороны фасада и бросился назад, прячась за деревьями.

— Славная кошечка, — произнес Великий Детектив хорошо поставленным фальцетом, — приходи как-нибудь к нам еще.

Серую Метелку опустили на ступеньки заднего крыльца, и дверь захлопнулась. Я прочистил глотку, она еще некоторое время сидела там, вылизываясь, потом пошла в противоположную от меня сторону. И неожиданно очутилась рядом.

— С тобой все в порядке? — спросил я.

— Все отлично, — ответила она. — Давай поговорим.

Я двинулся к югу.

— А у нее хорошая память, у этой старой дамы, — наконец сказала Серая Метелка.

— В отношении чего?

— Ее слуга заметил меня, неожиданно вернувшись на кухню, и она услышала, как я мяукнула. Она пришла и позвала меня по имени. Была очень мила. Даже дала мне блюдечко молока, которое я почла своим долгом выпить. Кто бы мог подумать, что человек может настолько хорошо рассмотреть кошку, чтобы потом узнать ее, не говоря уже о том, чтобы запомнить ее имя?

— Возможно, она любит кошек. Наверное, любит, раз захотела накормить тебя.

— В таком случае можно было ожидать, что она заведет собственную кошку. Но ее там нет. Никаких признаков.

— Тогда у дамы просто хорошее зрение и хорошая память.

Мы перешли через дорогу и пошли дальше.

— Наверное, — согласилась Серая Метелка. — Итак, мне удалось как следует все осмотреть, прежде чем они меня нашли.

— И что?

— Там есть комната без окон с широкой дверью и нишей в дальней стене — она, между прочим, из камня. Этот старый дом много раз перестраивали. И все же очень похоже, что в нише когда-то стоял алтарь. Там, по-моему, даже высечены на камне несколько мелких крестиков и какие-то латинские буквы.

— Хорошо, — сказал я, — с одной стороны.

— А с другой?

— Ночной Ветер в курсе. Он пролетал тут, пока ты находилась в доме, и мы побеседовали. Между прочим, белую ворону зовут Текела.

— О, так он ее знает?

— ...И ты оказалась права насчет викария. Это было ритуальное убийство — дань за позднее вступление в Игру.

— Похоже, вы долго беседовали.

— Довольно долго. Мне лучше рассказать тебе все.

— Мы идем в этом направлении с какой-то определенной целью?

— Да. Согласно плану.

Мы продолжали двигаться на юг, немного отклоняясь к западу, и я рассказывал Серой о том, что узнал. Воздух постепенно становился влажным, а небо тем-

ным, как клякса, в этом особенном месте, над которым сверкала и гремела небесная артиллерия.

— Так ты хочешь снова заглянуть в окна к Доброму Доктору?

— Одним словом — да.

— Кошкам не очень-то нравится мокнуть, — заметила она, после того как теплая погода сменилась прохладной.

— Собаки тоже от этого не в восторге, — сказал я. Потом добавил: — Кто бы ни победил, а дождь будет лить.

Серая Метелка издала звук, наиболее близкий к смеху из всего, что я до сих пор от нее слышал, — легкий, ритмичный, музыкальный.

— Это правда, — сказала она немного погодя, — я уверена. Сколько раз в столетие полная луна светит в канун Дня Всех Святых?

— Когда как. Более интересный вопрос, сколько раз в этом случае собираются соответствующие люди, чтобы попытаться открыть путь или удержать его закрытым?

— Я бы не смогла угадать. Ты впервые, конечно.

— Нет, — сказал я и не стал распространяться на эту тему, зная, что именно я сейчас выдал.

Когда мы подошли поближе, я увидел, что дверь фермерского дома распахнута и из ее прямоугольника льется свет. И кто-то идет по дороге по направлению к нам. Очередной разряд из грозовых туч одел здание в терновый венец из света, и в ослепительном блеске возник силуэт очень большого человека, который двигался к нам неуклюжими, но очень быстрыми шагами. Одежда на нем плохо сидела, и, насколько я разглядел во время короткой вспышки, лицо его было изуродовано, скошено на сторону.

Незнакомец остановился перед нами, покачиваясь, вертя головой из стороны в сторону. Я зачарованно смотрел на него. Дождь вымыл из воздуха все запахи, но теперь, когда мы подошли так близко, я почувствовал его запах, и он показался мне еще более странным, потому что это был тошнотворный, сладковатый запах смерти. Движения детины не были агрессивными, и он

рассматривал нас с выражением, похожим на простодушное любопытство ребенка.

Внезапно в дверях фермы появился высокий человек, вглядываясь в темноту, его лабораторный халат развеялся на ветру.

Огромная фигура перед нами наклонилась вперед, уставившись мне прямо в морду. Медленно, без угрозы, он протянул ко мне правую руку и дотронулся до головы.

— Хо-ро-ший пе-сик, — произнес он хриплым, надтреснутым голосом, — хо-ро-ший пе-сик, — и погладил меня.

Потом обратил внимание на Серую Метелку и быстрым движением, совершенно не похожим на предыдущий жест, схватил ее, поднял вверх и прижал к груди.

— Ко-шеч-ка, — произнес он. — Слав-на-я кошеч-ка.

Он неуклюже погладил ее другой рукой, дождь струился по его лицу, капал с одежды.

— Нюх! — взвыла Серая Метелка. — Он делает мне больно! Слишком придавил! Он меня слишком придавил!

Я немедленно принялся лаять, надеясь отвлечь его, чтобы он разжал руки.

— Эй! — донесся крик человека, стоящего у дома. — Вернись! Ты должен сейчас же вернуться!

Я продолжал лаять, и человек побежал к нам.

— Он немного отпустил меня, но я все еще не могу вырваться! — сообщила мне Серая Метелка.

Явно сконфуженный, громадный незнакомец повернулся к приближающейся фигуре, потом опять ко мне. Оказалось, сам Добрый Доктор бежал к нам. Я продолжал лаять, поскольку это, по-видимому, сработало.

Подойдя к гиганту, Добрый Доктор положил руку ему на локоть.

— Собачья погодка, как я погляжу, — сказал он. — И кошачья.

Я перестал лаять, а гигант повернул голову и уставился на него, явно растерявшись от такой блестящей остроты восприятия.

— Песик хочет, чтобы ты отпустил кошечку, — продолжал Добрый Доктор. — Кошечка тоже хочет на

землю. Поставь ее и пойдем со мной. Плохая ночь, чтобы выходить из дома под такой дождь.

— Пло-ха-я ночь, — повторил детина.

— Да. Поэтому поставь кошечку на землю и пойдем со мной.

— Пло-хой дождь...

— Да. Кошка. На землю. Сейчас. Пошли. Сейчас. Со мной.

— Кош-ка, ко-шеч-ка, на зем-лю, — произнес великан, нагнулся и осторожно поставил Серую Метелку на дорогу. Выпрямляясь, он встретился со мной взглядом и прибавил: — Хо-ро-ший пе-сик.

— Я в этом уверен, — сказал Добрый Доктор, взяв его за локоть обеими руками и поворачивая назад к ферме.

— Давай уберемся отсюда, — отдышавшись, предложила мне Серая Метелка, что мы и сделали.

21 ОКТЯБРЯ

Твари становятся все беспокойнее, но запреты для них еще в силе. Сегодня утром зашел к Ларри и предложил откликаться на имя «Счастливец», если к нему обратится кто-нибудь из лесных обитателей во время его странствий. Я объяснил, что мне пришлось придумать для него легенду, чтобы рассеять недоумение по поводу его статуса. Он согласился быть еще более осмотрительным во время своих приходов и уходов. Я просветил его насчет всего остального тоже, потому что считал нас партнерами. То есть просветил насчет всего, кроме настоящей личности Линды Эндерби. Мне ужасно не хотелось разрушать его иллюзии относительно приятной старой дамы, общение с которой доставило ему столько удовольствия. Что открылось, то уже открылось, — а я сомневаюсь, чтобы открылось многое в таком запутанном случае, как у него, — поэтому я немногим рискую, позволяя ему еще какое-то время тешиться приятными воспоминаниями о ее визите. Я решил подождать несколько дней, а потом уже раскрыть ему обман.

— Что-нибудь слышали о полиции и их поисках? — спросил я.

— Они все еще продолжают расследование, уже допросили всех и теперь начали прочесывать поля вдоль дороги. Мне кажется, их последняя теория такова: полицейского могла сбросить его лошадь, которая действительно потом вернулась в конюшню.

— Наверное, тело не всплыло. Возможно, тело уже в море.

— Может быть. Уверен, они очень скоро вплотную займутся поисками всплывших трупов.

— Интересно, чем может обернуться вся эта суета для Графа, если они заберутся слишком далеко в поля?

— Готов побиться об заклад, на поверку окажется, что он переехал в другое место.

— Так вы тоже считаете, что у него есть еще одно место?

— Конечно. Это в его стиле. И он прав. У каждого должно быть место, куда можно убежать. Лишняя осторожность никогда не повредит.

— А у вас есть?

Он улыбнулся.

— Надеюсь, у тебя тоже, — сказал он.

Никто не может определить, улыбаюсь я или нет.

Потом я пошел искать Серую Метелку, чтобы попытаться убедить ее еще раз слазить для меня в склеп. Но ее нигде не было. В конце концов я сдался и побрел к дому Растова.

Шипучку я тоже не смог сразу обнаружить и стал ходить вокруг дома и заглядывать в окна. Я увидел самого Растова, развалившегося на стуле с бутылкой водки в одной руке; другой рукой он прижимал к груди предмет, который мог быть его иконой. На подоконнике что-то зашевелилось, и я понял, что это мой бывший партнер. Шипучка поднял голову, уставился на меня, головой показал на соседнюю комнату. Затем соскользнул с подоконника и исчез.

Я отошел назад к ближайшему окну указанной комнаты, которое было слегка приоткрыто. Через несколько секунд он появился.

— Привет, Шип, — сказал я. — Как дела?

— Иногда мне хочется снова в поле. Я бы сейчас готовился к долгой зимней спячке...

— Плохая ночь?

— Я вовремя выбрался. Он снова принялся за свое — пьет и поет грустные песни. Он может навлечь на нас крупные неприятности, если слишком напьется. Лучше бы ему протрезветь к решающей ночи.

— Надеюсь, так и будет.

Мы двинулись к задней стороне дома.

— Ты занят? — спросил Шипучка.

— Да.

— Послушай, Нюх, босс не все мне рассказывает, а Ночной Ветер говорил всего пару дней назад, что существуют способы определить при помощи гадания, кто Открывающий, а кто Закрывающий. Это правда?

— Правда, — сказал я. — Но они ненадежны, пока не умрет луна. Чтобы они заработали, необходимо какое-то горячее.

— А сколько времени должно пройти?

— Несколько дней.

— Так люди начнут открывать статус друг друга очень скоро?

— Да. Так всегда происходит. Поэтому важно закончить все совместные дела заранее. После того как подведены итоги, твои бывшие партнеры могут оказаться твоими новыми врагами.

— Мне не нравится перспектива иметь врагом тебя или Ночного Ветра.

— Из этого не следует, что мы должны убивать друг друга до великого события. Лично я считаю подобные поступки признаком слабости.

— Но ведь всегда происходят какие-то умерщвления.

— Да, слышал. Мне это кажется напрасной тратой энергии, раз все равно в конце все решится.

— ...И половина из нас погибнет от ответного удара победившей второй половины.

— Редко происходит равное деление Открывающих и Закрывающих, пятьдесят на пятьдесят. Никогда не известно, какой будет диспозиция или кто появится в конце. Однажды был случай, когда в последний день все отступили. Никто не явился. Что тоже плохо. Подумай об этом. Любой из них, у кого хватило бы мужества, мог тогда повернуть дело по-своему.

— Сколько осталось времени до того, как все станет известно, Нюх?

— Совсем мало. Полагаю, кто-то уже сейчас работает над этим.

— А ты знаешь?

— Нет. Узнаю очень скоро. Мне не нравится знать без крайней необходимости.

Он заполз на старый пенек. Я сел на землю рядом.

— К тому же, — добавил я, — это помешало бы мне попросить тебя кое-что сделать, прямо сейчас.

— Что именно? — спросил Шипучка.

— Я хочу, чтобы ты вернулся со мной к склепу и проверил, там ли еще Граф.

Он молчал, поворачиваясь в солнечных лучах, блестя чешуйками.

— Нет, — наконец ответил он. — Нам не нужно туда ходить.

— Почему?

— Я уже знаю, что его там нет.

— Откуда ты знаешь?

— Вчера ночью я выползал наружу, — сообщил Шипучка, — и спрятался в сливовом дереве, которое часто навещает Игла, чтобы поесть. Когда он прилетел, я сказал: «Добрый вечер, Игла».

— Это ты, Шипучка? — отозвался он.

— Собственной персоной, — ответил я. — Как кормежка?

— Неплохо. Неплохо. А как твои извилистые пути?

— О, превосходно. Полагаю, ты прилетел поесть?

— Да. Я всегда прилетаю сюда напоследок, потому что эти сливы — мои любимые, и я лакоплюсь ими после жуков. Предпочитаю оставлять самое лучшее напоследок.

— Так и следует поступать во всяком деле, — сказал я. — Скажи — теперь, пожив с Растовым, я в этом хорошо разбираюсь, — ты никогда не пробовал давно упавшие с дерева сливы, которые выглядят сморщенными, гнившими и неаппетитными?

— Нет, — ответил он, — это было бы глупо, когда столько хороших слив еще висит на дереве.

— Э-э, — возразил я, — внешний вид обманчив, и «хороший» — понятие весьма относительное.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он.

— Я тоже люблю фрукты и знаю их секрет. Те, что внизу, на земле, гораздо лучше тех, что еще висят на ветках.

— Как это может быть? — удивился Игла.

— Секрет в том, что, когда они лежат там, оторванные от источника своего существования, они используют остаток своей жизни для создания новых ростков.

Правда, они от этого сморщиваются, но вырабатывают из себя новый, особый эликсир, превосходящий обычный сок тех слив, которые еще на дереве.

— Гораздо лучше на вкус?

— Нет. На вкус — нет. Это больше чем просто вкус. Это вопрос духа.

— Наверное, нужно попробовать, раз так.

— Ты не пожалеешь. Очень тебе рекомендую.

И он спустился на землю, нашел одну из таких слив и откусил от нее.

— Фу! Они никуда не годятся! Перезрелые и...

— Не торопись, — сказал я. — Возьми еще, проглоти немного, потом еще. Немножко подожди.

И он еще попробовал, и еще. Немного погодя он сказал:

— У меня слегка кружится голова. Но ощущение довольно приятное. Действительно...

Он съел еще одну, с внезапно проснувшимся энтузиазмом, потом еще одну.

— Шипучка, ты был прав, — сказал Игла через какое-то время. — Есть в них нечто особенное. Такое теплое ощущение...

— Да, — ответил я.

— И это головокружение — не совсем головокружение. Приятное ощущение.

— Съешь еще. Съешь гораздо больше, — посоветовал я ему. — Иди туда, куда тебя поведет.

Вскоре его слова стало трудно понимать, так что мне пришлось соскользнуть с дерева на землю, чтобы слышать все, что он говорил, когда я начал спрашивать:

— Ты был с Графом, когда он устраивал новые могилы, правда?

— Вот так я узнал их местонахождение и что он собирался переехать в одну из них вчера ночью, — закончил Шипучка свой рассказ.

— Хорошая работа, — сказал я. — Хорошая работа.

— Надеюсь, когда Игла проснулся, он не чувствовал себя так, как я в то утро. Я там не остался, я понимаю, что видеть змей в таком состоянии плохо. По крайней мере, так говорит Растов.

— Сколько существует могил, не считая склепа?

— Две. Одна к юго-западу, вторая — к юго-востоку.

— Я хочу их видеть.

— Я тебя отведу. Та, что на юго-западе, ближе. Давай сперва пойдем туда.

Мы двинулись в путь, пересекая тот участок местности, где я прежде не бывал. В конце мы пришли к маленькому кладбищу, окруженному ржавой железной оградой. Калитка оказалась незапертой, и я распахнул ее плечом.

— Сюда, — сказал Шипучка, и я последовал за ним.

Он привел меня к небольшому мавзолею рядом с голой ивой.

— Внутри. Усыпальница справа открыта. Там стоит новый гроб.

— Граф там?

— Вряд ли. Игла говорил, он будет спать в другом.

Я все же вошел туда и толкал лапой крышку, пока не нашел способа открыть ее. Тогда она довольно легко поднялась. Гроб был пуст, если не считать горсти-другой грязи на дне.

— Выглядит настоящим, — сказал я. — Теперь веди меня ко второму.

Идти туда оказалось гораздо дольше, и по дороге я спросил:

— Игла не говорил тебе, когда устроены эти могилы?

— Несколько недель назад, — ответил Шипучка.

— До новолуния?

— Да. Он очень настаивал на этом.

— Это портит мою схему, — признался я, — а ведь все, казалось, так хорошо укладывается в нее.

— Извини.

— Ты уверен, что он сказал именно так?

— Совершенно.

— Проклятье.

В небе ярко сияло солнце, хотя там и сям виднелись облака, — и, разумеется, дальше к югу, над домом Доброго Доктора, они собрались целой грудой. Северный ветер принес холодную струю. Мы двигались без дороги, по осенним краскам — бурым, красным, желтым, — и почва была сырой, хоть и не пропитанной еще водой, как губка. Я вдыхал запахи леса и земли. Из одной трубы

вдалеке вился дымок, и я думал о Древних Богах и спрашивал себя, как может все измениться, если откроется путь к их возвращению. Мир может быть хорошим местом или плохим и без сверхъестественного вмешательства; мы выработали свои собственные способы действий, определили для себя добро и зло. Некоторые Боги хороши для достижения отдельных идеалов, а не для осуществления реальных целей, здесь и сейчас. Что же касается Древних, то я не видел выгоды поддерживать отношения с теми, кто совершенно трансцендентален. Мне нравится абстрактно рассматривать все эти вещи, в платонических сферах, а не быть вынужденным заниматься их физическими проявлениями...

Я вдыхал запахи горящих дров, глины, упавших с дерева гниющих яблок, возможно, все еще покрытых утренней изморозью в тени фруктовых садов, видел высоко летящий, перекликающийся клин, направляющийся к югу. Слышал, как крот роет землю под моими ногами...

— Растов так и пьет каждый день? — спросил я.

— Нет, — ответил Шипучка. — Он начал только накануне новолуния.

— К нему приезжала Линда Эндерби?

— Да. Они долго беседовали о поэзии и о ком-то по имени Пушкин.

— Ты не знаешь, она видела Альхазредскую икону?

— Так тебе известно, что она у нас... Нет, пьяный или трезвый, Растов никому бы ее не показал до того времени, как в ней возникнет нужда.

— Когда я сегодня искал тебя, я заметил у него в руках нечто напоминающее икону. Она из дерева, примерно высотой в три дюйма и длиной в девять?

— Да, он достал ее сегодня из тайника. Всякий раз, впадая в особенно глубокую депрессию, он говорит, что она придает ему бодрости, чтобы «отправиться на берега Гали и поразмышлять над законами разрушения», а затем обдумать, как ему все это использовать.

— Это можно понять почти как заявление Закрывающего, — заметил я.

— Иногда мне кажется, Нюх, что ты — Закрывающий.

Наши взгляды встретились, и я остановился. В некоторых случаях приходится рисковать.

— Это правда.

— Черт побери! Значит, мы не одни!

— Давай оставим эту тему, — произнес я. — Даже не будем больше говорить об этом.

— Но ты можешь хотя бы сказать мне, знаешь ли ты о ком-нибудь из остальных?

— Не знаю, — ответил я.

Я снова двинулся в путь. Сделан небольшой рывок, одержана маленькая победа.

Мы миновали пару коров, жующих с опущенной головой. Негромкий раскат грома раздался со стороны дома Доброго Доктора. Посмотрев налево, я разглядел свой холм, который прозвал Гнездом Пса.

— Эта могила дальше к югу, чем первая? — спросил я, когда мы свернули на тропинку, ведущую в том направлении.

— Да, — прошипел мой приятель.

Я все старался представить себе схему, растянутую по новым направлениям из-за появления этих новых точек обитания. То, что я то находил, то снова терял варианты расположения центра, меня раздражало. Кажалось, эти силы играли со мной злые шутки. И особенно трудно было отказываться от тех вариантов, которые выглядели самыми подходящими.

Наконец наш путь закончился в месте, похожем на чье-то семейное кладбище. Только семья, которой оно некогда принадлежало, давно исчезла. Разрушенное строение виднелось на вершине ближнего холма. От него остался едва заметный фундамент, не более. И я увидел, что кто-то присвоил себе останки этой семьи, когда Шипучка вывел меня на заросшее кладбище, ограда которого сохранилась только с восточной стороны, да и та покосилась.

Он провел меня через высокую траву к большой каменной плите. По ее периметру виднелись свежие следы лопаты, а камень был поднят и сдвинут в сторону; осталась узкая щель, через которую я должен был протиснуться.

Я засунул туда нос и понюхал. Пыль.

— Хочешь, чтобы я проверил? — спросил Шипучка.

— Давай вместе спустимся, — предложил я. — После такой прогулки я хочу по крайней мере взглянуть.

Я пролез в щель и спустился по неровным ступенькам. Было темно, но в конце концов я различил открытый гроб, установленный на возвышении. Второй гроб сдвинули в сторону, чтобы освободить место.

Я подошел и понюхал вокруг. Какие запахи я ожидал почуять, не знаю. В ту ночь, когда мы встретились, у Графа не было никакого запаха — очень обескураживающее явление для моего темперамента и обонятельного аппарата. Подойдя поближе и привыкнув к темноте, я удивился, почему он оставил открытой крышку. Это казалось мне странным для личности с его убеждениями.

Встав на задние лапы, я оперся передней о край гроба и заглянул внутрь.

— Что такое? — раздался голос Шипучки, и я осознал, что только что тихо тьякнул.

— Игра пошла всерьез, — промолвил я.

Он взобрался на постамент, потом на торец гроба, где приподнялся в воздух и стал похож на головной убор фараонов.

— Вот это да! — вырвалось у него.

Поверх длинного черного плаща лежал скелет. На нем все еще был надет темный костюм, теперь несколько пострадавший, распахнутый спереди. Большой деревянный кол торчал из груди и под небольшим углом уходил далеко вниз, слева от позвоночного столба. Все было покрыто толстым слоем сухой пыли.

— Похоже, его новое место оказалось не таким тайным, как он считал, — заметил я.

— Интересно, он был Открывающим или Закрывающим? — произнес Шипучка.

— Я бы предположил, что Открывающим, — ответил я, — думаю, теперь мы этого никогда не узнаем.

— Кто его пригвоздил, как ты считаешь?

— Пока не имею представления, — сказал я, опускаясь на все четыре и отворачиваясь. Потом я прищурился, вглядываясь в углы и трещины. — Ты нигде не видишь Иглу?

— Нет. Думаешь, они его тоже достали?

— Возможно. Если он все же появится, его непременно надо расспросить.

Я взобрался по ступенькам и вынырнул на свет. Мы отправились обратно.

— Что теперь? — спросил Шипучка.

— Мне нужно делать обход, — ответил я.

— Мы что же, просто будем ждать, когда это снова произойдет?

— Нет. Будем проявлять осторожность.

Мы двигались домой, ползком и трусцой.

Джека дома не было. Я сделал свои дела, а после пошел искать Серую Метелку, чтобы просветить ее по поводу последних событий. С удивлением заметил Джека, беседующего с Сумасшедшей Джил у нее на заднем крыльце. В руке он держал чашку с сахаром, который, очевидно, только что одолжил. Когда я подошел, он уже закончил беседу и собрался уходить. Серой Метелки нигде не было видно. Когда мы с Джеком возвращались домой, он сказал мне, что мы, возможно, скоро поедем в город за припасами мирского плана.

Позднее я снова вышел во двор перед домом, все еще в поисках Серой Метелки, и видел, как проехала коляска с Великим Детективом, по-прежнему в обличье Линды Эндерби. Наши взгляды встретились, и мы несколько долгих мгновений смотрели друг другу в глаза. Затем он исчез.

Я вернулся в дом и долго спал. Проснулся в сумерки и снова сделал обход. Твари в зеркале все еще лежали в клубке и слегка пульсировали. Трещина показалась мне несколько большей. Шутки памяти и воображения? Тем не менее я решил обратить на это внимание Джека.

Поев и напившись, я вышел на улицу и еще раз поискал Серую Метелку. Нашел ее в их дворе, у крыльца, дремлющей, по обыкновению на ступеньке.

— Привет. Искал тебя с утра, — сказал я. — Даже соскучился.

Она потянулась и зевнула.

— Меня не было дома. Проверяла окрестности церкви.

— Внутри была?

— Нет. Но заглянула во все отверстия, куда достала.

— Узнала что-нибудь интересное?

— Викарий держит на письменном столе в кабинете череп.

— Memento mori, — заметил я. — Церковники иногда склонны к таким вещам. Может быть, он достался ему вместе с домом как часть обстановки.

— Череп стоит на чаше.

— На чаше?

— На той самой чаше. Старинной магической чаше, о которой ходят слухи.

— О! Значит, я ошибался, считая обладателем этого предмета Доброго Доктора. Один из пунктов проясняется, — протянул я. Потом добавил фальшивым тоном: — Если бы ты мне еще сказала, где находятся две волшебные палочки...

Серая бросила на меня странный взгляд и продолжала вылизываться.

— ...И мне пришлось карабкаться по стене дома, — сказала она.

— Зачем?

— Услышала, как кто-то плачет наверху. Взобралась по стенке и заглянула в окно. Увидела на кровати девочку. На ней было голубое платье, а к щиколотке привязана длинная цепочка. Второй конец прикреплен к раме кровати.

— Кто она?

— Ну, немного позже я встретила Текелу... Не думаю, чтобы она так уж горела желанием побеседовать с кошкой. И все же я уговорила её, и Текела мне призналась, что девочку зовут Линет, она дочь покойной жены викария от первого брака.

— Почему она сидит на цепи?

— Текела сказала, что ее наказали за попытку убежать.

— Очень подозрительно. Сколько ей лет?

— Тринадцать.

— Да. Все правильно. Жертвоприношение, конечно.

— Конечно.

— Какую ты ей дала в обмен информацию?

— Я рассказала ей о нашей встрече с большим человеком в ту ночь и о вероятности того, что цыгане связаны с Графом.

— Мне надо кое-что сообщить тебе о Графе. — Я подробно поведал ей о своих расследованиях вместе с Шипучкой.

— Независимо от того, на чьей он был стороне, я не могу сказать, что сожалею о его выходе из игры, — сказала Серая Метелка. — Он наводил на меня ужас.

— Ты с ним встречалась?

— Видела его однажды ночью, когда он покидал свой первый склеп. Я спряталась на ветке дерева, чтобы посмотреть, как он это делает. Казалось, он просто просочился оттуда, не двинув ни единым мускулом, просто перелился, так же, как умеет Шипучка. Потом постоял там секунду в развевающемся на ветру плаще, глядя на мир так, будто весь свет принадлежит ему и он решает, какая из его частей могла бы поразвлечь его в данный момент. А потом он рассмеялся. Никогда не забуду этот смех. Он просто запрокинул голову и залаял — не так, как лаешь ты, разве только у тебя есть особенный вид лая перед тем, как съесть что-нибудь, что не хочет быть съеденным, а это доставляет тебе удовольствие, придает особую прелесть еде... Потом он начал двигаться — превращался в разные предметы, разной формы — и вдруг улетел, как обрывок плаща, уплывающий прочь в лунном свете. Не стану утверждать, что меня не обрадовал его отлет.

— Никогда не видел ничего столь драматичного, — признался я. — Но я познакомился с ним еще ближе, и он произвел на меня впечатление. — Я помолчал. — Текела еще что-нибудь выдала тебе, кроме истории Линет?

— По-видимому, все теперь ухватились за идею, что центр — это тот старый дом пастора, — сказала Серая. — Викарий рассказал Текеле, что он когда-то стоял при гораздо большей церкви, к югу отсюда, и последний король Генрих разрушил его, чтобы доказать всем остальным серьезность своих намерений.

— Это делает его таким подходящим кандидатом, меня даже раздражает, что Граф проявил дурной вкус и пустил насмарку все вычисления.

— Ты еще не рассчитал новое место?

— Нет. Но скоро рассчитаю.

— Дашь мне знать?

— Я возьму тебя с собой, когда займусь этим, — предложил я.

— Когда это будет?

— Возможно, завтра. Сейчас я как раз собирался пройтись по дороге и посмотреть на цыган.

— Зачем?

— Иногда они довольно живописны. Пойдем вместе, если хочешь.

— Пошли.

Мы отправились вверх по дороге. Ночь опять выдалась ясная, со множеством звезд на небе. Когда мы подошли к дому Ларри, я услышал в отдалении музыку, потом увидел вспышки фейерверка. По мере того как мы подходили ближе, я стал различать в музыке звуки скрипки, гитары, тамбурина и одного барабана. Мы подбирались все ближе и наконец нашли место и спрятались ниже табора, откуда могли наблюдать за происходящим. Я чуял присутствие собак, но ветер дул в нашу сторону, и никто нас не потревожил.

Несколько цыганок постарше танцевали. Неожиданно одна из них запела, издавая протяжные, завывающие звуки. Музыка волновала, движения танцорок напоминали мне стилизованные движения длинноногих птиц, которых я видел в более благодатных краях. Повсюду горели костры, и от некоторых из них доносился запах готовящейся еды. Зрелище состояло не только из света, но и из теней, и мне скорее даже нравилось то завывание, поскольку я считаю себя знатоком в вопросах лая и воя. Некоторое время мы смотрели на цыган, зачарованные яркими цветами одежды танцорок и музыкантов не меньше, чем движениями и звуками.

Они сыграли несколько мелодий, а потом скрипач махнул рукой в сторону кучки зрителей, протянул свой инструмент и сделал приглашающий жест. Я услышал протесты, но скрипач настаивал, и в конце концов одна из женщин вышла вперед в круг света. Прошло несколько мгновений, прежде чем я узнал Линду Эндерби. Очевидно, Великий Детектив наносил очередной из своих

светских визитов. На заднем плане, в тени, я различил короткую плотную фигуру его спутника.

После короткого препирательства он принял скрипку и смычок, потрогал струны и взял скрипку под подбородок так, будто делал это всю жизнь. Поднял смычок, замер на долгое мгновение и затем начал играть.

Он играл хорошо. Это была не цыганская музыка, а старинная народная песня, которую я уже где-то слышал. Закончив ее, Великий Детектив без паузы начал другую, исполнив несколько вариаций. Он все играл и играл, и игра его становилась все более и более необузданной...

Внезапно он резко оборвал игру и сделал шаг в сторону, как будто неожиданно проснувшись. Затем поклонился и вернул инструмент хозяину, и движения его в тот момент были совершенно мужскими. Я подумал о контролируемом мышлении, о мастерской дедукции, которые привели его сюда, и потом вот это — минутный срыв в необузданность, а затем обратное превращение, с улыбкой, в женщину. Я понял, что это проявление огромной силы воли, и внезапно увидел в нем гораздо больше, чем преследователя со множеством лиц. Внезапно я осознал, что он вынужден изучать, как мы изучали другие аспекты, размах нашего предприятия, и в конце концов даже может оказаться прямо за нашей спиной, что он почти стал игроком в каком-то смысле и даже больше того — силой в Игре. И я почувствовал к нему такое уважение, какое испытывал к очень немногим существам из всех мне известных.

Позднее, по дороге домой, Серая Метелка сказала:

— Хорошо было на время отвлечься от дел.

— Да, — ответил я, — хорошо, — и взглянул на небо, где луна все росла.

22 ОКТЯБРЯ

— Чихуахуа? — предложила Тварь в круге. — Просто так, для смеха?

— Не-а, — ответил я. — Языковой барьер.

— Давай! — сказала она. — Я уже почти набралась сил, чтобы самой вырваться отсюда. Если ты продержишь меня здесь до тех пор, тебе не поздоровится.

— «Почти», — заметил я, — это недостаточно.

Она зарычала. Я рыкнул в ответ. Она отшатнулась. Я все еще держал ее под контролем.

Тварь в паропроводе тоже стала гораздо активнее и сверкала на меня глазом сквозь отверстие в трубе. И еще нам пришлось пристроить засов на шкаф на чердаке, так как сидящая в нем Тварь сломала крючок. Но я загнал ее обратно. Ее я тоже пока держал под контролем.

Потом пошел во двор, проверил места возможного появления чужаков. Ничего подозрительного не обнаружил и отправился к дому Ларри, собираясь ввести его в курс всех дел и узнать, какие у него новости. Однако, подойдя к дому, я остановился. Перед входом стояла коляска Эндерби, а рядом с ней толстый кучер. Чем может быть так очарован Великий Детектив, что ему потребовался повторный визит? Теперь у меня ничего не выйдет, конечно.

Я повернулся и пошел обратно. Добравшись до дома, увидел Серую Метелку, ожидающую меня на нашем дворе.

— Нюх, ты делал расчеты? — спросила она.

— Только мысленно, — ответил я. — Думаю, легче будет проделать их с командной высоты.

— Какой высоты?

— С Гнезда Пса, — объяснил я. — Если тебе интересно, пошли.

Мы прошли мимо дома Оуэна, и Плут затрепал нам вслед с ветки:

— Странная парочка! Странная парочка! Открывающая, Закрывающий! Открывающая, Закрывающий!

Мы не ответили. Пускай себе занимается пророчествами.

— Под странным заклятием вы находитесь, — заметила Серая Метелка после долгого молчания.

— Скорее можно сказать, что мы — хранители заклятия. Возможно, и не одного. Если живешь достаточно долго, такие вещи каким-то образом накапливаются. Откуда ты о нем знаешь?

— Джек что-то о нем рассказывал хозяйке.

— Странно. Обычно мы о таком не говорим.

— Должно быть, на то есть причины.

— Конечно.

— Так, значит, ты не новичок. Ты уже участвовал в Игре, причем много раз?

— Да.

— Интересно, на что это похоже?

Мы миновали дом Растова, но не остановились. Потом по дороге мимо нас прошел Маккаб с палкой в руке. При нашем приближении он поднял палку, а я оскалил на него зубы. Он опустил ее и пробормотал проклятие. Я привык к проклятиям, и никто не может определить, когда я улыбаюсь.

Мы продолжали идти по бездорожью и наконец подошли к моему холму. Вскарabalлись до того места, где лежали камни. К югу от нас в черных облаках над домом Доброго Доктора гремело и сверкало.

На этой высоте ветер дул сильнее, и, пока я прошелся по кругу, начал накрапывать небольшой дождик. Серая Метелка сжалась в комок с сухой стороны каменного блока, наблюдая за мной.

С южной стороны я провел линию от дальнего кладбища, протянув ее ко всем другим местам обитания, находящимся в поле зрения или подразумевающимся. По-

том еще раз повторил все сначала от того места, где лежали останки Графа. Мысленно окинул взором новую схему. Она отодвинула центр прочь от дома пастора, вниз, к югу, мимо нас, и центр оказался впереди, немного слева. Я стоял как вкопанный, позабыв про дождь, пока не построил схему, повторил весь процесс, увидел, куда сдвигается центр, опустил его туда, где он должен был оказаться...

Снова тот же участок. Но там же ничего нет, ни одной особой приметы! Просто склон холма, несколько деревьев и камней на нем. Никаких сооружений поблизости.

— Что-то не так, — пробормотал я.

— Что именно? — спросила Серая Метелка.

— Не знаю. Просто это неправильно. В прошлом, по крайней мере, варианты всегда были интересными и приемлемыми. Но этот — ничто. Просто скучный кусок поля к югу отсюда и немного на запад.

— Все другие варианты тоже были неправильными, — сказала она, подойдя ко мне, — хоть и очень интересными. — Метелка взобралась на ближайший камень. — Где это?

— Вон там, — ответил я, указывая направление головой. — Справа от тех пяти или шести деревьев, растущих кучкой на склоне вон того холма.

Она взгляделась.

— Ты прав, выглядит не особенно многообещающе. Ты уверен, что рассчитал правильно?

— Дважды проверил, — ответил я.

Метелка снова вернулась в свое укрытие, так как дождь внезапно припустил сильнее. Я последовал за ней.

— Полагаю, нам нужно туда наведаться, — сказала она немного погодя. — После того, конечно, как кончится дождь.

Снова принялась вылизывать шерсть. Она колебалась.

— Мне только что пришло в голову... — сказала она. — Скелет Графа. То большое кольцо, которое он носил, все еще оставалось у него на пальце?

— Нет, — ответил я. — Тот, кто прикончил Графа, несомненно, взял его.

— Тогда некто получил двойную выгоду.

— Наверное.

— Это сделает его сильнее, да?

— Только в техническом мастерстве. Возможно, он станет даже более уязвимым.

— Ну, техническая сторона дела кое-что значит.

— Действительно.

— А Игры всегда в какой-то момент запутываются? Сбиваются мысли, идеи, ценности игроков?

— Всегда. Особенно ближе к концу, когда события начинают ускоряться, стремительно нарастать. Одно то, что мы находимся здесь и совершаем определенные поступки, создает вокруг нас что-то вроде вихря. Ты можешь запутаться и попасть в ловушку. Если запутается кто-то другой, это может спасти тебя.

— То есть Игра приобретает причудливые очертания, но потом все приходит в равновесие?

— Довольно многое, по-моему. Пока не настанет конец, разумеется.

Неподалеку сверкнула молния, за ней немедленно раздался раскат грома. Гроза Доброго Доктора распространялась. Направление ветра резко изменилось, и проливной дождь насквозь промочил нас.

Мы тотчас же кинулись через дорожку, под прикрытие большого камня.

Пока мы сидели там, чувствуя себя особенно несчастными и жалкими, как можно чувствовать себя только вымокнув, мой взгляд неожиданно привлекла боковая поверхность камня. Вероятно, под воздействием влаги несколько царапин и неровностей на ней теперь казались чем-то большим, чем просто царапины.

— Ну, надеюсь, их шайка довольна всей этой заварушкой, — вслух размышляла Серая Метелка. — Ньярлатотеп, Чтулу и все остальные неудобопроизносимые божества. Лучше бы мне заниматься приятными и простыми делами — ловить мышей для жены какого-нибудь фермера...

Да, это были буквы какого-то неизвестного мне алфавита, высеченные на камне, стертые и почти неразличимые, проступившие сейчас, когда камень в некоторых местах потемнел от стекающих струек воды, вы-

явив их контуры. На моих глазах они, казалось, становились все четче.

Потом я отпрянул, потому что они начали светиться слабым красным светом. И становились все ярче.

— Нюх, — снова заговорила Серая Метелка, — почему ты стоишь под дождем? — Потом проследила за моим взглядом и прибавила: — Ого! Думаешь, они меня услышали?

Теперь они уже сверкали, эти буквы, и начали переливаться, будто читали сами себя. Избыток света сформировался в большой прямоугольник, обрамляющий их.

— Я же только пошутила, ты знаешь, — тихо произнесла Серая.

Внутренняя поверхность прямоугольника засияла молочно-белым светом. Какая-то часть меня хотела отпрыгнуть и убежать, но другая часть стояла, зачарованная этим процессом. К несчастью, именно последняя часть взяла верх. Серая Метелка застыла, как статуя из тени, глядя во все глаза.

Глубоко внутри прямоугольника возникло завихрение, и, наверное, это можно назвать предчувствием, но неожиданно та, другая часть меня снова обрела контроль. Я прыгнул вперед, схватил Серую Метелку зубами за загривок и отскочил вправо. Как раз в этот момент из прямоугольника сверкнула молния и ударила в то место, где мы только что стояли. Я споткнулся, ощутив слабый удар, и почувствовал, как шерсть становится дыбом. Серая Метелка взвыла, а в воздухе запахло озоном.

— Кажется, они довольно обидчивы, — сказал я, поднимаясь на ноги и снова падая.

Потом вокруг нас забушевал ветер, в десять раз сильнее, чем раньше. Я снова попытался встать, и снова меня повалило на землю. Я оглянулся на камень и увидел, что завихрение исчезло, так что, возможно, другого удара молнии не последует. Вместо этого там появилось слабое очертание ключа. Я подполз поближе к Серой Метелке. Ветер все усиливался. Откуда-то доносился голос, выпевающий:

— Йа! Шаб-Ниггурат! Черный Козел Лесов с Тысячью Молодых!

— Что происходит? — взвыла Метелка.

— Кто-то открыл дверь, чтобы иметь возможность выразить недовольство твоим замечанием, — высказал я предположение. — Он его уже выразил, но дверь еще не захлопнулась. Так мне кажется.

Она прижалась ко мне — спина дугой, уши плотно прижаты, шерсть дыбом. Ветер, еще больше усилившийся, теперь толкал нас, ему почти невозможно стало сопротивляться. Я начал скользить по земле в направлении этого входа, таща за собой Серую Метелку.

— У меня такое ощущение, что дверь закроется слишком поздно, — закричала она. — Мы пролетим в нее! — С этими словами она повернулась и прыгнула на меня, вцепившись в шею всеми четырьмя лапами. Когти у нее были очень острые, надо сказать. — Мы не должны разделяться!

— Согласен! — задыхаясь, ответил я, скользя все быстрее.

Во время этого скольжения мне удалось встать на ноги. Вместо того чтобы позволить насильно протолкнуть нас сквозь стену, лучше проявить немного доброй воли, что, возможно, даст нам шанс спастись.

Несложно было перестать считать стену, к которой мы приближались, каменной, ибо в ней была определенная глубина, хоть и неявно выраженная, а изображение ключа уже погасло. Что там, за стеной, я не имел ни малейшего представления; в том, что нас пронесет сквозь нее, у меня не оставалось сомнений. Значит, лучше сохранить остатки достоинства...

Оттолкнувшись лапами, я прыгнул вперед. В проход. В туман...

...В тишину. Как только мы пересекли грань, сейчас же исчез шум ветра и ливня. Мы не приземлились на твердую поверхность или на какую-либо другую поверхность. Мы висели в жемчужно-сером свете или же, если мы падали, ощущение падения отсутствовало. Лапы у меня все еще были вытянуты вперед, будто я прыгаю через забор; вокруг плясали туманные вихри и потоки, призрачные, как облака высоко в небе, но ощущение движения было парадоксальным; то есть, повернув голову в любом направлении, я мог вызвать у себя ощущение движения именно в этом направлении.

Я все-таки успел обернуться назад и увидеть, как исчезает прямоугольник позади нас, бледнеют камни и трава в его рамке. В том месте, где он был раньше, а также вокруг нас самих висели в воздухе капли дождя, несколько листьев и стебельков травы. Или, возможно, мы падали все вместе или поднимались, в зависимости от того...

Серая Метелка тихонько взвыла, потом огляделась.

— Важно, чтобы мы здесь не расставались, — сказала она.

— Ты знаешь, где мы? — спросил я.

— Да. Я уверена, что приземлюсь на лапы, но начесть тебя не знаю. Давай я переберусь к тебе на спину. Нам обоим так будет удобнее.

Она поползла по моей шее и наконец устроилась на спине за моими лопатками. Обосновавшись, все-таки втянула когти.

— И где же мы?

— Как я теперь поняла, что-то пыталось помочь мне, когда нас сносило вперед, — сказала Метелка. — Это не относится к эпизоду с ударом молнии. Но путь открылся, и это «что-то» использовало его как средство спасения. Вероятно, оно сделало даже больше.

— Боюсь, я тебя не понимаю, — сказал я.

— Мы сейчас между нашим миром и Царством Грез, — объяснила она.

— Ты бывала здесь раньше?

— Да, но не в этом именно месте.

— Ощущение такое, будто мы можем плавать тут вечно.

— Полагаю, что можем.

— И как же нам сдвинуться вперед — или назад?

— Мои воспоминания в этой части беспорядочны: если не нравится то место, где находишься, то уходишь и делаешь новую попытку... Сейчас я попробую. Позови меня, если произойдет что-нибудь слишком неестественное.

После этих слов она замолчала. Ожидая, что же последует дальше, я размышлял о тех событиях, которые привели нас сюда. Мне показалось странным, что простое непочтительное упоминание кошкой Древних не только было услышано, но тот, кто на него обиделся,

оказался достаточно сильным, чтобы что-то предпринять. Правда, сила нарастала в период перед кульминацией Игры, но меня удивляла такая расточительность — расходовать ее на подобные пустяки, когда ей наверняка могло найтись гораздо лучшее применение, если только это не было одним из проявлений той знаменитой непостижимости, которую, как я иногда думаю, будет понятнее считать детским капризом. Затем в глубине моего мозга искрой вспыхнула мысль о некоторой возможности, но мне пришлось отвлечься от нее, так как вокруг меня начались перемены.

Над головой светлело — ничего похожего на единственный источник света, но все увеличивающийся контраст по сравнению с более темной областью под моими лапами. Я ничего не сказал об этом Серой Метелке, потому что решил не обращаться к ней без крайней необходимости до тех пор, пока она сама не заговорит. Но я рассматривал этот свет. В нем было нечто знакомое, возможно, по мгновениям пробуждения или погружения в дремоту...

Затем я понял, что это очертания, как на карте, континента или острова — а возможно, двух или больше, — которые висели там, в небесной дали над моей головой. Это зрелище странно подействовало на мое чувство ориентации, и я попытался изменить свое положение в пространстве относительно него. Задвигал лапами и изогнулся, стараясь перевернуть свое тело так, чтобы смотреть на сушу сверху вниз, а не снизу вверх.

Оказалось, что это даже очень просто, потому что я немедленно перевернулся. Картина становилась все четче, массивы суши больше, по мере того как мы подплывали все ближе, топографические детали разворачивались на фоне голубого поля с легкими перышками облаков, висящих над возвышенностями и вдоль побережья, над парой крупных островов, увенчанных высокими пиками, между двумя более крупными массивами — на западе, если то, что казалось лежащим вверх по вертикальной оси, и в самом деле было севером. Нет никаких причин считать, что это действительно так, но и никаких доводов против.

Серая Метелка заговорила ровным, лишенным выражения голосом:

— ...К западу от Южного моря лежат Базальтовые Столбы, а за ними — город Катурия. На восточном побережье стоят рыбацьи поселки. На юге от черных башен Дилат-Лина простирается земля белых грибов, где дома коричневые и не имеют окон; там, под водой, в тихие дни можно разглядеть аллею полуразрушенных сфинксов, ведущую к куполу большого затонувшего храма. Дальше к северу можно видеть кладбищенские сады Зуры, место недостижимых наслаждений, храмовые террасы Зака, двойной хрустальный мыс в гавани Сона-Нил, шпили Талариона...

Пока она говорила, мы подплыли еще ближе, и мое внимание переключалось с одного места на побережье этого моря на другое, и тогда это место каким-то образом увеличилось в размерах, несмотря на расстояние, так что я воспринимал его как во сне. И хотя часть моего сознания была озадачена таким таинственным явлением, другая часть принимала его с ощущением скорее узнавания, нежели открытия.

— ...Дилат-Лин, — задумчиво бормотала Серая Метелка, — куда большеротые торговцы в странных тюрбанах прибывают за рабами и золотом, причаливая на черных галерах, вонь с которых может заглушить только дым благовоний. Они платят рубинами и отчаливают, толкаемые мощными ударами весел в руках невидимых гребцов. Затем на юго-запад к Трану, к его разорванному кольцу наклонных стен из алебастра и к его башням, задевающим облака, белым с золотом, там, у реки Шай, чьи набережные одеты мрамором...

И там лежит город с гранитными стенами — Хланит, на берегах Серенерийского моря. А в нем набережные — из дуба, и крыши домов остроконечные, украшенные шпилями... Там, в благоухающих джунглях Кледа, — продолжала она, — где заброшенные дворцы из слоновой кости, служившие некогда домом монархам забытых царств, спят nepотревоженным сном.

...И вверх по реке Укранос от Серенерийского моря поднимаются яшмовые террасы Кирана, куда раз в год приносят в золотом паланкине царя Илек-Вада, чтобы помолиться богу реки в семибашенном храме, из которого плывет музыка всякий раз, когда на него падает лунный свет.

Пока Серая Метелка говорила, мы медленно и неуклонно подплывали все ближе, теперь мы уже дрейфовали над обширными районами — коричневыми, желтыми, зелеными...

— ...Из Дилат-Лина плыть одиннадцать дней до Бахарны, самого крупного порта на острове Ориаб, у входа в его гавань стоят огромные маяки Тон и Тал, а набережные все из порфира. Канал ведет оттуда к озеру Йат, что у развалин города, через туннель с гранитными воротами. Обитатели гор ездят на зебрах... К западу лежит Долина Пнот среди скал Трока. Там скользкие дхолы роятся в горах из костей, в отбросах пиршеств вампиров, скопившихся за века... Тот пик на юге называется Нгранек, он в двух днях пути верхом на зебре от Бахарны, если не боишься ночных верзил. Те, кто осмелится взобраться по склонам Нгранека, придут в конце пути к огромному лицу, высеченному в скале, с удлиненными мочками ушей, острым носом и подбородком. Выражение на этом лице не очень счастливое.

...А в северных землях, у реки Шай, раскинулся прекрасный Ултар, за большим каменным мостом, в арку которого замуровали живого человека, когда строили тот мост, тринадцать веков назад. Это город аккуратных коттеджей и мощенных булыжником улиц, по которым бродит бесчисленное количество кошек, потому что просвещенные законодатели в давние времена приняли законы о нашей охране. Хороший, добрый городок, где путешественники чувствуют себя спокойно и глядят кошек, уделяя им большое внимание, как и должно быть.

...И еще там есть Ург с низкими куполами, остановка на пути в Инкванок, где часто бывают рудокопы, добывающие оникс...

...И сам Инкванок, ужасное место возле пустыни Ленг. Его дома похожи на дворцы с заостренными куполами и минаретами, пирамидами, золотыми стенами с черной резьбой и завитушками, инкрустированными золотом, с каннелюрами, арками и золотыми навершиями. Улицы его из оникса, а когда звонит большой колокол, ему отвечают музыка рожков и виол и поющие голоса. Высоко на центральном холме стоит массивный храм Древних Богов, окруженный садом, в который ведут семь ворот, и где множество колонн, фонтанов и

прудов, а в них плавают светящиеся рыбки и дрожит и пляшет отражение огня от трехногих светильников на балконе храма. На плоском куполе самого храма стоит большая колокольня; когда звонит колокол, появляются священники в масках и капюшонах, несущие дымящиеся чаши в подземные помещения. Дворец Царя-подвуалью возвышается на соседнем холме. Царь-подвуалью проезжает через бронзовые ворота на колеснице, запряженной яками. Берегись отца птиц Шантак, обитающего в куполе храма. Если будешь слишком долго смотреть на него, он найдет на тебя ночные кошмары. Избегай ходить в прекрасный Инкванок. Ни одна кошка не может жить в нем, ибо многие из его теней — трава для нашего рода.

...А над плато Ленг стоит Шаркоманд. Поднимаешься по покрытым солью лестницам к базальтовым стенам и докам, храмам и площадям, улицам с колоннадами, к тому месту, где украшенные сфинксами ворота открываются на центральную площадь, и два массивных крылатых льва охраняют начало лестницы, ведущей в Великую Пропать.

Теперь мы плыли еще ниже, и мне казалось, я слышу ветры, дующие между двумя мирами, а Серая Метелка продолжала нараспев рассказывать о географии Страны Грез:

— ...По пути в Кадат мы пересекаем ужасную пустыню Ленг, где в огромном монастыре без окон, окруженном монолитами, обитает Верховный Священник Страны Грез, лицо его спрятано под желтой шелковой маской. Это здание старше, чем сама история, и украшено фресками, посвященными истории Ленга: существа, едва напоминающие людей, танцуют среди исчезнувших городов; идет война с пурпурными пауками, приземляются черные галеры с Луны...

...И мы минуем сам Кадат, огромный город льда и тайн, столицу этой земли...

...Прибывая, наконец, в прекрасный Целефаис, в земле Оот-Наргай, на берегу Серенерийского моря...

Теперь мы летели очень низко, над снежной шапкой горной вершины.

— ...Гора Аран, — тянула она, и я увидел деревья гинкго на ее нижних склонах; потом, в отдалении,

мраморные стены, минареты, бронзовые статуи. — Река Наракса впадает здесь в море. Вдали видны вершины Танариана. В храме из бирюзы, в конце улицы Колонн, верховный жрец поклоняется Нат-Хортоту. И вот мы близимся к тому месту, куда мне приказали явиться.

Мы начали плавно снижаться и опустились на мощенную резным ониксом улицу. Вокруг нас сейчас же возникли звуки, отличающиеся от завывания ветра, и я ощутил легкое дуновение воздуха. Серая Метелка спрыгнула с моей спины, приземлилась рядом, встряхнулась и осмотрелась.

— Ты бродишь по этим местам в сновидениях кошачьей дремы? — спросил я.

— Иногда. А иногда — еще где-нибудь. А ты?

— Кажется, мне тоже случалось здесь бывать.

Она описала полный круг, остановилась, потом снова тронулась в путь. Я следовал за ней.

Шли мы долго; никто из купцов, погонщиков верблюдов или жрецов в венках из орхидей не потревожил нас по пути.

— Здесь отсутствует время, — заметила Серая Метелка.

— Я тебе верю, — ответил я.

Из покрытого розовым туманом порта мимо нас шли моряки, солнечные лучи сверкали на улицах, на минаретах. Я нигде не видел других собак, не чувствовал их запаха.

В отдалении возникло ослепительное видение, и мы направились к нему.

— Дворец Семидесяти Наслаждений из розового хрусталя, — сказала она, — оттуда Он позвал нас.

И мы пошли к Нему. Похоже было, что та часть меня, которая обычно бодрствует, сейчас спит, а та часть, которая обычно спит, — бодрствует, и эта перемена позволяла легко принимать чудеса, легко забыть события этого дня и заботы предыдущих недель.

Хрустальный дворец вырастал перед нами, сверкая, как глыба розового льда, так что я смотрел мимо него, а не прямо. По мере того как мы приближались, вокруг становилось все тише, солнце лило теплые лучи.

Когда мы вошли в пределы дворца, я заметил маленькую серую фигурку — единственное живое суще-

ство в поле зрения, — греющуюся на солнышке на террасе перед дворцом. Серая Метелка повела меня к ней. Это оказался древний кот, лежащий на квадрате из черного оникса. Подняв голову, он следил за нами.

Подойдя поближе и распростершись перед ним, Метелка произнесла:

— Приветствую вас, Ваше Мурлычество.

— Серая Метелка, дочь моя, — ответил он. — Привет. Встань, прошу тебя.

Она повиновалась и сказала:

— Мне кажется, я почувствовала ваше присутствие в те минуты, когда Древние разгневались. Благодарю вас.

— Да. Я наблюдал за тобой весь этот месяц. Ты знаешь почему.

— Знаю.

Он повернул голову, его желтые глаза старца встретились с моими. Я склонил голову из уважения к почтенному возрасту и потому, что Серая Метелка явно считала его очень важной персоной.

— Ты пришла в сопровождении пса.

— Нюх — мой друг, — сказала она. — Он вытащил меня из колодца, прыгнул и спас от молнии Древних.

— Да, я видел, как он тебя оттащил, когда молния ударила, как раз перед тем, как я решил позвать тебя сюда. Добро пожаловать. Привет, Нюх.

— Привет... сэр, — ответил я.

Очень медленно старый кот встал, выгнув дугой спину, потом вытянулся низко над землей, снова поднялся.

— Сейчас как раз наступили сложные времена, — сказал он. — Вы стали частью необычного замысла. Пойдем со мной, дочь моя, чтобы я мог передать тебе малую толику мудрости, относительно событий последнего дня. Ибо некоторые вещи кажутся слишком незначительными для Великих, а кошка может знать то, чего не знают Древние Боги.

Она взглянула на меня, и так как мало кому удается разглядеть мою улыбку, я кивнул головой.

Они прошли в храм, а я подумал, что, может быть, стоя где-то на высоком скалистом утесе, за нами наблюдает, всегда настороже, древний волк, посылая мне единственный приказ: «Продолжай сторожить, Нюх».

Я почти слышал его рычание в безвременье, из тех мест, что за пределами мысли.

Ожидая их, я обнюхал все кругом. Трудно было сказать, как долго они отсутствовали в том месте, где нет времени. Но, по-видимому, не очень долго. Когда я увидел, что они появились из храма, я снова подивился превратности судьбы, которая подружила меня с Открывающей. Да к тому же еще и кошкой.

Я заметил, что Серая Метелка чем-то обеспокоена или, по крайней мере, озадачена, по тому, как она подняла правую лапку и посмотрела на нее.

— Теперь сюда, — велел старый кот и, сказав так, поглядел на меня. Я понял, что приглашение относится и ко мне.

Он повел нас по аллее рядом с Дворцом Семидесяти Наслаждений, вдоль которой стояли гофрированные урны темно-коричневого, желто-коричневого и аквамаринного цвета, расписанные тонкими черными и серебряными линиями, с ручками из малахита, нефрита, порфира и хризоберилла, хранящие забытые тайны храма. Пурпурные крысы спасались бегством при нашем приближении, и одна из крышек шевельнулась, издала звук, подобный звону колокола, который эхом отразился от хрустальной розовой стены.

— Входите, — пригласил старый кот, и мы последовали за ним в темную нишу, где находилась боковая дверь в храм.

Рядом с ней на хрустальной стене дрожала менее четко обозначенная дверца, и, когда мы к ней подошли, ее внезапно проявившийся прямоугольник начал закипать молочной пеной. Мы остановились перед этой дверцей, и старый кот обратился ко мне:

— Поскольку ты друг одной из моего рода, я одарю тебя знанием. Спрашивай меня, о чем пожелаешь.

— Что ждет меня завтра? — спросил я.

Он мигнул один раз. Потом ответил:

— Кровь. Моря крови и кровавое месиво повсюду вокруг тебя. И еще ты потеряешь друга. Теперь идите в эту дверь.

Серая Метелка шагнула в прямоугольник и исчезла.

— Ну что же, спасибо, — сказал я.

— *Carpe baculum!** — прибавил он, когда я последовал за кошкой; каким-то образом он знал, что я помню кое-что из латыни, и, несомненно, получил непонятное кошачье удовольствие, приказывая мне принести палку на классическом языке. Постепенно привыкаешь к шпилькам от кошек по поводу твоей собачьей природы, хотя я надеялся, что хоть их босс будет выше этого. И все-таки он — тоже кот и, вероятно, уже давно не видел собак и просто не смог удержаться от искушения.

— *Et cum spiritu tuo*** — ответил я, входя в отверстие.

— *Benedicite****, — услышал я издали ответ, снова всплывая в пространство между двумя мирами.

— Что означал весь этот разговор в конце? — крикнула мне Серая Метелка.

— Он устроил мне небольшую контрольную по Вергилию.

— Зачем?

— Будь я проклят, если знаю. Он же непостижим, помнишь?

Неожиданно ее очертания расплылись внутри еще одного прямоугольника. Странно было смотреть, как она стала двухмерной и заколебалась. Затем превратилась в горизонтальную линию, концы которой свернулись к середине, и — исчезла. Когда подошла моя очередь, ощущения оказались не настолько сложными. Я присоединился к ней, оказавшись на вершине Гнезда Пса, перед каменным блоком, снова ставшим просто камнем, на котором виднелось несколько царапин. Солнце ушло далеко на запад, но гроза кончилась.

Я описал круг. Никто не следил за нами, ни с какой стороны.

— Еще достаточно светло, чтобы обследовать то место, которое ты определил, — предложила Серая.

— Давай отложим. Я опаздываю на свой обход, — ответил я.

— Ладно.

* *Лови палку!* (лат.)

** *И с духом твоим* (лат.).

*** *Благословляю* (лат.).

Мы отправились домой. Я все думал о пророчестве старого кота, но это будет только завтра.

— Собачья дрема гораздо менее пышная, чем Целефаис, — сказал я по дороге.

— А какая она?

— Я снова в первобытном лесу со старым волком по имени Рычун. Он учит меня разным вещам.

— Если там есть Зооги, — сказала она, — то мы пролетали над твоим лесом, справа от реки Шай. Это ниже Врат Глубокого Сна.

— Может быть, — ответил я, подумав о маленьких коричневых созданиях, живущих на дубах и питающихся грибами, только когда поблизости нет людей. Рычун потешался над ними, как и почти над всем остальным.

Облака на западе приобрели багряный оттенок, а наши лапы промокли от росы. «Кровь и месиво»... Наверно, не помешало бы проанализировать.

Этой ночью мы болтали с Рычуном о том, о сем, пока не подрались, и я потерпел поражение.

23 ОКТЯБРЯ

С утра я принялся за дело. Побранился с Тварями, потом проверил все снаружи. У нашей парадной двери лежало черное перо. Может быть, одно из перьев Ночного Ветра. Может быть, подложено одним из Открывающих, с вредным наговором. Может, просто случайное перо. Я отнес перо через дорогу в поле и пописал на него.

Серой Метелки не было поблизости, и я пошел к Ларри. Он впустил меня, и я рассказал ему все, что произошло со времени нашей последней встречи.

— Нам нужно проверить этот склон холма, — сказал он. — Возможно, там в прежние времена стояла часовня.

— Вы правы. Хотите пойти туда сейчас?

— Давай.

Пока он ходил за курткой, я изучал его растения. У него, несомненно, росли самые экзотические виды. Я еще не рассказал ему о Линде Эндерби, возможно, потому, что он мимоходом упомянул, будто они говорили только о ботанике. Возможно, Великого Детектива и в самом деле интересовали только растения.

Он вернулся с курткой, и мы отправились в путь. Когда вышли в открытое поле, стало немного ветрено. В одном месте мы пересекли цепочку бесформенных следов, ведущих к ферме Доброго Доктора, где постоянно бушевала гроза. Я понюхал их: Смерть.

— Большой человек снова вырвался на свободу, — заметил я.

— Я не ходил в ту сторону, чтобы познакомиться, — сказал Ларри. — Теперь начинаю думать, не тот ли это самый довольно знаменитый человек, с которым я уже встречался, приехавший сюда, чтобы продолжать свою работу.

Он не стал развивать эту тему, поскольку мы подошли к стреле из арбалета, торчащей из ствола дерева.

— Как насчет викария Роберта?

— Честолюбивый тип. Меня не удивит, если он задался целью остаться единственным в конце, чтобы одному воспользоваться плодами Игры.

— А Линет? Нет никакой необходимости в человеческих жертвоприношениях. Они просто как бы смазывают колеса.

— Я уже о ней думал, — ответил Ларри. — Возможно, на обратном пути мы пройдем мимо дома викария, и ты мне покажешь, которая комната ее.

— Этого я и сам не знаю. Но я попрошу Серую Метелку показать мне. Потом покажу вам.

— Так и сделаем.

Мы шли дальше и наконец пришли к склону того небольшого холма, который я определил как центр.

— Так это и есть то место?

— Приблизительно. Прибавьте или отнимите немного в любую сторону. Я обычно не работаю с картой, как поступает большинство.

Мы немного побродили кругом.

— Просто обычный склон, — наконец сказал Ларри. — Ничего в нем нет особенного, если только эти деревья не являются остатками священной рощи.

— Но это же молодые деревца. Мне кажется, они растут совсем недолго.

— Да, мне тоже. У меня странное ощущение, что в твоём уравнении все еще чего-то не хватает. Ты учитывал меня в этом варианте?

— Да.

— Если ты меня исключишь, то где окажется центр?

— По другую сторону холма и дальше, к югу и к востоку. Примерно на таком же расстоянии, как от вашего дома до точки через дорогу от дома Оуэна.

— Давай посмотрим.

Мы вскарабкались на холм и снова спустились с противоположной стороны. Потом пошли на юго-восток. В конце концов мы пришли в болотистое место, где я остановился.

— Вон там, — сказал я. — Может быть, еще пятьдесят или шестьдесят шагов. Не вижу смысла залезать в грязь, если можно рассмотреть его отсюда. Здесь все выглядит одинаковым.

— Да. Ничего обещающего. — Ларри некоторое время осматривал местность. — В любом случае, — произнес он наконец, — это означает, что ты, наверное, все еще чего-то не учитываешь.

— Таинственный игрок? — спросил я. — Кто-то, кто затаился и не выдает себя все это время?

— По-видимому, дело именно в этом. Разве раньше так не случалось?

Я крепко задумался, вспоминая прошлые Игры.

— Попытки были... Но другие всегда обнаруживали такого игрока.

— Почему?

— Всякое такое, — ответил я. — Кусочки, которые никак иначе не складываются.

— Ну?

— Игра уже почти в конце. Раньше никогда так долго не затягивалась. Все обычно уже знают об остальных к этому времени, когда всего одна неделя осталась.

— В тех случаях, когда кто-то скрывался, как вы приступали к его обнаружению?

— Мы все знаем к моменту смерти луны. Если после этого что-то выглядит не так и это можно объяснить только присутствием еще одного игрока, то уже достаточно возросла сила, чтобы произвести колдовские действия для определения личности этого игрока или его местонахождения.

— Тебе не кажется, что стоит попытаться?

— Да, вы правы. Конечно, это не моя специальность. Хотя мне и известно кое-что обо всех этих действиях, но я сторож и расчетчик. Тем не менее я найду кого-нибудь другого, кто может попытаться это сделать.

— Кого?

— Еще не знаю. Мне надо сначала выяснить, кто владеет таким мастерством, а потом сделать ему фор-

мальное предложение, чтобы он поделился со мной результатами. Конечно, я с вами тоже поделюсь.

— А что, если это будет некто, кого ты не выносишь?

— Не имеет значения. Существуют правила, даже когда вы пытаетесь убить друг друга. Если им не следовать, долго не протянешь. Возможно, у меня есть нечто необходимое этому лицу — умение выполнять дополнительные расчеты или, скажем, вычислить что-нибудь еще, кроме центра.

— Что, например?

— Ну, место, где найдут труп. Место, где можно достать определенную траву. Склад, где находится конкретный ингредиент.

— Правда? Я ничего не знал о таких дополнительных расчетах. Насколько трудно их делать?

— Некоторые очень трудно. Некоторые легко.

Мы повернули и пошли обратно.

— Насколько трудно рассчитать местонахождение тела? — спросил Ларри, пока мы поднимались на холм.

— На самом деле это-то довольно просто.

— А что, если ты попробуешь определить местонахождение того полицейского, которого мы сбросили в реку?

— Вот это уже сложно, поскольку здесь участвует много дополнительных переменных. Если труп просто переместили или если известно, что кто-то умер, но не известно где, — тогда это не очень трудно.

— Это действительно напоминает озарение, — заметил он.

— А когда вы говорите о своем предвидении, о способности предчувствовать, когда что-то должно случиться или каким образом, — разве это не напоминает озарение?

— Нет. Я думаю, это больше напоминает подсознательное умение использовать статистику на фоне достаточно хорошо известного поля деятельности.

— Ну, некоторые мои расчеты, вероятно, очень похожи на сознательный способ сделать то, что вы делаете подсознательно. Очень может быть, что вы просто интуитивный расчетчик.

— А трюк с нахождением трупа? Разве не озарение?

— Так только кажется со стороны. Кроме того, вы только что видели, что может произойти с моими расчетами, если мне недостает какого-то ключевого фактора. Вряд ли это можно назвать озарением.

— Предположим, я скажу тебе, что все утро меня тревожило сильное предчувствие, что один из игроков умер?

— Боюсь, это выше моих сил. Мне нужно знать, кто это и некоторые обстоятельства. Я в действительности больше имею дело с фактами и вероятностями, чем с подобными вещами. Вы это серьезно, насчет предчувствия?

— Да.

— А вы чувствовали то же самое, когда Графа проткнули колом?

— Нет. Но с другой стороны, я не думаю, чтобы его все-таки можно было считать живым в прямом смысле слова.

— Увертка, увертка, — сказал я, и он уловил мою улыбку и улыбнулся в ответ. Наверное, понять другого можно, только побывав в его шкуре.

— Ты ведь хотел показать мне Гнездо Пса? Любопытно.

— Пойдем, — ответил я, и мы пошли и взобрались на тот холм.

На его вершине мы немного побродили, и я показал Ларри тот камень, сквозь который нас втянуло. Надпись на нем снова превратилась в еле заметные царапины. Он тоже не смог ее разобрать.

— Тем не менее отсюда открывается чудесный вид, — сказал Ларри, осматривая окрестности. — О, вон дом пастора. Интересно, принялись ли у миссис Эндерби те черенки?

Мне представлялась возможность. Наверное, я мог ухватиться за нее прямо сейчас и рассказать ему всю историю, от Сохо до сегодняшнего дня. Но я понял, по крайней мере, что удерживает меня от этого шага. Ларри напоминал мне одного моего давнего знакомого — Рокко. Рокко был крупным, вислоухим охотничьим псом, всегда веселым; радостно прыгая по жизни или

завоеывая ее тяжким трудом, он неизменно пребывал в таком прекрасном настроении, что некоторых это раздражало; и еще он был очень целеустремленным. Однажды на улице я окликнул его, и он без колебаний бросился через дорогу, не обращая на окружающую обстановку даже того элементарного внимания, которое свойственно любому щенку. Его переехала повозка. Я кинулся к нему, и будь я проклят, если он не выглядел счастливым при виде меня в те последние минуты. Если бы я не разевал свою пасть, он мог бы оставаться счастливым гораздо дольше. Так вот... Ларри не так глуп, как Рокко, но и он склонен к подобному энтузиазму, который долгое время подавляла стоящая перед ним большая проблема. Сейчас, по-видимому, он почти придумал какой-то способ решить эту проблему, и Великий Детектив в его нынешнем обличье очень его развлекал. Поскольку я не считал, что он может так уж много выдать, то вспомнил Рокко и сказал себе — к черту. Потом.

Мы спустились с холма и пошли обратно, и я выслушивал его рассказы о тропических растениях, о растениях средней полосы, об арктических растениях, о дневных и ночных циклах растений, о лечении травами у многих народов. Когда мы подходили к дому Растова, я заметил нечто, что сперва показалось мне куском веревки, свисающим с ветки дерева и раскачивающимся на ветру. Через секунду я узнал в нем Шипучку, подающего мне сигналы.

Я перешел на левую сторону дороги и ускорил шаги.

— Нюх! Я тебя искал! — крикнул Шипучка. — Он сделал это! Он сделал это!

— Что? — спросил я.

— Покончил с собой. Я нашел его в петле, когда вернулся с кормежки. Я знал, что он в депрессии, я говорил тебе...

— Как давно это случилось?

— Около часа назад. Потом я пополз искать тебя.

— Когда ты ушел из дома?

— Перед рассветом.

— Тогда с ним было все в порядке?

— Да. Он спал. Вчера ночью он пил.

— Ты уверен, что он покончил с собой сам?

— Возле него на столе стояла бутылка.

— Это ничего не значит, учитывая то, как он пил.

Ларри приостановился, увидев, что я завел разговор. Я извинился перед Шипучкой и рассказал Ларри, в чем дело.

— Похоже на то, что ваше предчувствие было верным, — сказал я. — Но я бы не смог это рассчитать.

Затем мне в голову пришла одна мысль.

— Икона... Она все еще там?

— На виду ее нет, — ответил Шипучка. — Но она обычно и не лежит на виду, если только он не достает ее зачем-нибудь.

— Ты проверял там, где он ее хранит?

— Не могу. Для этого нужны руки. У него под кроватью есть одна доска. Она лежит ровно и на вид ничем не отличается от других, но легко вынимается, если поддеть пальцами, у кого они есть. Под ней — пустота. Он хранит икону там, завернутой в красный шелковый платок.

— Я попрошу Ларри поднять доску, — сказал я. — Какая-нибудь из дверей не заперта?

— Не знаю. Тебе придется их проверить. Как правило, он держит их запертыми. Если они заперты, то мое окно приоткрыто, как всегда. Ты можешь поднять раму и забраться в дом этим путем.

Мы направились к дому. Шипучка соскользнул вниз и последовал за нами.

Входная дверь была не заперта. Мы вошли и подождали, пока Шипучка нас догонит.

— Куда идти? — спросил я.

— Прямо, в эту дверь.

Мы так и сделали и вошли в комнату, которую я видел снаружи, когда заглядывал в окно. И Растов висел там, на веревке, привязанной к балке. Всклоченные черные волосы и борода обрамляли его бледное лицо, черные глаза вылезли из орбит, струйка крови, выбежавшая из левого угла его рта на бороду, засохла и стала похожа на темный шрам. Лицо его было опухшим, пурпурного цвета. Рядом лежал опрокинутый стул.

Мы всего секунду смотрели на его останки, и я вспомнил вчерашнее замечание старого кота. Не об этой ли крови он говорил?

— Где спальня? — спросил я.

— Сзади, за этой дверью, — ответил Шипучка.

— Пошли, Ларри, — сказал я. — Вы нам нужны, чтобы поднять доску.

В спальне царил ужасный беспорядок, повсюду груды пустых бутылок. Постель скомкана, белье пахнет застарелым человеческим потом.

— Под кроватью есть неприбитая доска, — обратился я к Ларри. Потом спросил Шипучку: — Какая именно?

Шипучка заполз под кровать и остановился на третьей доске.

— Вот эта, — сказал он.

— Та, на которую показывает нам Шипучка, — сообщил я Ларри. — Поднимите ее, пожалуйста.

Ларри опустился на колени, протянул руку и ногтями поддел край доски. Она сразу же поддалась, и он осторожно поднял ее.

Шипучка заглянул внутрь. Я заглянул внутрь. Ларри заглянул внутрь.

Красный платок все еще лежал там, но куска дерева размером три на девять дюймов, раскрашенного мрачными красками, там не было.

— Пропала, — прокомментировал Шипучка. — Наверное, она где-то в той комнате, с ним. Наверное, мы ее не заметили.

Ларри положил доску на место, и мы вернулись в комнату, где висел Растов. Мы тщательно искали, но ее, по-видимому, там не было.

— Не думаю, что он покончил с собой, — в конце концов сказал я. — Кто-то одолел его, пока он был пьян или с похмелья, и повесил. Они хотели, чтобы все выглядело так, будто он сам это сделал.

— Он был довольно сильным, — ответил Шипучка. — Но если он опять начал утром пить, то, возможно, не мог как следует защищаться.

Я изложил наши выводы Ларри, который кивнул в ответ.

— А в доме такой беспорядок, что нельзя сказать наверняка, происходила ли здесь борьба, — произнес он. — Хотя, с другой стороны, убийца мог потом поставить все на место. Мне придется пойти к констеблю. Скажу ему, что шел по дороге, увидел, что дверь откры-

та, и заглянул в дом. По крайней мере, я и раньше заходил сюда. Не то чтобы мы никогда прежде не встречались. Откуда ему знать, что мы были не настолько хорошо знакомы?

— Думаю, это лучше всего, — одобрил я. Взглянув снова на труп, добавил: — По его одежде тоже ничего не определишь. Похоже, что он спал в ней, и не один раз.

Мы вернулись обратно в первую комнату.

— Что ты теперь собираешься делать, Шипучка? — спросил я. — Хочешь переехать к нам с Джеком? Это, возможно, самый простой выход, ведь мы, Закрывающие, должны держаться вместе.

— Думаю, я покончил с Игрой. Он был добрым человеком. Он обо мне заботился. Он заботился о людях, обо всем мире. Как это называется у людей — сострадание? Этого у него было много. Одна из причин того, что он так много пил, как мне кажется. Он слишком остро ощущал чужую боль. Нет, с Игрой я покончил. Теперь уползу обратно в лес. Я все еще не забыл кое-какие норки, места, где мыши роют свои ходы. Оставьте меня здесь ненадолго одного. Я тебя еще найду, Нюх.

— Делай, как тебе лучше, Шипучка, — сказал я. — А если зима станет слишком холодной, то ты знаешь, где мы живем.

— Знаю. Прощай, Нюх.

— Счастливо.

Ларри выпустил меня на улицу, и мы вернулись обратно на дорогу.

— Так я пойду сюда, — сказал он, поворачивая направо.

— А я — сюда.

Я свернул налево.

— Скоро встретимся и продолжим, — сказал Ларри.

— Да.

Я отправился домой. «И ты потеряешь друга», — старый кот и об этом тоже говорил. Я только сейчас вспомнил его слова.

Джека дома не было, и я быстро сделал обход, оставив все в полном порядке. Выйдя снова на улицу, я пришел по его следам к дому Сумасшедшей Джил.

Серая Метелка наблюдала за мной со стены.

— Привет, Ньюх.

— Привет, Серая. Джек у вас?

— Да, он в доме, обедает с хозяйкой. У него кончились припасы, и она решила подкормить его перед поездкой.

— Поездка? — спросил я. — Какая поездка?

— Поездка за покупками, в город.

— Он действительно говорил что-то о нехватке необходимых продуктов и что скоро надо будет съездить на рынок...

— Да. Поэтому послал за каретой. Она должна приехать примерно через час. Приятно будет снова побывать в городе.

— Ты тоже едешь?

— Мы все едем. Хозяйке тоже надо кое-что купить.

— Разве нам с тобой не следует остаться дома, чтобы охранять?

— У хозяйки есть очень хорошее охранное заклинание, действующее целый день, и она с вами поделится. Оно также сохраняет изображение тех, кто захочет пробраться в дом. Насколько я понимаю, мы отчасти и едем все вместе, чтобы посмотреть, не попытается ли кто-нибудь проделать это. Все увидят, как мы проедем в карете. Вернувшись, мы, возможно, узнаем, кто наши самые серьезные враги.

— Это было решено недавно, как я понимаю?

— Только сегодня утром, пока тебя не было.

— Возможно, время выбрано удачно, — признал я, — когда до большого события осталась всего неделя и в свете всего происходящего.

— О? — Метелка поднялась, потянулась и спрыгнула со стены. — Есть что-то новое?

— Пойдем со мной, — ответил я.

— Куда?

— К дому викария. Ты сказала, у нас есть еще час.

— Ладно.

Мы вышли со двора и направились на юг.

— Да, мы потеряли безумного монаха. — Я рассказал ей об утренних событиях.

— И ты считаешь, это сделал викарий? — спросила она.

— Вероятно. По-видимому, он самый воинственный из игроков. Но я не потому хотел посетить его дом. Я просто хочу узнать местонахождение той комнаты, где он держит взаперти Линет.

— Конечно, — кивнула Серая. — Если он завладел кольцом Графа и Альхазредской иконой и еще у него магическая чаша, то он сможет сотворить довольно много неприятностей до следующей недели. Ты говорил, что они увеличивают, главным образом, технические возможности, и я думала, что это касается церемонии. Но он может уже сейчас причинить с их помощью вред людям. Я спрашивала у хозяйки.

— Это и есть технические возможности.

— Однако ты вел себя так, будто это не имеет значения.

— Я и сейчас того же мнения. Эти орудия имеют свойство обратного воздействия, если их используют не тогда, когда надо. Он может в конце концов нанести себе большой урон, если только он не подлинный мастер, в чем я сомневаюсь.

— Откуда ты знаешь?

— Вряд ли мастер будет бегать по округе с арбалетом, стреляя в летучих мышей, или планировать человеческое жертвоприношение, когда в том нет необходимости — просто на всякий случай. Он не уверен в своих силах. Настоящий мастер стремится к ограничению операций, а не к их расширению.

— Ты рассуждаешь правильно, Нюх. Но если он чувствует себя слишком неуверенно, не может ли у него возникнуть искушение попробовать действие орудий на остальных — просто для того, чтобы сузить круг и облегчить себе задачу позднее?

— Если он настолько глуп, последствия падут на его собственную голову.

— А тот, против кого он направит свою силу, ты о нем подумал? Это можешь быть и ты.

— Насколько я понимаю, если у тебя чистое сердце, ты в безопасности.

— Постараюсь запомнить это.

Когда мы пришли к дому викария, Серая Метелка повела меня вокруг дома, к его тыльной стороне.

— Вон там, наверху, — сказала она, глядя на окно прямо над головой. — Это ее комната.

— Я ее никогда здесь не видел, — заметил я.

— Со слов Текелы я поняла, что она заперта уже несколько недель.

— Интересно, надежно заперта?

— Ну, насколько я знаю, она не выходит из дома. И я говорила тебе, что видела цепочку у нее на ноге.

— Толстую цепочку?

— Трудно сказать. Хочешь, чтобы я взобралась туда и еще раз взглянула?

— Может быть. Интересно, дома ли викарий?

— Мы можем проверить конюшню, посмотреть, там ли его лошадь.

— Давай так и сделаем.

Мы направились к маленькой конюшне в глубине заднего двора и вошли в нее. Там было два стойла, и оба пустовали.

— Уехал в гости, — констатировала Метелка.

— Что вам надо? — раздался голос со стропил.

Посмотрев вверх, я увидел ворону-альбиноса.

— Привет, Текела, — сказала Серая. — Мы просто проходили мимо и зашли узнать, слышала ли ты новость о Растове.

Последовало короткое молчание, потом Текела спросила:

— А что с Растовым?

— Он мертв. Повесился.

— А что змея?

— Уползла обратно в лес.

— Хорошо. Мне никогда не нравились змеи. Они разоряют гнезда, поедают яйца.

— А у тебя есть новости?

— Только то, что большой человек опять появлялся. В доме на ферме разгорелся спор, и он забрался в конюшню и некоторое время сидел там, скорчившись, в углу. Добрый Доктор пошел за ним, и они еще поспорили. После чего он убежал в ночь. Но все же вернулся потом обратно.

— Интересно, о чем они спорили.

— Не знаю.

— Ну, мы пошли. До свидания.

— Да.

Мы вернулись к дому викария. Серая Метелка оглянулась.

— Ей нас не видно со стропил, — сказала она. — Хочешь, чтобы я забралась наверх?

— погоди, — ответил я. — Попробую один трюк, которому научился у Ларри.

Я подошел к задней двери и снова оглянулся на конюшню. Не заметил никаких белых пятен. Поднявшись на задние лапы, я облокотился передней лапой о дверь, чтобы удержать равновесие, постоял так секунду, потом поднял вторую лапу и ухватился за ручку, нажимая по направлению к центру. Поворачиваясь всем телом, я давил на нее. Мне пришлось сделать три попытки, чтобы половчее захватить ее лапами. На третий раз ручка повернулась со щелчком, и дверь под моей тяжестью открылась внутрь. Я опустился на все четыре и вошел.

— Да, это действительно трюк, — уважительно произнесла Серая Метелка. — Ты не чувствуешь никакой охраны?

— Нет.

Я толкнул дверь плечом, почти закрыв ее. Нужно, чтобы она открывалась лапой, и быстро, на обратном пути.

— Что дальше?

— Давай найдем лестницу. Мне хочется посмотреть, чем привязана эта девочка.

По дороге мы задержались в кабинете, и Серая показала мне чашу и череп. Чаша действительно была подлинной, я видел ее много раз раньше. Ни икона, ни кольцо не лежали на виду, и у меня не было времени проверить свое искусство на ящиках стола. Мы вернулись к поискам лестницы.

Она находилась у западной стены. Мы поднялись по ней, и Серая Метелка повела меня к комнате Линет. Дверь была закрыта, но явно незачем было ее запирать, раз девочка прикована цепочкой.

Я снова попробовал трюк с дверью, и он сработал с первого раза. Нужно будет узнать, нет ли у Ларри других, таких же полезных...

Когда мы вошли, глаза Линет широко раскрылись, и она произнесла:

— О!

— Я потрусь об нее и позволю ей погладить меня, — сказала Серая Метелка. — Это доставляет людям удовольствие. Ты сможешь рассматривать цепочку, пока я буду заниматься этим.

В действительности меня больше всего интересовали замки. Но едва только я двинулся к кровати, как услышал отдаленный стук копыт, приближающийся очень быстро.

— Ого! — сказала Серая Метелка сквозь мурлыканье, пока девочка гладила ее и говорила ей, какая она красивая. — Должно быть, Текела увидела, что мы вошли, полетела и подняла тревогу.

Я закончил осмотр. Цепь была достаточно толстой, чтобы выполнить свою задачу, а замок, крепивший ее к раме кровати, впечатляюще массивным. Тот, который крепил цепь к лодыжке Линет, был поменьше, но все-таки едва ли с ним можно справиться за одну секунду.

— Я увидел достаточно, — сказал я, а стук копыт раздался уже возле дома, и стало слышно, как тяжело отдувается лошадь.

— Бежим домой! — крикнула Серая Метелка, спрыгнула на пол и помчалась к лестнице.

Всадник слезал с коня, пока мы добежали до второго этажа. Через пару секунд я услышал, как открылась задняя дверь, потом захлопнулась.

— Плохо, — сказала Серая Метелка. Потом прибавила: — Я могу отвлечь викария.

— К черту викария! Я собираюсь высадить окно в кабинете!

Я добежал до угла, когда этот разъяренный человек показался из-за противоположного угла с хлыстом в руке. Мне пришлось притормозить, чтобы свернуть в комнату, и он опустил его на мою спину. Прежде чем он успел ударить еще раз, Серая Метелка прыгнула прямо ему в лицо, выпустив все свои когти.

Я скачками пронесся через комнату, слыша крики за спиной, и выпрыгнул в окно, зажмурился при ударе. Я утащил за собой всю раму, переплеты и все остальное. Затем обернулся, ища Серую Метелку.

Ее не было видно, но я услышал, как она взывала в комнате. Двумя скачками и одним прыжком я вернулся

обратно. Он держал ее за задние лапы высоко над полом и замахивался хлыстом. Когда хлыст опустился, она вскрикнула, и он отпустил ее, потому что не ожидал, что я вернусь, не говоря уже о том, что брошусь на него, сперва припав к полу, прижав уши и с рычанием в глотке, позаимствованным из моего последнего урока у Рычуна.

Он замахнулся хлыстом, но я проскочил под ним. Если бы Серая Метелка погибла, я бы его прикончил. Но тут она крикнула: «Я ухожу!» — как раз когда я ударил его лапами в грудь, повалив на спину.

Челюсти мои были раскрыты, и я метил ему в глотку. Но я услышал, как Серая выскочила в окно, повернул голову и здорово таянул; раздался хруст хрящей, когда мои зубы вонзились в его правое ухо. Потом я спрыгнул с викария и через комнату последовал за Серой Метелкой под аккомпанемент его воплей.

— Хочешь мне на спину? — окликнул я ее.

— Нет! Бежим дальше!

Мы бежали всю дорогу домой. Уже отдыхая перед домом — я пыхтел, а она вылизывалась, — я сказал:

— Прости, что втянул тебя в это, Серая.

— Я знала, на что иду, — ответила она. — Что ты с ним сделал?

— Кажется, прокусил ему ухо.

— Зачем?

— Он сделал тебе больно.

— Мне делали гораздо больнее.

— Это его не оправдывает.

— Теперь у тебя первоклассный враг.

— У дураков нет класса.

— Дурак может попробовать свои орудия против тебя. Или что-нибудь еще.

Я прервал свое пыхтение, чтобы вздохнуть. Как раз в этот момент тень, похожая на птицу, скользнула мимо. Взглянув вверх, я не удивился, увидев улетающую Текелу.

После обеда я быстренько сделал обход, потом приехала карета, мы все сели в нее и отправились в город. Места оказалось достаточно, и я устроился у окна, а Серая Метелка свернулась клубком на сиденье напротив.

Хозяин и хозяйка сидели друг против друга справа от меня, тоже у окна, и беседовали. У меня осталось всего несколько порезов от стекла, а вот на боку у Серой Метелки вздулся уродливый рубец. Когда я думал о викарии, сердце мое не было чистым.

Я следил за небом. Мы не проехали еще и мили, как я снова заметил Текелу. Она покружилась над каретой, потом спустилась пониже, чтобы заглянуть внутрь. И улетела. Я не стал будить Серую Метелку, чтобы сообщить ей об этом.

Небо было затянуто облаками, и иногда карету сотрясали порывы ветра. Я слушал, как стучат копыта лошадей и как они тихо жалуются на колеи и на склонность кучера налегать на кнут в конце длинного дня. Хорошо, что я не лошадь.

Спустя долгое время мы подъехали к мосту и пересекли реку. Я выглянул вниз, на грязную воду, и подумал о том, куда же доплыл полицейский. Интересно, была ли у него семья?

Когда мы ехали по Флит-стрит к Стрэнду и затем вниз к Уайтхоллу, я время от времени то тут, то там замечал белую ворону, следящую за нами. Несколько раз мы по дороге останавливались, чтобы сделать покупки, и наконец, когда мы выгрузились в Вестминстере, районе многих наших полуночных прогулок, Джек сказал мне:

— Давай встретимся здесь примерно через полтора часа. Нам еще надо купить несколько вещей, известных только посвященным.

Меня это устраивало, так как я люблю бродить по улицам города. Серая Метелка повела меня посмотреть на конюшни, где она когда-то обреталась.

Мы провели большую часть этого часа гуляя, вдыхая смесь разнообразных запахов, наблюдая за прохожими. Свернув в проход между домами, чтобы срезать путь, и пройдя его половину, я явственно почувствовал, что что-то не так. Это случилось за несколько секунд до того, как приземистая фигура викария вынырнула из спрятанной в глубине двери, с огромной повязкой на ухе и нашлепками поменьше на щеках. На его плече сидела Текела, ее белые перья сливались с повязкой, что придавало голове викария гротескный, скособоченный

вид. Должно быть, она сообщала ему о направлении моих передвижений.

Я оскалился на них и продолжал идти вперед. Потом услышал шаги сзади. Двое с палками выскочили из другой двери и уже бросились на меня, размахивая ими. Я попытался развернуться к ним, но было слишком поздно. Я услышал смех викария как раз в то мгновение, когда одна из дубинок опустилась на мою голову. Последнее, что я увидел, была Серая Метелка, несущаяся назад по проходу.

Я очнулся в грязной клетке, тошнотворный запах стоял у меня в носу, в глотке, в легких. Похоже, мне дали хлороформ. Сердце болело, спина болела. Несколько раз я глубоко вдохнул и выдохнул, чтобы очистить дыхательный аппарат. Отовсюду вокруг меня раздавались рычание, визг, душераздирающее мяуканье и слабый, резкий, болезненный лай. Когда ко мне вернулось чувство обоняния, разнообразные собачьи и кошачьи запахи окружили меня. Я поднял голову и поглядел вокруг, но тут же пожалел об этом.

Искалеченные животные занимали ближние и дальние клетки — собаки и кошки без хвостов или без необходимого количества лап, слепой щенок с отрезанными ушами, кошка, у которой отсутствовали большие куски шкуры и виднелось голое мясо, которое она лизала, непрерывно мяукая... Что за безумное место? Я быстро проверил себя, чтобы убедиться, что я еще цел.

В центре комнаты стоял операционный стол, возле него — большой поднос с инструментами. На крючках рядом с дверью висело несколько некогда белых лабораторных халатов, покрытых подозрительными пятнами.

Когда в голове у меня прояснилось и ко мне вернулась память, я понял, что произошло. Викарий отдал меня в руки вивисектора. По крайней мере, Серая Метелка спаслась. Это уже кое-что.

Я осмотрел дверцу своей клетки. Она была заперта на довольно простую задвижку, но сетка оказалась слишком густой, чтобы я мог просунуть сквозь нее лапу и открыть ее. И слишком прочной, чтобы ее можно было легко перекусить или порвать когтями. Что бы посоветовал Рычун? В первобытном лесу все гораздо проще.

Самое разумное — притвориться покорным, когда за мной придут, потом, как только откроют дверцу, броситься в атаку. Но у меня было такое чувство, что не я первый придумал такой план, а где сейчас все остальные? И все же не мог я просто лежать там и вносить вклад в медицинскую науку. Поэтому, если не подвернется ничего лучше, я решил попытаться осуществить этот план, когда за мной придут.

Конечно, когда они пришли, то были к этому готовы. У них имелся большой опыт по части клыков, и они знали, как взяться за дело. Их было трое, и двое носили на руках стеганные рукавицы по локоть. Когда я провел операцию «очнулся-бросился-укусил», то получил в зубы стеганую руку, меня схватили за лапы и держали, а кто-то из них больно вывернул мое ухо. Они действовали очень эффективно и через минуту привязали меня к столу. Интересно, как долго я был без сознания?

Я слушал их разговор, пока они начинали свои приготовления.

— Странно, что он так хорошо заплатил нам за работу с этим псом, — произнес тот, который выворачивал мое ухо.

— Ну, это странное дело и действительно требует дополнительной работы, — ответил тот, что раскладывал инструменты аккуратными короткими рядами. — Принесите чистые ведра для кусков. Он очень настаивал на том, чтобы, когда мы будем отдавать ему по кусочку для свечей, там не было примесей другой крови и прочего материала.

— А откуда ему знать?

— За те деньги, что он платит, он может получить, что ему надо.

— Придется мне их отскрести.

— Так сделай это.

Короткая пауза, звук текущей воды, который заглушил часть стонов и криков, уже начинающих доставать меня.

— А где контейнер для головы?

— Я оставил его в той комнате.

— Принеси. Хочу, чтобы все было под рукой. Славный песик. — Один из живодеков потрепал меня по го-

лове. Кляп, который они мне вставили, помешал мне высказать свое мнение по этому поводу.

— Он какой-то странный, — сказал третий, худой блондин с очень плохими зубами, до сих пор молчавший. — Что такого особенного в свечах из собачьего жира?

— Не знаю и знать не хочу, — сказал тот, что погладил меня, большой, мясистый человек с ярко-голубыми глазами, и снова повернулся к своим инструментам. — Мы даем клиенту то, за что он платит.

Тут вернулся другой — низенький человек с широкими плечами, большими ладонями и с дергающимся уголком рта. Он нес нечто, напоминающее огромных размеров судок для еды.

— Теперь готово.

— Хорошо. Тогда станьте вокруг и начнем урок.

И тут я услышал этот звук — *Дззззз!* — пронзительный визг, снижающийся до низкого гудения с периодичностью около трех секунд. Он находится за пределами человеческого слуха и сопровождает основное заклятие, вначале окружающее его носителя на расстоянии примерно полутора-двух ярдов. *Дззззз!*

— Сперва я отделию его левую заднюю ногу, — начал мясистый, протягивая руку за скальпелем.

Дззззз! Остальные придвинулись ближе, держа инструменты для него наготове. *Дззззз!* Конечно, к этому моменту круг может быть уже меньшим. В наружную дверь громко забарабанили.

— Дьявол! — произнес мясистый.

— Посмотреть, кто там? — спросил низенький.

— Нет. Мы оперируем. Он может прийти потом, если это важно.

Дззззз! Звук раздался снова, громче; на этот раз он явно шел от человека, который стучал в дверь.

— Наглый невежа!

— Хулиган!

— Негодяй!

Дззззз! Раздавшийся в третий раз стук прогремел так, будто сильный человек наносил удары плечом в дверь, пытаясь выломать ее.

— Какой наглец!

— Может, поговорить с ним?

— Да, поговори.

Коротышка успел сделать один шаг к двери, когда из соседней комнаты донесся скрип ломающегося дерева и следом громкий треск.

Дзззз! Тяжелые шаги раздались в соседней комнате. Затем дверь прямо напротив меня распахнулась. Джек стоял на пороге, уставившись на клетки, на вивисекторов, на меня, лежащего на столе. Из-за его ног выглядывала Серая Метелка.

— Кем это ты себя вообразил, что вламываешься в частную лабораторию? — спросил мясистый.

— ...Прерываешь научные исследования! — произнес высокий.

— ...И сломал нашу дверь! — добавил коротышка с широкими плечами и большими ладонями.

Дзззз! Теперь я видел его, нечто напоминающее черный смерч, который окружал Джека, уходя вовнутрь. Если он полностью войдет в него, Джек больше не сможет контролировать свои действия.

— Я пришел за своим псом. Вон он, у вас на столе. Он шагнул вперед.

— Как бы не так, парень, — сказал мясистый. — Это особая работа для особого клиента.

— Я его забираю и ухожу.

Мясистый поднял скальпель и двинулся вокруг стола.

— Эта штука может сделать поразительные вещи с лицом, красавчик.

Другие тоже взялись за скальпели.

— Думаю, ты никогда еще не встречал человека, который действительно умеет резать, — сказал мясистый, приближаясь к Джеку.

Дзззз! Смерч вошел в него, и глаза его зажглись чудным светом, он вынул из кармана руку, и пойманный звездный свет высветил письма на клинке.

— Добро пожаловать, — сказал тогда Джек сквозь оскаленные в усмешке зубы, продолжая идти вперед.

Когда мы уходили, я понял, что старый кот снова оказался прав насчет моря крови и кровавого месива. Интересно, получились бы из них свечи?

24 ОКТЯБРЯ

Когда вчера вечером сняли охранный заговор, узнали, что в сумерках прилетал Ночной Ветер, пытался заглядывать в окна. И еще Плут. И огромное, тощее, похожее на волка создание. А Тварей все еще удерживали на месте заклинания, хоть они и старались выбраться изо всех сил.

Я чувствовал себя хуже обычного, но собрался, отправился к церкви и прошелся мимо нее пружинящей походкой. Текела сидела на крыше; она встрепенулась и внимательно смотрела на меня, когда я проходил мимо, но мы не заговорили друг с другом. Однако, отойдя на некоторое расстояние и оглянувшись, я увидел, что она улетела. Хорошо. Вернулся домой и лег спать.

Сегодня утром узнал от Ларри, что миссис Эндерби сбежала в город, как только пронесся слух о смерти Растова. Позже, днем, появился Великий Детектив и осмотрел останки и дом. Я рассказал Ларри, что случилось в тот вечер, после того как мы с ним расстались, и он заверил меня, что вчера вечером не подходил к нашему дому. Он сообщил мне, что намерен спасти Линет, но пока ей ничто не угрожает. Если он освободит ее слишком рано, будет предпринято преследование, как физического, так и не физического характера, теперь, когда сила так быстро нарастает; и что еще более важно, у викария будет время осуществить другие планы, которые поставили бы под угрозу какого-нибудь ни в чем не повинного человека. «Очень важно, правильно рассчитать время», — сказал он. Лишить таким поступком викария

части его силы будет, по его мнению, его основной ролью во всех событиях. Я заверил его, что помогу ему. Потом я долго отдыхал и нанес визит Серой Метелке.

Поздно ночью зарядил нудный морозящий дождь. Джек был в своей лаборатории, занимался дистилляцией или чем-то в этом роде. Я, конечно, поговорил с ним вчера, между двенадцатью и часом ночи, поведав обо всех подробностях моих приключений.

— Не ставят ли тебя в несколько... э-э... неловкое положение твои отношения с Джил, на такой поздней стадии Игры? — спросил я уже ближе к часу ночи.

— Отношения у нас чисто профессиональные, — ответил Джек. — Кроме того, она хорошо готовит. А как насчет тебя и кошки?

— Мы неплохо ладим, — сказал я. — А тебе никак не удастся заставить Джил передумать насчет открывания?

— Наверное, нет, — ответил он.

— Но она не навела тебя на мысли о переходе на другую сторону, надеюсь?

— Конечно, нет!

— Ну, если мне позволено будет высказаться в открытую...

Но тут часы пробили час, и я не смог этого сделать.

Некоторое время я наблюдал за потоками дождя на темных стеклах окон, потом сделал обход и еще немного поспал.

Когда все силы преисподней вырываются на свободу рядом с нами, они проделывают это с блеском. Меня разбудил оглушительный удар грома, раздавшийся, казалось, прямо над головой; а блеск молнии я увидел даже сквозь закрытые веки. Я внезапно очутился в передней, сам не знаю, как я туда попал. Тем не менее в моей памяти грозовые раскаты смешались со звоном разбитого стекла.

Зеркало разлетелось на куски. Твари выползали наружу. Я тотчас же принялся лаять. Из комнаты, где работал Джек, послышалось восклицание, за которым последовал звук падения какого-то инструмента или книги. Потом дверь распахнулась, и он поспешил ко мне.

Увидев ползунов, Джек крикнул:

— Нюх, найди какой-нибудь контейнер! — и вернулся в лабораторию, и я слышал, как он открыл бюро.

Я огляделся. Помчался в гостиную, а гады за моей спиной расплзались, подобно медленной приливной волне. Наверху Тварь в паропроводе начала биться в стенки своей тюрьмы с чудовищной яростью. Я услышал, как треснуло дерево от удара. И с чердака тоже доносился грохот. Еще одна вспышка превратила ночь за окном в белый день, а последовавший за ней удар грома заставил весь дом содрогнуться.

В гостиной не было ничего похожего на зеркало, но на столике рядом с дверью стояла наполовину полная (наполовину пустая?) бутылка портвейна рубинового цвета. Вспомнив, что эта разновидность вина создает чары внутри бутылки, я встал на задние лапы и столкнул бутылку передней лапой со стола так, чтобы она упала на коврик, а не на деревянный пол. Она не разбилась, и пробка осталась на месте. Еще одна вспышка и еще удар грома. Твари наверху продолжали шуметь, и все указывало на то, что обитатель паропровода скорее всего уже выбрался на свободу. Взглянув в прихожую, я увидел что исход Тварей из зеркала продолжается.

Послышались шаги Джека. Сверхъестественное сияние начало заливать комнату и прихожую, и его нельзя было отнести только за счет внутреннего свечения пресмыкающихся.

Выкатывая бутылку в прихожую, я увидел Джека, стоящего в дальнем ее конце с волшебной палочкой в руке. Это была нешуточная палочка, та самая, которую он раньше использовал для перемещения ползунов из одного зеркала в другое, но не могущественное древнее орудие для Игры — Закрывающая Волшебная Палочка, которая тоже имела в его распоряжении. Когда он становится хозяином Ножа (или наоборот), то нож не является инструментом Игры в особом смысле, хотя и может использоваться в процессе Игры. Нож — это воплощение его заклатья и одновременно — особый источник его власти. Он увидел меня и бутылку в то же мгновение, как я увидел его самого.

Джек поднял палочку и с ее помощью раздвинул текущую между нами массу. Потом пошел по проходу,

а масса смыкалась за его спиной. Подойдя ко мне, он поднял бутылку, держа ее в левой руке, и вытащил пробку зубами. Раздался новый раскат грома, и сверхъестественный свет приобрел определенно зеленоватый оттенок, от чего Джек стал похож на мертвеца.

Над головой послышались скребущие звуки, и желтоглазая Тварь из паропровода прыгнула с лестницы вниз, ломая по дороге перила.

— Займись ею, Нюх! — крикнул Джек. — Я не могу! — и переключил внимание и палочку на Тварей из зеркала, заставляя ближайших к нему заползать в бутылку.

Я собрался в комок и прыгнул через поток ползучих Тварей, потом двинулся к началу лестницы, оскалив зубы и оцетинившись. Тварь спускалась по лестнице. Плохо, что у нее слишком короткая шея. Я понимал, что придется вырвать ей глотку. Вокруг нее стоял ореол зеленого света, а дождь барабанил так, будто на крышу и в окна швыряли гравий.

Тварь вытянула лапы, заканчивающиеся очень острыми когтями, широко расставила их, и я понял, что надо прыгать немедленно и сейчас же отскочить обратно, проделав всю операцию в считанные секунды, если хочу отделаться сравнительно легкими ранами, что было необходимо для дальнейших боев со следующим противником, который, как я слышал, уже слезал по лестнице с чердака. Снова сверкнула молния. Я испустил рычание под аккомпанемент грома и прыгнул под неудобным углом.

Отлетая прочь, я ударился о стену, потому что Тварь нанесла мне удар лапой, когда мои челюсти сомкнулись, как капкан, и я повернулся всем телом и рванул кусок из ее глотки прежде, чем разжал зубы и отлетел назад. К счастью, она попала по мне лапой, а не когтями. Я упал, на мгновение лишившись сознания, на пол, в пасти у меня остался жуткий привкус, а Тварь с чердака появилась на лестничной площадке и начала спускаться по ступеням.

При виде Твари из паропровода, кружащейся на месте и хватающейся за свою глотку, из которой капала дымящаяся жидкость, Тварь с чердака на секунду замерла, оглядывая бойню. Затем бросилась вниз.

Я заставил себя встать, приготовившись встретить ее, так как она оттолкнула вертящуюся Тварь в сторону и продолжала наступать. Однако умирающая Тварь, по-видимому, приняла это за очередное нападение и, бросившись на нее, рванула когтями. Тварь с чердака схватила ее, рыча, и вцепилась в искаженную морду. За моей спиной двигался Джек, загоня ползунов в бутылку. Мгновение спустя перила не выдержали, и сцепившаяся парочка полетела с лестницы вниз.

Снова сверкнула молния, и еще раз, и еще загремел гром и уже не прекращался, превратившись в постоянный аккомпанемент; следующие вспышки прорезали небо, ударили в окна, и разлитый повсюду зеленый свет стал ярким до рези в глазах. Дом начал сотрясаться и трещать. С каминной полки, трепеща листками, слетали номера журнала «Стрэнд Мэгэзин». Со стен падали картины, собрания сочинений Диккенса и Сюрти валились с полок; вазы, канделябры, бокалы и подносы сползали со столов; штукатурка, как снег, сыпалась с потолка. Принц Альберт глазел на эту метель сквозь треснувшее стекло. Мартин Фракуар Таппер лег сверху на Элизабет Баррет Браунинг; у обоих оторвались переплеты.

Когда Тварь с чердака поднялась, тряся головой, вращая глазами, бросая вокруг яростные взгляды, вторая осталась лежать на полу, из ее разорванной глотки все еще шел пар, а голова была свернута набок.

Мне показалось, что я услышал голос Рычуна, советующий мне снова вцепиться врагу в глотку, и я прыгнул вперед, пытаюсь повторить предыдущий трюк.

Я промахнулся, так как моя цель отскочила, запоздало попытавшись обхватить меня и притянуть к себе. Однако от толчка она пошатнулась, и, падая, я полоснул зубами по ее плечу.

Как только я вскочил на ноги, сейчас же вцепился в ее правую лапу повыше лодыжки и припал к полу, сжимая челюсти в костедробительной хватке. Она быстро опомнилась и ударила меня другой лапой. Я еще на секунду задержался, чтобы нанести как можно больший урон, а затем быстро отскочил, чтобы избежать следующего пинка. Один, как я рассчитал, я еще могу выдержать в обмен на попытку замедлить ее движения.

Я не так чувствителен, как бульдог, но и не обладаю его телосложением.

Молнии и гром не прекращались все это время — гром теперь превратился в непрерывный рев, подобно смерчу, поющему свою басистую песнь вокруг дома, а интенсивность света делала окружающую обстановку похожей на нарисованную черным и зеленым картину. Крошечные искры плясали на всех металлических предметах, и шерсть на мне стояла дыбом по причине, не имеющей отношения к боевому пылу. Теперь уже совершенно ясно, что это не обычная гроза, а проявление чародейского нападения.

Я совершил бросок к другой лодыжке Твари и промахнулся. Повернувшись кругом, я цапнул зубами переднюю лапу, которая пыталась нанести мне удар. Снова промахнулся, но и она тоже не попала.

Я отпрыгнул в сторону с рычанием, рывкнул и сделал обманный финт вправо. Она перенесла тяжесть на поврежденную лодыжку, чтобы дотянуться до меня, и, потеряв равновесие, закачалась в попытке удержаться. Я тут же очутился сзади, проскочив с этой стороны, и снова вцепился в ту же лодыжку, с тыла.

Тогда она завопила, пытаясь до меня дотянуться, но я не отпускал до тех пор, пока, в конце концов, тварь не бросилась на спину, пытаясь упасть на меня и раздавить. Я ослабил хватку и попытался отпрыгнуть в сторону, но ее лапа обрушилась на мою голову, сбив меня на пол, и в глазах у меня все раздвоилось.

Поэтому я увидел двух Джеков, размахивающих двумя ножами и пронзающих глотки двух чудовищ.

Как раз тогда, когда я выползал из-под откинутой в сторону лапы чердачной Твари, дверь в подвал с треском распахнулась, и Тварь из круга настигла меня несколькими короткими прыжками.

— Теперь, пес, тебе конец! — заявила она.

Я потряс головой, пытаясь восстановить зрение.

— Нюх! Назад! — крикнул мне Джек, поворачиваясь к ней.

Дззззз! Звездный свет плясал на лезвии в его руке, и я не нуждался в дальнейших доводах. Отполз в дальний конец очищенной от пресмыкающихся прихожей, миновав по дороге заткнутую пробкой бутылку с порт-

вейном и призраками. В осколках зеркала появилось отражение зеленого пса с зазубринами по краям.

Дзззз! Я смотрел, как Джек заканчивает работу, готовый оказать помощь, если понадобится, и был благодарен ему за то, что помощь не понадобилась.

Штукатурка продолжала осыпаться. Все незакрепленные предметы валялись на полу. Гром, свет и дрожание дома стали почти привычной частью окружения. Полагаю, если жить так достаточно долго, то наступит время, когда перестанешь их замечать. Хотелось бы и впрямь подождать и проверить, так ли это.

Наблюдая за тем, как после мастерского удара снизу Тварь из круга наконец пала, я с гораздо более сильным чувством подумал о виновнике атаки, которая явилась причиной освобождения этих Тварей. Просто возмутительно — терпеть их все эти долгие недели и потом потерять, прежде чем они могли выполнить свою задачу! Сдерживаемые в определенных рамках, они предназначались на роль наших телохранителей при отступлении, если возникнет такая необходимость, после событий последней ночи, после чего их отпустили бы на свободу в какой-нибудь отдаленной местности, предоставив возможность пополнить мировой фольклор о темных силах. Теперь же буферный план рухнул. Они не играли существенной роли, но могли оказаться полезными, если нам придется уходить от преследования Фурий.

Когда все было кончено, Джек начертил своим ножом пентаграммы, вызывающие силы для очищения дома. С появлением первой зеленый свет померк; второй — дом перестал содрогаться; после третьей пропали гром и молнии; после четвертой прекратился дождь.

— Хороший спектакль, Нюх, — сказал тогда Джек.

Раздался стук в заднюю дверь. Мы оба пошли к ней, и Джек на ходу спрятал нож и привел в порядок волосы и одежду.

Он открыл дверь. Джил и Серая Метелка стояли перед нами.

— С вами все в порядке? — спросила Джил.

Джек улыбнулся, кивнул и отступил в сторону.

— Входите, пожалуйста, — произнес он.

Они вошли, но я успел заметить, что на улице совершенно сухо.

— Я проведу вас в гостиную, — сказал Джек, — если вы ничего не имеете против того, чтобы перешагнуть через нескольких расчлененных людоедов.

— Никогда ничего не имела против, — ответила леди, и он повел ее в гостиную.

Пол в комнате был завален тем, что раньше стояло на стеллажах, столах, каминной полке, и все это было присыпано штукатуркой. Джек по одной поднял и встряхнул диванные подушки и перевернул их на другую сторону, прежде чем положить на место. Джил заняла предложенное место, с которого могла видеть разбитое зеркало и разрубленные демонические тела, растянувшиеся на полу прихожей.

Часы прозвенели одиннадцать сорок пять.

— Придется предложить вам шерри, — сказал Джек. — Портвейн испорчен.

— Шерри вполне подойдет.

Он сходил к бару, принес два бокала и бутылку. Наполнив бокалы и подав ей один из них, он поднял второй и посмотрел на нее поверх края.

— Чем вызван ваш визит?

— Я не видела вас уже целый час, — ответила Джил, отпив маленький глоточек шерри.

— Это правда, — признал он, хлебнув из своего бокала. — Но с нами это часто случается. Фактически каждый день. И все же...

— Я говорю о вашем доме, не только о вас лично. Перед тем я услышала тихий звук, похожий на звон хрустального колокольчика, доносящийся отсюда. Когда я посмотрела в этом направлении, я ничего не увидела, кроме колодца непроницаемой тьмы.

— А, старый эффект хрустального колокольчика, — задумчиво произнес Джек. — Не встречался с ним со времен Александрии. Итак, вы не слышали никакого грома, не видели никаких молний?

— Ничего похожего.

— Значит, неплохо было сделано, хоть мне и не по душе признавать это, — сказал он, делая еще глоток.

— Викарий постарался?

— Думаю, да. Весьма вероятно, он все еще сердится на Ньюха.

— Возможно, вам следует поговорить с ним.

— Я не верю в предупреждения. Но противнику я позволяю сделать две попытки, чтобы он осознал безумие своей затеи. Если этого не случится и он попытается в третий раз, я его убиваю. Вот и все.

— Он послал этих существ напасть на вас? — Джил показала рукой в прихожую.

— Нет, — ответил Джек. — Эти были мои собственные. Они вырвались на волю во время нападения. Должно быть, он применил общее заклинание освобождения. Жаль. Я имел на них иные виды.

Она поставила свой бокал, поднялась, пошла в прихожую и осмотрела их. Потом вернулась обратно.

— Впечатляюще — то, что они собой представляют, и то, что с ними сделали. — Джил снова уселась на место. — Однако больше всего меня интересует, что вы собираетесь *теперь* с ними делать.

— Гм, — хмыкнул он, играя своим бокалом. — До реки довольно далеко.

Я энергично закивал.

— Наверное, я могу просто сложить их в подвале, накрыть куском брезента или чем-то похожим.

— Они могут начать очень дурно пахнуть.

— Они уже очень дурно пахнут.

— Правда. Но будет очень неловко, если их найдут в доме, а когда они начнут разлагаться, это может привлечь сюда какое-нибудь официальное лицо.

— Согласен. Полагаю, я мог бы выкопать где-нибудь большую яму и засыпать их.

— Вы же не станете копать где-то рядом, а они кажутся мне слишком массивными, чтобы их далеко тащить.

— Здесь вы правы. А у вас есть какие-нибудь идеи?

— Нет, — ответила Джил, прихлебывая шерри.

Я гавкнул один раз, и они посмотрели на меня. Я бросил взгляд на часы. Близилась полночь.

— Думаю, у Ньюха есть предложение.

Я кивнул.

— Ему придется несколько минут подождать.

— Но я не могу ждать, — неожиданно повернулась ко мне Серая Метелка.

— Кошки всегда такие, — ответил я.

— Что ты хочешь с ними сделать?

— Предлагаю оттащить их к Оуэну и затолкать в его плетеные корзины. Потом мы затащим их на большой дуб, подожжем и убежим со всех ног.

— Нюх, это смехотворно.

— Рад, что тебе нравится, — сказал я. — И это вполне в духе большого розыгрыша в Канун Дня Всех Святых, хоть и немного рановато.

Часы пробили двенадцать.

Люди приняли мою идею, и мы вышли, чтобы осуществить ее. И ах, враги мои, и ох, друзья мои, они очень красиво горели.

25 ОКТЯБРЯ

Той ночью Джил вернулась с нами домой и помогла все убрать. Мы с Серой Метелкой выскользнули во двор, пока они пили еще по бокалу шерри, и подались к дому викария. В кабинете горел свет, а Текела сидела на крыше, возле дымовой трубы, спрятав голову под крыло.

— Нюх, я достану эту проклятую птицу, — сказала Серая Метелка.

— Не знаю, хорошо ли, Серая, предпринимать нечто подобное в данный момент.

— Мне наплевать, — ответила она и исчезла.

Я ждал и наблюдал довольно долго. Неожиданно на крыше поднялась возня. Раздался стук когтей, полетели перья, и Текела взлетела и исчезла в темноте, прокаркав непристойные ругательства.

Серая Метелка спустилась с угла и вернулась ко мне.

— Прекрасная попытка, — сказал я.

— Нет. Я действовала неуклюже. Она оказалась проворней. Проклятье.

Мы отправились назад.

— Возможно, это приключение все же вызовет у нее пару кошмарных сновидений.

— Неплохо бы, — отозвалась Серая.

Растущая луна. Рассерженная кошка. Перо на ветру. Наступает осень. Умирает трава.

Утро неожиданно пришло нам на помощь, и наша маленькая вчерашняя шутка обнаружилась и приобрела

еще более ироничный оттенок. Серая Метелка пришла, поскреблась в дверь и, когда я вышел, сказала:

— Тебе лучше пойти со мной.

Так я и сделал.

— Что происходит?

— Констебль и его помощники в доме Оуэна, осматривают то, что сгорело вчера ночью.

— Спасибо, что позвала меня, — сказал я. — Давай пойдем и понаблюдаем. Весело, должно быть.

— Угу, — сказала она.

Когда мы добрались туда, я понял скрытый смысл ее слов. Констебль и его люди ходили взад и вперед, мерили, шарили. Остатки корзин и остатки их содержимого теперь лежали на земле. Только там были остатки четырех корзин и их содержимое, а не тех трех, которые я так хорошо помнил.

— Ого! — произнес я.

— Действительно, — ответила Метелка.

Я оглядел нечеловеческие останки трех корзин и явно человеческие — четвертой.

— Кто? — спросил я.

— Сам Оуэн. Кто-то затолкал его в одну из собственных корзин и поджег ее.

— Блестящая идея, — сказал я, — хоть и плагиат.

— Давай, насмехайся, — произнес голос над головой. — Он не был твоим хозяином.

— Прости, Плут, но я не могу проявить большую симпатию к человеку, который пытался меня отравить.

— У него были свои заскоки, — призналась белка, — но у него еще был самый лучший дуб в окрестностях. Огромное количество желудей погубили прошлой ночью.

— Ты видел, кто его прикончил?

— Нет. Я навещал Ночного Ветра на другом конце города.

— Что ты собираешься теперь делать?

— Закопаю еще орехов. Зима обещает быть долгой, и провести ее придется под открытым небом.

— Ты мог бы присоединиться к Маккабу и Моррису, — заметила Серая Метелка.

— Нет. Я думаю последовать примеру Шипучки и выйти из дела. Игра становится очень опасной.

— Ты не знаешь, тот, кто это сделал, взял золотой серп Оуэна? — спросил я.

— На виду его нет, — сказал Плут. — Но он, возможно, еще в доме.

— Ты можешь входить и выходить, да?

— Да.

— Пойди, пожалуйста в дом, проверь и скажи нам, там он или нет.

— Почему я должен это делать?

— Когда-нибудь тебе может что-нибудь понадобиться — немного еды, отогнать хищника...

— Я бы предпочел получить кое-что прямо сейчас, — заявил Плут.

— Что именно? — спросил я.

Он прыгнул, но не упал, а спланировал на землю возле нас.

— А я не знала, что ты — белка-летяга, — удивилась Серая Метелка.

— Я не летяга, — ответил Плут. — Но это часть сделки.

— Не понимаю, — сказала она.

— Я был довольно глупым охотником за орехами, пока Оуэн меня не нашел. Как все белки. Мы знаем, что надо делать, чтобы оставаться в живых, и ничего больше. Не то что вы, ребята. Он сделал меня умнее. Он научил меня особым вещам, таким, например, как этот полет. Но я кое-чего лишился. Я хочу отдать все это обратно и опять стать тем, чем я был, — счастливым охотником за орехами, которого не волнует Открывание и Закрывание.

— О чем ты толкуешь? — спросил я.

— Я отдал кое-что в обмен на все это и хочу получить обратно.

— Что?

— Посмотри на землю вокруг меня. Что ты видишь?

— Ничего особенного, — сказала Серая Метелка.

— Моя тень исчезла. Он взял ее. И теперь не сможет отдать, потому что умер.

— День довольно облачный, — сказала Серая Метелка. — Трудно сказать...

— Поверь мне. Я-то знаю.

— Верю, — кивнул я. — Иначе было бы глупо так волноваться. Но что такого важного в тени? Кому она нужна? Какой тебе от нее прок там, наверху, когда ты прыгаешь по деревьям, где ее почти никогда и не видно?

— С ней связано гораздо больше, — объяснил Плут. — Вместе с ней ушли многие другие вещи. Я уже не чувствую все так, как раньше. Раньше я знал, где растут лучшие орехи, какая будет погода, когда придут старушки меня кормить, как сменяются времена года. Теперь я обо всем этом *думаю*, могу вычислить все это, могу составить план, как выгодно использовать свои знания, — я бы никогда раньше так не сумел. Но я потерял все те маленькие ощущения, сопровождающие такое знание, которое приходит без раздумий. И я много раз... думал об этом. Мне их недостает. Я бы лучше вернулся к ним, вместо того чтобы думать и летать, как сейчас. Вы разбираетесь в колдовстве. Немногие люди в нем разбираются. Я проверю насчет серпа, если вы разрушите заклятие, которое Оуэн наложил на тень.

Я взглянул на Серую Метелку, она покачала головой.

— Никогда не слышала о таком заклятии, — сказала она.

— Плут, существует множество колдовских систем, — объяснил я ему. — Но это только формы, в которые переливается сила. Мы не в силах все знать. Я не имею ни малейшего представления, что сделал Оуэн с твоей тенью или с твоей... интуицией, — наверное, речь о ней, — и с теми ощущениями, которые с ней связаны. Если мы не будем знать, где она и как взяться за дело, чтобы вернуть ее и отдать тебе, то, боюсь, мы не сможем помочь.

— Если вы проникнете в дом, я вам ее покажу, — сказал он.

— О, — сказал я. — Что ты об этом думаешь, Серая?

— Мне любопытно, — ответила она.

— Как ты это делаешь? — спросил я. — Какие-нибудь окна открыты? Или двери не заперты?

— Вам не пролезть через мое отверстие. Это просто маленькая дырочка на чердаке. Задняя дверь обычно не заперта, но нужен человек, чтобы открыть ее.

— А может, и нет, — заметила Серая Метелка.

— Нам придется подождать, пока уйдут констебль и его люди, — сказал я.

— Конечно.

Мы ждали и слушали, как снова и снова выражали недоумение по поводу неестественных останков в трех корзинах. Приехал доктор, поглядел, покачал головой, сделал какие-то заметки и отбыл, придя к выводу, что имеется только одно человеческое тело — Оуэна, и пообещав представить письменный отчет утром. Миссис Эндерби и ее спутник заехали по дороге и некоторое время болтали с констеблем, поглядывая на нас с Серой Метелкой почти так же часто, как и на останки. Вскоре она уехала, а останки сложили в мешки, снабженные ярлычками, и увезли на повозке вместе с тем, что осталось от корзин, к которым тоже прицепили ярлычки.

Когда повозка со скрипом отъехала, Серая Метелка, Плут и я переглянулись. Затем Плут взлетел по стволу дерева, перелетел с его верхушки на соседнюю, а оттуда на крышу дома.

— Вот было бы здорово так уметь, — заметила Серая Метелка.

— Да, здорово, — согласился я, и мы направились к двери черного хода.

Как и раньше, я поднялся на задние лапы, крепко зажал ручку и повернул. Почти. Попытался снова, немного сильнее, и дверь поддалась. Мы вошли. Я прикрыл дверь, но не до конца, чтобы замок не защелкнулся.

Мы оказались на кухне, и над головой я услышал быстрые мелкие шаги и цоканье коготков.

Плут не замедлил появиться, бросил взгляд на дверь.

— Его мастерская внизу. Я покажу вам дорогу.

Мы последовали за ним в другую дверь и вниз по скрипучей лестнице. Внизу мы сразу же попали в большую комнату, в которой пахло, как на воле. Срезанные ветки, корзины с листьями и корешками, коробки с оме-лой в беспорядке стояли вдоль стен, на полках и на лавках. Несколько столов были завалены шкурами животных, шкуры свешивались со спинок трех стульев. И на потолке, и на полу были нарисованы синим и зеленым

мелом диаграммы, а одна, ярко-красная, закрывала почти всю заднюю стену. Коллекция поденок и книг на гэльском и латыни занимала небольшой книжный шкаф у двери.

— Серп, — напомнил я.

Плут взлетел на маленький столик, приземлился среди трав. Там он повернулся, наклонился вперед и поддел когтями передний край выдвижного ящичка. Он раскачивал и тянул его, и ящичек начал выдвигаться, уступая его усилиям.

— Не заперт, — заметил он. — Теперь давайте посмотрим.

Он выдвинул его побольше, и я, встав на задние лапы, смог заглянуть в него. Ящик был выстлан голубым бархатом, в центре которого виднелся вдавленный отпечаток в форме серпа.

— Как видите, — констатировал Плут, — его здесь нет.

— А где-нибудь еще он не может лежать? — спросил я.

— Нет. Если его нет здесь, значит, он был у Оуэна. Только два варианта.

— Я нигде его не видела там, на улице, — сказала Серая Метелка, — ни на земле, ни в этом... месиве.

— Тогда я бы сказал, что его кто-то взял, — произнес Плут.

— Странно, — заметил я. — Этот предмет обладал властью, но не был одним из орудий Игры, как, например, волшебные палочки, икона, магическая фигура и, обычно, кольцо.

— Тогда кому-нибудь он понадобился ради его власти, наверное, — сказал Плут. — Прежде всего, мне кажется, Оуэна хотели просто вывести из Игры.

— Вероятно. Я сейчас пытаюсь связать его смерть со смертью Растова. Хотя странно было бы думать, что убийца — один и тот же игрок, раз Оуэн был Открывающим, а Растов — Закрывающим.

— Гм-м, — произнес Плут, соскакивая вниз. — Не знаю. Может, так. А может, и нет. В последнее время Растов и Оуэн несколько раз подолгу беседовали. У меня возникло впечатление, что Оуэн пытался уговорить Растова перейти на другую сторону — все его либераль-

ные симпатии и русские настроения могли бы подтолкнуть его в сторону революционных действий.

— В самом деле? — сказала Серая Метелка. — Тогда, если убивают Открывающих, Джил, возможно, угрожает опасность. Кто еще мог знать об их беседах?

— Никто, насколько мне известно. Не думаю, чтобы Растов рассказал даже Шипучке, и я тоже никому не говорил до сих пор.

— Где они беседовали? — поинтересовалась Серая.

— Наверху. На кухне или в гостиной.

— Их могли подслушать?

— Только кто-нибудь достаточно маленький и подвижный, чтобы пролезть в дырку для белки наверху.

Я медленно прошелся по комнате.

— Моррис и Маккаб — Открывающие или Закрывающие? — спросил я.

— Совершенно уверена, что Открывающие, — сказала Серая Метелка.

— Да, — согласился Плут. — Они Открывающие.

— А как насчет Доброго Доктора?

— Никто не знает. Ворожба не срабатывает в его сторону.

— Тайный игрок, — сказал я, — кем бы он ни был.

— Ты и в самом деле считаешь, что таковой существует? — спросила Серая Метелка.

— Это единственное, чем я могу объяснить то, что мои расчеты все время приводят не туда.

— Как мы определим, кто это?

— Не знаю.

— А мне все равно — уже все равно, — сказал Плут. — Я просто хочу снова вести простую жизнь. К черту все эти заговоры и расчеты. Я не доброволец. Меня призвали насильно. Верните мою тень.

— Где она?

— Вон там.

Он повернулся к большому красному чертежу на дальней стене.

Я взглянул в том направлении, но не мог разобрать, на что Плут пытается указать.

— Извини, — сказал я, — не вижу...

— Там, — сказал он, — в чертеже, внизу справа.

Тогда я увидел, я сначала принял ее за игру света. Тень в форме белки закрывала часть чертежа. Несколько прямых, блестящих кусков металла торчали по периметру тени.

— Это она?

— Да, — ответил Плут. — Ее удерживают на стене семь серебряных гвоздей.

— Что же нужно делать, чтобы освободить ее?

— Нужно вытащить гвозди.

— А это опасно для того, кто будет их вытаскивать?

— Не знаю. Оуэн ничего об этом не говорил.

Я поднялся на задние лапы и передней дотронулся до верхнего гвоздя. Он не очень крепко сидел, и со мной не произошло ничего необычного. Поэтому я наклонился вперед, схватил его зубами, вытащил и бросил на пол.

Лапой попробовал остальные шесть. Два из них явно слабо сидели. Я хватал их зубами, один за другим, и вытаскивал. Они блестели на полу, настоящее серебро, и Серая Метелка стала их рассматривать.

— Что ты чувствовал, когда вытаскивал гвозди? — спросила она.

— Ничего особенного, — ответил я. — Ты замечаешь в них что-то такое, что я пропустил?

— Нет. Я думаю, сила заключена, главным образом, в этом чертеже. Если должна быть какая-то реакция, причину ее надо искать на стене.

Я попробовал оставшиеся четыре гвоздя. Они сидели крепче, чем те, которые я уже вытащил. Очертания тени колебались теперь между ними.

— А ты чувствовал что-нибудь необычное, когда я проделывал это, Плут? — спросил я.

— Да, — ответил он. — Я чувствовал легкий зуд в каждом из тех мест на теле, которое, по-видимому, соответствует тому месту на тени, из которого вытаскивали гвоздь.

— Предупреди меня, если что-то изменится, — сказал я, наклонился вперед, ухватился за следующий гвоздь и стал расшатывать его зубами.

Потребовалось примерно полминуты, чтобы вытащить его, потом по очереди я попробовал три остальных. Два гвоздя сидели довольно крепко, а один примерно так же, как тот, который я только что вытянул.

Я взялся за тот, что послабее, и дергал его, пока и он тоже не вышел из стены. К этому моменту тень равномерно сжималась и расширялась, как будто развевалась в третьем измерении по толщине, и частично становилась невидимой для меня каждый раз, как это происходило.

— Зуд не пропал, — заметил Плут. — Я начинаю теперь чувствовать его повсюду.

— А боли нет?

— Нет.

Я потыкал лапой в два оставшихся гвоздя. Крепкие. Возможно, лучше было бы привести Ларри с клещами, чем рисковать сломать себе зубы. Все же не помешает сначала попробовать. Я расшатывал один из гвоздей почти минуту, но он, казалось, нисколько не поддавался. Тогда я остановился, чтобы дать отдых челюстям, и пообещал себе, что попробую оба гвоздя, прежде чем решу сдаться.

Я проделал то же самое со вторым гвоздем, расположенным примерно в десяти дюймах слева от первого, но не мог определить, когда закончил, добился ли каких-либо сдвигов.

Мне не нравился вкус штукатурки и краски, которой был нарисован чертеж. Я не мог с уверенностью сказать, что находится под штукатуркой, на чем держатся гвозди. Слишком мало верхнего слоя откололось от стены, чтобы я мог различить поверхность, которую он покрывает, — только набрал в рот песка с сырым привкусом подвала.

Я отступил назад. Чертеж выглядел размазанным и мокрым, интересно, как собачьи слюни могут повлиять на его таинственные свойства.

— Пожалуйста, попробуй еще, — попросил Плут.

— Я просто перевожу дыхание, — сказал я. — До сих пор я пользовался передними зубами, потому что так было легче. Теперь перейду на боковые.

Итак, я снова приник к стене, ухватился за гвоздь правыми коренными зубами, и тот, казалось, слегка зашатался под моим напором. Очень скоро он зашевелился, потом пошел. В конце концов, я бросил его на пол и прислушался. Серебро издает приятный звук при ударе.

— Шесть, — объявил я. — Как теперь ощущения?

— Зуд усилился, — сказал Плут. — Возможно, это что-то вроде предвкушения.

— Последний шанс отказаться от этой затеи, пока у тебя есть преимущество, — сказал я, поворачиваясь, чтобы использовать левую сторону челюстей для последнего гвоздя.

— Продолжай, — сказал он мне.

Я ухватил гвоздь и начал расшатывать его, медленно, прикладывая равномерное давление, а не дергая резко, что, как показал опыт с предыдущим гвоздем, было более эффективным. Я боялся за зубы, но ничего не треснуло и не откололось. Звук серебра, однако, куда приятнее, чем его холодный металлический привкус.

И все это время сама тень периодически набегала на мою морду, мелькая перед глазами, как быстрое облако перед солнцем, на мгновение окутывая меня и снова скользя прочь.

Я почувствовал, что гвоздь движется. К этому моменту челюсти мои начали болеть, и я поменял сторону. Мне случалось разгрызать крупные кости, и я знаю силу своих зубов. Но эта задача требовала большего, чем просто кусательные способности. Важнее было движение, в котором участвовали шейные мышцы и челюсти. Вперед, назад...

А потом гвоздь начал ослабевать. Я остановился, чтобы передохнуть.

— Что мы будем делать, когда она освободится? — спросил я у них. — Что помешает ей просто ускользнуть? Есть ли какое-то средство прикрепить ее обратно?

— Не знаю, — сказал Плут. — Я об этом не думал.

— Прежде всего, как ее от тебя отделили? — спросила Серая Метелка.

— Оуэн зажег свет и отбросил тень на стену, — сообщил Плут. — Забил гвозди, потом провел серпом возле моего тела и как-то отсек ее. Когда я отошел, она осталась. Я сразу же почувствовал себя иначе.

— Тень отзовется на твою жизнь, — сказала Серая Метелка, — если ты примешь правильную позу и она упадет на тебя. Но твоя жизнь должна обнажиться в тех семи точках, которые держали тень — и она будет соответствовать гвоздям, которые удерживали ее.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Плут.

— Кровь, — объяснила она. — Ты должен сделать царапины на каждой из лап, одну на макушке, одну посередине хвоста, одну посередине спины — в тех семи местах, где была пробита тень. Когда Нюх вытащит последний гвоздь, он должен не просто выдернуть его из стены, а осторожно потащить вниз, волоча за ним тень, и тащить ее так, чтобы она накрыла тебя. Ты в это время будешь стоять лапами на тех четырех гвоздях, которые держали тень лап, хвост будет лежать на гвозде из хвоста, голову надо вытянуть и положить, чтобы она касалась шестого...

— Я уже не знаю, где какой гвоздь, — перебил Плут.

— Я знаю, — заверила Серая Метелка. — Я наблюдала. Потом Нюх стянет на тебя тень и уронит последний гвоздь тебе на спину в том месте, где будет седьмая царапина. Это снова прикрепит ее к тебе.

— Серая, — спросил я, — откуда ты все это знаешь?

— Мне недавно подарили немного мудрости, — ответила она.

— Верховный кот...

— Тихо! Это место...

— Прости.

Она пошла размещать гвозди, а Плут оцарапал себя — лапы, голову и хвост. Я чувствовал запах его крови.

— Не могу достать до спины, чтобы сделать седьмую, — посетовал он.

Правая лапа Серой метнулась вперед, и на его спине появилась яркая полоска с дюйм длиной. Все произошло настолько быстро, что он даже не вздрогнул.

— Вот, — сказала она. — Теперь ложись на гвозди, как я тебе говорила.

Плут так и сделал, растянулся и лежал неподвижно. Я вернулся к последнему гвоздю, взялся за него и медленно потянул. Как только почувствовал, что он выходит, я потянул его вниз по стене и затем по полу к Плу-ту, ни на секунду не отрывая от поверхности. Однако я не имел ни малейшего представления, движется ли тень за гвоздем, и не мог спросить. Но все же, если бы что-то было не так, подумал я, Серая Метелка сказала бы

— Проведи гвоздь по нему и брось ему на спину, — сказала она, — в том месте, где моя отметка.

Я сделал это, и сейчас же отступил назад.

— Как ты думаешь, прикрепилась она или нет? — спросил я у Плутона.

— Не могу понять, — ответил он.

— Чувствуешь хоть какую-нибудь разницу?

— Не знаю.

— Что теперь, Серая? — спросил я. — Сколько нам ждать, чтобы увидеть, прикрепилась ли тень?

— Давай подождем минуту-другую, — ответила она.

— Чертеж, — произнес Плут в этот момент. — Он меняется.

Я обернулся и посмотрел. Возможно, там и мелькнул какой-то след движения, но, когда я повернулся к стене лицом, он уже исчез. И все же чертеж выглядел теперь более маленьким, немного меньше простирался влево и иначе располагался справа. И его цвета стали ярче.

— Думаю, это значит, что она теперь на месте, — сказал Плут. — Я хочу двигаться.

Он подпрыгнул и побежал по полу, рассыпав гвозди. Прыгнул вверх до половины лестницы, обернулся и посмотрел назад, на нас. Было слишком темно, чтобы увидеть, добился ли он своего.

— Пошли! — позвал он. — Давайте выйдем на улицу!

Я без затруднений открыл дверь кухни. Плут тут же проскочил мимо нас. Солнце уже светило, и, когда он стремительно пронесся через двор, мы увидели сопровождавшую его тень. Он вспрыгнул на стену, заколебался, оглянулся назад.

— Спасибо!

— Куда ты направляешься? — спросил я.

— В лес, — ответил Плут. — Прощайте.

Затем он соскочил со стены и исчез.

26 ОКТЯБРЯ

День тянулся еле-еле. Не надо делать обход. Иногда только подходил взглянуть на бутылку портвейна, которая начала слабо светиться. Вышел прогуляться. Заглянул к Серой Метелке: ничего нового. Походил вокруг дома Растова: Шипучки нет. Обнюхал двор Морриса и Маккаба: Ночной Ветер укрылся где-то от дневного света. Пошел к Ларри, чтобы ввести его в курс событий, — и не застал. Забрел в окрестности фермы Доброго Доктора, обиталище адских сил, но никакой деятельности, которую можно было бы наблюдать извне, не заметил. Отправился к месту проживания Великого Детектива, — в пасторском доме царила тишина, не смог даже определить, там он или нет. Пару раз прошел мимо церкви и жилища vicария, во второй раз Текела меня заметила и улетела.

Вернулся домой, поел. Лег поспать.

Вечером мною овладело беспокойство, я снова вышел из дома. Серая Метелка куда-то пропала, и Ларри еще не вернулся. Я побежал через поле в лес, чтобы проверить старые инстинкты. Спугнул кроликов. Напал на лисий след и некоторое время шел по нему. Однако плутовка оказалась умной. Она меня засекала, вернулась по собственному следу и отделалась от меня, пройдя по ручью. Приятно иногда вспомнить все эти уловки.

Я решил воспользоваться намеком и сам вошел в ручей. Ветер дул вверх по течению, и я пошел в этом направлении, как, вероятно, и поступила до меня лиса,

когда поняла то, что дошло до меня как раз в тот момент: за мной кто-то идет.

Однако мой преследователь действовал довольно неуклюже, и мне не составило труда вернуться назад, держась по ветру и прячась, и застать его врасплох у кромки воды.

Он был крупный, больше, чем я, размером с волка.

— Ларри? — позвал я. — Я вас искал.

— Да? — отозвался он.

Нет, это был не Ларри.

— Почему ты меня преследуешь? — спросил я.

— Я забрел сюда несколько дней назад и подумывал о том, чтобы провести зиму в этом лесу. Но это очень странное место. Люди ведут себя непонятно. Я пошел за тобой, чтобы спросить, насколько здесь безопасно.

— Кое-кто из местных жителей готовится к некоему событию, оно произойдет в конце месяца, — ответил я. — Сиди тихо, пока месяц не кончится, и зиму проведешь спокойно, если к тому же проявишь немного такта, добывая овцу или свинью, то есть я хочу сказать, не оставляй на виду скелеты.

— А что же все-таки будет происходить в конце месяца?

— Будут происходить чудеса. Или, скажем так, маленькая феерия специфического безумия. Во всяком случае, держись в эту ночь подальше от любого людского сборища.

— Почему?

В этот момент слабый свет луны просочился к нам сквозь ветки.

— Ты можешь погибнуть или... еще хуже.

— Не понимаю.

— Этого от тебя и не требуется, — сказал я, повернулся и двинулся прочь.

— Нюх! Погоди! Вернись! — закричал незнакомец.

Однако я уходил. Он пытался бежать за мной, но я легко отвязался от него: Рычун когда-то показал мне отличный прием, ему позавидовала бы даже лиса. Дело в том, что я узнал его. Я видел его изображение на сто-

рожевом экране в тот день, когда мы были в Лондоне. Он был из тех, кто рыскал вокруг нашего дома. Может быть, просто разнюхивал, что и как. Но то, что ему известно мое имя, хотя я ему и не назвался, мне совсем не понравилось. Над моей головой, впереди, набирая силу, неслась со мной наперегонки полная луна. Я припустил изо всех сил — пусть получит удовольствие за собственные деньги.

27 ОКТЯБРЯ

Я услышал, что кто-то скребется в дверь черного хода, и проснулся. Открыл лапой свой люк — передо мной была Серая Метелка. Может, она улыбалась? Я взглянул на облачное, с синими просветами, небо; потом поздоровался.

— Доброе утро, Нюх. Разбудила?

Я потянулся.

— Да. Но я уже и так слишком долго сплю.

— Спасибо.

— Как твои старые недуги?

— Мне лучше. А как ты?

— Лучше.

— Вчерашний день прошел довольно спокойно, — заметил я. — Для разнообразия.

— Я не сказала бы того же о прошедшей ночи, — произнесла Метелка.

— Вот как? Что ты имеешь в виду?

— Значит, ты не слышал о пожаре?

— Пожар? Нет. Где?

— Сгорел дом Доброго Доктора. Он все еще тлеет. Я вышла погулять, на рассвете, и учуяла дым. Подошла и долго смотрела. Когда крыша провалилась, гроза наконец-то кончилась.

— С ним все в порядке? А другие обитатели? Они выбрались?

— Не знаю. Не уверена. Я их не видела.

— Пожалуй, следует немного поразнюхать.

— Неплохо бы.

Мы отправились туда. Кошка была права: никаких признаков грозы, никаких фантастических штук с треском и огненными фейерверками. И это странно. Дом Доктора или, вернее, то, что от него осталось, еще дымился. Крыша и три стены рухнули, земля вокруг потемнела от пепла, мусора и гари. Уцелела только конюшня. Почва промокла до того, что хлюпала под лапами, из-за того потопа, который изливался на нее в последние недели. Мы медленно обошли пожарище. За обгоревшими балками в развалинах валялась разбитая аппаратура. Запах гари и мокрой земли заглушал все другие запахи, которые дали бы мне информацию и помогли прояснить случившееся. Я сказал об этом Серой Метелке, и она спросила:

— Значит, ты не можешь определить, спаслись ли Добрый Доктор и его ассистент или погибли?

— Боюсь, что нет, — ответил я.

Мы пошли взглянуть на конюшню. И вот тут я все-таки уловил свежий запах. Очень свежий. Оставленный только что. Я рванулся и пустился бегом.

— Что случилось? — крикнула Серая Метелка.

Отвечать было некогда. Я заметил, как он свернул за угол конюшни, и помчался туда. Он увидел, что я настигаю его, понял, что я бегаю гораздо быстрее, и нырнул в один из деревянных ящиков, разбросанных поблизости. Я подскочил к ящику и сунул в него голову. В углу съежился Бубон, оскалив клыки.

— Вспомни, что говорят о крысах, загнанных в угол, — сказал он. — Мы можем быть опасными.

— Не сомневаюсь, — ответил я. — Но какой в этом смысл? Никто не хочет причинить тебе вреда.

— Ты меня преследовал.

— Я хотел поговорить с тобой.

— И поэтому привел с собой кошку.

— Могу позвать ее, если не хочешь говорить со мной.

Я сделал вид, что собираюсь уйти.

— Нет! Подожди! Я лучше поговорю с тобой!

— Ладно. Я только хотел узнать, что здесь произошло.

— Был пожар.

— Это-то я вижу. Как он начался?

— Экспериментальный человек рассердился на Доброго Доктора и принялся крушить лабораторию. Искры от какого-то прибора подожгли дом.

— «Экспериментальный человек»?

— Ты его знаешь. Тот большой парень, которого Добрый Доктор собрал из всех частей, выкопанных для него его ассистентами.

Я вспомнил запах смерти и начал понимать.

— Что случилось потом?

— Экспериментальный человек выбежал из дома и спрятался в конюшне, как всегда делал после ссоры. Я тоже убежал. Дом сгорел.

— А Добрый Доктор и его ассистент успели вовремя уйти?

— Не знаю. Когда я потом вернулся и посмотрел, то уже никак не мог определить этого.

— А что экспериментальный человек? Он все еще в конюшне?

— Нет. Он после убежал. Не знаю, где он.

Я попятился назад.

— Прошу прощения, — сказал я и вытянул голову из ящика.

Серая Метелка уже была рядом. Она спросила:

— Добрый Доктор был Открывающим или Закрывающим?

— Пожалуйста, — сказал Бубон, — оставьте меня в покое. Я просто обыкновенная крыса из стаи. Нюх! Не позволяй ей съесть меня!

— Я уже поела, — успокоила его Серая Метелка. — Кроме того, я обязана быть с тобой вежливой, как с партнером по Игре.

— Ничего подобного, — сказал он. — Все кончено. Кончено.

— Из того, что твой хозяин мертв, вовсе не следует, что я должна перестать относиться к тебе, как к игроку.

— Но ты же знаешь. Ты должна знать. Ты играешь со мной. Кошки все такие. Я — не игрок. Никогда им не был. Ты правда недавно поела?

— Да.

— Тогда еще хуже. Будешь дольше забавляться.

— Замолчи! — прикрикнула она.

— Видишь? Куда девалась любезность?

— Успокойся. А то я действительно начинаю сердиться. Что это значит — никогда не был игроком?

— То и значит. Увидел хорошую возможность и решил прыгнуть на борт.

— Объясни-ка как следует.

— Говорю вам, я просто крыса из стаи. Я слышал, как вы все разговариваете, — Ночной Ветер, Шипучка, Плут, ты и Нюх, когда прокрадывался по своим делам. Очень скоро я понял, что идет какая-то странная Игра и вы все игроки. Вы так хорошо ладили, не трогали друг друга, даже помогали иногда. Поэтому я решил узнать о вашей Игре как можно больше и постараться сойти за одного из вас. Я понял, что у вас всех есть отличные хозяева, и решил, что смогу это устроить. В конце концов, я уже обретался в доме Доброго Доктора, ради его экспериментов. Поэтому я пустил слух, что он тоже в Игре, а я работаю на него. Конечно же, я добился уважения и приличного обращения со стороны всех вас. Это заметно облегчило мне жизнь. Какая трагедия — этот пожар! Трудно будет провести зиму в конюшне. Но крысы легко приспосабливаются. Мы...

— Помолчи, — перебила его Серая Метелка, и он подчинился. — Нюх, ты понимаешь, что это значит?

— Да, — ответил я. — Нет никакого тайного игрока. Вместо этого в моих расчетах был один лишний игрок. Добрый Доктор, должно быть, приехал сюда в поисках уединения для своей работы.

— ...И это объясняет, почему ворожба на него всегда давала неясные результаты.

— Безусловно. Придется мне теперь быстро сделать новые расчеты... Спасибо, Бубон. Ты только что мне очень помог.

Серая Метелка отошла от ящика, и Бубон выглянул наружу.

— Вы хотите сказать, что я могу идти? — спросил он.

Я был благодарен Бубону, его сообщение приближало меня к решению головоломки. Мне хотелось быть щедрым и великодушным. К тому же он выглядел таким несчастным.

— Можешь пойти с нами, если хочешь, — предложил я. — Тебе не обязательно жить в конюшне. Оставайся в моем доме. Там тепло и полно еды.

— Ты это серьезно?

— Конечно. Ты нам помог.

— Ты, правда, живешь рядом с кошкой...

Серая Метелка рассмеялась своим особенным смехом.

— Ты оказал нам профессиональную помощь, — сказала она. — Я оставлю тебя в своем списке достойных уважения профессионалов.

— Ладно, тогда я иду с тобой, — решил Бубон.

Он выбрался из ящика, и мы пошли домой.

28 ОКТЯБРЯ

Мне нужно было проверить схему на местности. Я обошел большинство тех мест, где был вчера, прикидывая, кто еще мог вычислить центр. Видел викария, и он меня видел, издали, после того, как Текела обратила на меня его внимание, когда я шел мимо. Он как раз вносил из фургона в дом картонную коробку, остановился и с ненавистью уставился на меня. На ухе у него все еще была повязка.

Великий Детектив миссис Эндерби сидела у себя во дворе с биноклем в руках и, когда я проходил мимо, окликнула меня.

— Нюх, подойди, пожалуйста, сюда!

Я даже не остановился.

Солнечный свет время от времени прорывался сквозь густые облака. Еще больше листьев, опавших и падающих, кружилось по ветру. Я двигался на юг.

Бубон устроился жить в нашем подвале, хотя и бродил по всему дому, когда нас не было, и ел со мной на кухне.

— Что случилось с Тварями в зеркале? И, кстати, с самим зеркалом? — спросил он.

Я рассказал ему историю нападения, последовавшего за нашей поездкой в город. Что вызвало необходимость рассказать и о самой поездке.

— Похоже на викария, — промолвил Бубон. — Он много раз стрелял в меня из своего арбалета, а я ведь ничего ему не сделал, только иногда рылся в его мусорном ящике. Разве это повод пускать стрелы в ближнего?

Надеюсь, он провалит последнее дело, и вы, ребята, сметете его с лица земли.

— А что тебе известно об Игре? — спросил я.

— Я многое слышал. Я многое видел. Все свободно говорили при мне, потому что считали, что я тоже участник. Через какое-то время мне почти стало казаться, что так оно и есть, — задумчиво сказал он. — Я так много знаю о ней.

И он стал рассказывать мне о том, что некоторых определенных людей притягивает в определенное место в определенный год, тоскливой октябрьской ночью*, при свете полной луны, в Канун Дня Всех Святых, когда можно открыть путь для возвращения на Землю Древних Богов; и как одни из этих людей помогают открыть этот путь, а другие пытаются этот путь закрыть. Веками в этой борьбе побеждали Закрывающие — порой едва-едва, — и ходили рассказы о человеке-тени, полубезумце, убийце, бродяге, и о его собаке, которые всегда появлялись для того, чтобы постараться закрыть этот путь. Некоторые говорили, что он — сам Каин, обреченный ходить по земле, отмеченный проклятием; другие говорили, что у него договор с одним из Древних, который пожелал навредить другим; никто точно не знает. И эти люди завладевают определенными орудиями и другими предметами, дающими власть, встречаются в назначенном месте и пытаются осуществить свою волю. Победители уходили, а проигравшие расплачивались за свою самонадеянность, погибая от ответного удара тех космических сил, которые вызывает такая попытка.

Потом он назвал игроков и их орудия и прибавил к этому свои догадки о расчетах, ворожбе, магических атаках и обороне.

— Бубон, — сказал я, — ты поразил меня так, как это удавалось немногим — узнать все это и не выдать себя!

— У крыс сильный инстинкт выживания. Мне необходимы были эти знания, чтобы оставаться здесь в безопасности.

* «Тоскливой октябрьской ночью...» — строчка из стихотворения Э. По «Улялюм».

— Ничего подобного, — ответил я. — Ты мог бы не встретить в это и заниматься своими делами. Обман сам по себе гораздо опаснее.

— Ну ладно. Меня разобрало любопытство, ведь я все время слышал эти загадочные замечания. Возможно, я слишком любопытен, себе во вред. Думаю, дело в том, что мне нравилось притворяться, будто я тоже играю. Я никогда раньше не занимался ничем важным, и меня захватило.

— Пойдем, — предложил я ему. — Забирайся ко мне на спину, и я отвезу тебя посмотреть на цыган. Хорошая музыка и все такое.

Мы оставались в таборе допоздна. У меня не так много друзей, и это был славный вечер. По дороге к Гнезду Пса я наткнулся на еще одну цепочку огромных бесформенных следов у подножия холма. На вершине тоже оказалось несколько таких следов. Интересно, куда пойдет экспериментальный человек теперь, когда его дом сгорел?

Я обошел верхушку холма, снова проводя свои линии, раскладывая их по земле, исключив на этот раз разрушенный дом фермера на юго-западе (что значительно сдвинуло всю схему к северу), приняв во внимание две запасные могилы и включив в формулу дом Ларри, а потом исключив его. Если включить этот дом, то получалось еще одно никакое место на пустоши. Но без него выходило место, уже испытывавшее прикосновение Высших Сил. Именно здесь, в Гнезде Пса, посреди незамкнутого круга из камней, будет сыграно последнее действие. А Ларри — просто влиятельный друг.

Я поднял морду и завыл. Схема была завершена. На камне, где началось наше тогдашнее приключение, на мгновение вспыхнула надпись, будто в подтверждение. Я быстрыми прыжками спустился с холма. Полночь.

— Я нашел его, Джек! — сообщил я и рассказал ему историю Бубона.

— ...И исключение Доброго Доктора приводит нас на вершину моего холма, — заключил я.

— Конечно, остальные тоже угадают это место в ближайшие несколько дней.

— ...И пройдет слух. Правильно. Я могу припомнить только один случай, когда никто не вычислил место правильно.

— Ну, это было так давно...

— Да, и мы все сели вместе обедать, превратили все в шутку и разошлись в разные стороны.

— Такое редко случается.

— Действительно.

— Я думаю, бой будет нелегкий, Нюх.

— Я тоже. Странная выдалась Игра, с самого начала. Это качество может сохраниться до конца.

— Почему?

— Просто у меня такое чувство.

— Я доверяю твоим инстинктам. Мы должны быть ко всему готовы. Очень плохо, что Джил и Серая Метелка не на нашей стороне.

— Я решил, что останусь их другом до конца, — сказал я.

Он сжал мое плечо.

— Как хочешь.

— Это не похоже на Дижон, правда? — спросил я.

— Нет. На этот раз произошло много странных событий, — сказал Джек. — Выше нос, друг.

— Я и поднимаю его, когда улыбаюсь, — ответил я.

29 ОКТЯБРЯ

После обеда у Джил, на который Бубон тоже получил приглашение, — он наконец признал, что Серая Метелка относится к особой категории кошек, — я пошел прогуляться к руинам дома Доброго Доктора. За трапезой витал почти элегический дух, и Джек спросил напрямик у Джил, не захочет ли она перейти на другую сторону, а Джил признала, что теперь ее одолевают противоречивые чувства, но она твердо решила доиграть Игру так же, как начала.

Странно было обедать с противниками и испытывать к ним такое расположение. Итак, я пошел на прогулку после обеда, больше для того, чтобы заняться чем-нибудь в одиночестве, чем по какому-то неотложному делу.

Я не спешил. Обугленные развалины все еще сильно воняли; и хотя я обошел их много раз, но не увидел среди них ни костей, ни других человеческих останков. Потом побрел к сараю, хотел посмотреть, не вернулся ли экспериментальный человек и не прячется ли там.

Дверь была приоткрыта настолько, что я мог войти, и я вошел. Хотя там и чувствовался еще сбивающий с толку букет, но по запаху выходило, что он оставлен уже давно. И все же я обыскал все стойла, даже порылся в сене. Проверил все углы, корзины и мешки, взобрался по лестнице на сеновал и посмотрел там.

И тут я заметил в глубине странную тень — тень летучей мыши, висящей на балке. Хоть все летучие мыши и выглядят для меня совершенно одинаково, особенно

если перевернуть их вниз головой, но эта очень напоминала мне Иглу. Я подошел и громко сказал:

— Эй, Игла! Какого черта ты тут делаешь?

Он слегка шевельнулся, но не проявил желания проснуться. Поэтому я протянул лапу и потрогал его.

— Давай, Игла. Я хочу поговорить с тобой.

Он развернул крылья и уставился на меня. Потом зевнул.

— Нюх, что ты здесь делаешь?

— Обследую последствия пожара. А ты?

— То же самое, но дневной свет застиг меня, и я решил поспать здесь.

— А экспериментальный человек все еще приходит сюда?

— Не знаю. Сегодня его не было. И я не знаю, выбрался ли Добрый Доктор. Как продвигается Игра?

— Теперь, когда я узнал, что Добрый Доктор никогда в ней не участвовал, я нашел место проявления — это тот большой холм с поваленными камнями.

— Неужели! Интересно. Что еще нового?

— Растов и Оуэн мертвы. Шипучка и Плут вернулись обратно в лес.

— Да, об этом я слышал.

— Так что, по-видимому, кто-то убивает Открывающих.

— Растов был Закрывающим.

— Думаю, что Оуэн уговорил его переметнуться.

— Нет, он пытался, но не преуспел.

— Откуда ты это знаешь?

— Я обычно забирался в дом Оуэна через дырку Плути и слушал их разговоры. Я был там в ту ночь, накануне убийства Растова. Они пили и цитировали друг другу всех подряд — от Томаса Пейна до Ницше, но Растов не поддавался на уговоры.

— Интересно. Ты говоришь так, будто все еще участвуешь в Игре.

Снизу донесся слабый звук, как раз когда он начал говорить:

— О, я... Ложись! Ничком!

Я упал на правый бок. Арбалетная стрела прошла очень близко и воткнулась в стену как раз надо мной. Я повернул голову и увидел внизу викария Робертса, сто-

ящего у двери и опускающего оружие. На его лице застыла злобная улыбка.

Если бы я побежал и прыгнул, то мгновенно очутился бы внизу. Однако я с таким же успехом мог сломать при этом лапу, а тогда он бы с легкостью меня прикончил. Альтернативой было спуститься вниз так же, как я забирался наверх, спускаясь по лестнице спиной вперед. По некоторым анатомическим причинам спускаюсь я всегда медленнее, чем поднимаюсь. Если же я этого не сделаю, он сможет снова натянуть арбалет, вложить стрелу и выстрелить в меня еще раз. В этом случае преимущество будет на стороне викария. Хорошо еще, что с ним нет его вооруженных помощников...

Я быстренько припомнил, сколько обычно требуется времени, чтобы перезарядить такое оружие. Выбора не было, и не было времени ждать, если я хотел оставить себе хоть какой-то шанс.

Я рванул к началу лестницы, повернулся и начал спуск. Викарий уже опустил арбалет и начал перезаряжать его. Я двигался так быстро, как только мог, но пока нашаривал задней лапой очередную деревянную перекладину, моя спина чувствовала себя ужасно незащищенной. Если мне удастся добраться до пола не будучи пронзенным, значит, мне все еще очень везет. Я торопился. Увидел, как что-то черное промелькнуло мимо меня.

Я услышал заключительный щелчок. Услышал, как викарий установил на место стрелу. До низа все еще было далеко. Я спустился еще на одну перекладину. Представил себе, как он поднимает оружие, не спеша целится в легкую мишень. Я надеялся, что не ошибся насчет промелькнувшей мимо меня тени, насчет Иглы. Еще один шаг...

Я понял, что не ошибся, когда услышал, как выругался викарий. Спустился еще на одну ступеньку... Потом решил больше не рисковать. Оттолкнулся и пролетел оставшееся расстояние спиной назад, припоминая, что говорила Серая Метелка о способности всегда приземляться на все четыре лапы, сожалея, что не родился с такими способностями, и пытаюсь все же проделать это хотя бы один раз...

Я старался развернуться в нужном направлении — вокруг продольной оси, расслабив при этом лапы. Стрела прошла высоко надо мной, судя по звуку, который раздался, когда она вонзилась в дерево.

Я все-таки приземлился на лапы, но они сейчас же подломились. Пытаясь подняться, я увидел, что викарий снова взвел затвор, не обращая больше внимания на черную тень, которая носилась взад и вперед перед его лицом. Левая задняя лапа болела. Я все же рывком поднялся. Мой враг держал в одной руке стрелу и собирался вставить ее в арбалет. Мне придется броситься на него, попытаться сбить с ног раньше, чем он сделает следующий выстрел. Я знал, что на этот раз вряд ли вернуться...

И тогда в дверном проеме за его спиной возникла чья-то тень.

— О, викарий Робертс, что это вы делаете с таким старинным оружием? — раздался полный великолепно-го самообладания фальцет Великого Детектива в обличе Линды Эндерби.

Викарий поколебался, потом повернулся к ней.

— Мадам, — сказал он, — я собирался оказать услугу обществу, уничтожив злобное животное, которое как раз сейчас готовится напасть на нас.

Я немедленно завил хвостом и принял самый идиотский слюнявый собачий вид, вывалив наружу язык и все такое.

— Мне он вовсе не кажется злобным зверем, — возразил голос леди, и Великий Детектив быстро прошел вперед, встав между мной и викарием, надежно перекрывая линию выстрела.

— Это же просто старина Нюх. В нем нет ни единой злобной косточки. Добрый Нюх! Славный пес!

Последовала обычная процедура поглаживания, похлопывания по голове. Я реагировал так, будто это было вторым после бесплатного обеда величайшим изобретением.

— Что заставило вас считать его злобным?

— Мадам, эта тварь едва не оторвала мне ухо.

— Уверена, что вы ошибаетесь, сэр. Не могу представить, чтобы это животное вело себя агрессивно — кроме, возможно, случаев самозащиты.

Лицо викария сильно покраснело, а плечи напряглись. В какой-то момент мне показалось, что он все-таки попытается выстрелить в меня.

— Я действительно считаю, — продолжал голос Линды Эндерби, — что, если у вас есть жалобы на эту собаку, вам следует сначала поговорить с его владельцем, прежде чем предпринимать радикальные действия, которые могут привлечь внимание Общества Защиты Животных и вызвать неблагоприятную реакцию у прихожан.

— Этот человек — безбожник и наглец... — начал викарий, но затем его плечи опустились. — Тем не менее, пожалуй, я действовал чересчур поспешно. Вы правы, прихожане могут косо посмотреть на это, не зная, насколько обоснованны мои жалобы. Да. Очень хорошо. — Он опустил арбалет и разрядил его. — Все это уладится через денек-другой, однако сейчас я последую вашему совету и не буду совершать необдуманных поступков. — Он сунул стрелу в колчан, висевший у него на плече, затем закинул за спину оружие. — И еще, мадам, благодарю вас за те пирожки, которые вы принесли, они мне показались очень вкусными, и позвольте теперь откланяться.

— Надеюсь, вашей дочери они тоже понравились.

— Конечно, понравились. Мы оба благодарим вас.

Викарий повернулся и вышел за дверь. Великий Детектив тотчас же последовал за ним до порога и выглянул наружу, несомненно, желая удостовериться, что он действительно ушел. Прежде чем я смог проделать тот же путь с той же целью, Детектив ухватился за дверь и плотно прикрыл ее. Повернулся и изучающе посмотрел на меня.

— Нюх, — сказал он уже не фальцетом, — тебе повезло, что у меня хороший бинокль и я в последнее время склонен часто им пользоваться. — Ты очень необычное существо, — продолжал он. — Я впервые встретился с тобой в Сохо, помогая своим друзьям из Скотленд-Ярда расследовать серию очень запутанных убийств. Впоследствии я встречал тебя много раз в ситуациях странных и загадочных. Твое присутствие, кажется, стало общим знаменателем всех недавних про-

исшествий в этом районе. Тот предел, когда я еще мог отнести все это за счет совпадения, давно перейден.

Я сел и поскреб левое ухо задней лапой.

— Со мной этот номер не пройдет, Нюх, — сказал Великий Детектив. — Я знаю, что ты не просто глупый пес с интеллектом ниже человеческого. Я многое узнал о событиях этого месяца, об этой местности, о людях, участвующих в предприятии, которое вы, кажется, называете Игрой.

Я перестал чесать ухо и внимательно посмотрел на него.

— Я разговаривал и с этим русским пьяницей, и со столь же ненормальным валлийцем по дороге домой из паба, однажды ночью, замаскировавшись под загулявшего коммивояжера. Я беседовал с цыганами, с твоими соседями, со всеми основными действующими лицами, участвующими в предполагаемом метафизическом противостоянии — да, мне о нем известно, — и я наблюдал множество вещей, которые позволили мне при помощи дедукции нарисовать мрачную картину.

Я грубо зевнул, как это иногда делают собаки. Он улыбнулся.

— Не выйдет, Нюх, оставь свои дурные манеры. Я уверен, что ты понимаешь каждое мое слово, и тебе, наверное, любопытно узнать, насколько глубоки мои знания о той церемонии, которая должна здесь состояться в Канун Дня Всех Святых, и каковы в связи с этим мои намерения.

Великий Детектив сделал паузу, и мы внимательно посмотрели друг на друга. Он ничего еще не выдал, даже на уровне обоняния.

— И вот я подумал, что пора проявить добрую волю, — наконец сказал он. — Кроме того факта, что я только что, возможно, спас тебя от смертельной опасности, есть еще многое, что я хотел бы сказать, и кое-что, что мне нужно узнать. Мне кажется, это будет выгодно нам обоим. Если ты будешь любезен подтвердить, что понял меня, я продолжу.

Я отвел взгляд. Я ждал этого с того момента, как только он обратился ко мне со своими рассуждениями. Я все еще не решил, как мне реагировать, когда он наконец потребует от меня того, что должно послужить

залогом веры. И именно к этому все и свелось... к вере в профессиональную цельность этого человека, хотя я не был уверен, что он одобрит происходящее здесь, и не имел представления, чему он останется верен — закону или справедливости; и понимает ли он до конца, что поставлено на карту.

Все же я действительно хотел узнать, что ему известно и каковы его намерения, и понимал, что он потом никак не сможет проверить свои предположения на мой счет, даже если я дам ему то подтверждение, которого он добивается. Поэтому я несколько долгих секунд смотрел ему в глаза, потом один раз кивнул.

— Очень хорошо, — отозвался Великий Детектив. — Продолжаю. Большое число преступлений, очевидно, совершено почти каждым, кто участвует в Игре, как вы ее называете. Многие из них невозможно было бы рассматривать в суде, но у меня нет клиента, который требует, чтобы я нашел способ передать дело в суд, и нет желания заниматься этим ради собственного развлечения. Фактически я нахожусь здесь только в качестве друга Скотленд-Ярда с целью расследовать предполагаемое убийство полицейского. И этим делом я займусь в свое время. Однако с момента моего прибытия на меня все большее впечатление производили необычайные события, до тех пор пока — в большой степени благодаря странному состоянию мистера Тальбо и того, кто известен как Граф, — я не убедился, что здесь происходит нечто действительно неестественное. Хоть мне и не нравится такой вывод, личный опыт последних дней заставил меня принять его истинность. Исходя из этого, я вынужден вмешаться в вашу Игру по истечении двух дней.

Я медленно покачал головой из стороны в сторону.

— Нюх, тот негодяй, что только что ушел, планирует убить свою падчерицу в Канун Дня Всех Святых?

Я кивнул.

— Ты одобряешь такое поведение?

Я отрицательно покачал головой, потом повернулся и отошел от него к тому месту, где пыль лежала толстым слоем на досках пола. Лапой провел четыре линии в пыли: ЛТ.

Он последовал за мной и внимательно смотрел. Потом медленно произнес:

— Лоренс Тальбо?

Я кивнул.

— Он планирует предотвратить убийство?

Я снова кивнул.

— Нюх, мне известно о нем больше, чем он думает, и я сам уже много лет экспериментирую со всякими снадобьями. Я знаю, что он намеревается спасти Линет в ночь церемонии, но не верю, что он достаточно точно отмерил дозу, которая позволит ему миновать фазу лунного безумия в его болезни. И в любом случае викарий Робертс знает, что в Игру вмешается некто подобный, и он растопил один из серебряных предметов церковной утвари и отлил пулю для пистолета, который собирается взять с собой той ночью.

Великий Детектив замолчал и изучающе поглядел на меня. Я ему поверил, но не знал, что же делать.

— Единственная роль, которую я предвижу для себя во всем этом деле, будет заключаться в спасении девочки, если мистер Тальбо потерпит неудачу. Чтобы выполнить это, мне от тебя кое-что нужно: я должен знать, где состоится церемония. Тебе это известно?

Я кивнул.

— Покажешь?

Я снова кивнул и посмотрел на дверь. В какое-то мгновение его рука дернулась к моей голове, потом он опустил ее и улыбнулся. Великий Детектив подошел к двери и открыл ее. Мы вышли наружу, я посмотрел в сторону Гнезда Пса и один раз гавкнул. Потом двинулся вперед. Он последовал за мной.

30 ОКТЯБРЯ

Сегодня работы немного. И, похоже, завтра будет то же самое. До ночи. Те из нас, кто еще остался, сойдутся на вершине холма в полночь. Мы соберем хворост и вместе разожжем большой костер. Он будет служить для освещения, и в него будут бросать все кости, травы и другие ингредиенты, которые мы заготавливали весь месяц, чтобы приумножить свои силы и добиться победы над врагами. Костер может отвратительно вонять, а может и чудесно благоухать. Различные силы будут сражаться в нем, играть вокруг, окружая его многоцветным ореолом, время от времени исторгая из него звуки музыки и жалобные стоны, смешанные с шипением и треском. Затем мы встанем полукругом перед тем предметом, который нашими предсказаниями определен как место появления Врат, в данном случае — камнем с надписью. Открывающие и их друзья станут на одном конце полукруга, Закрывающие — на другом. Все принесут с собой орудия, которыми собираются воспользоваться. Некоторые из них нейтральны, например кольцо, магическая чаша, икона; они приобретают свои свойства — открывающие или закрывающие — в руках тех, кто ими владеет; другие — две волшебные палочки, одна для открывания, другая для закрывания — будут, естественно, держать сторонники этих убеждений. У Джил — Открывающая Волшебная палочка, у хозяина — Закрывающая.

Нейтральные предметы поддержат усилия той стороны, которая ими владеет, что может создать впечатление, будто успех зависит от простого численного перевеса. Но это не так. Сила отдельной личности очень много значит; и еще — эти события, по-видимому, порождают странные побочные эффекты, которые влияют на общее распределение сил.

И потом дело еще и в опыте. Теоретически все должно происходить на метафизическом уровне, но в реальности так бывает редко.

Независимо от того, насколько события переходят в физическую плоскость, репутация Джека и его Ножа обычно гарантирует нам надежную защиту от физического нападения. Мы стремимся сохранить свое местоположение в полукруге после начала церемонии, и иногда во время ее с игроками случаются разные происшествия. Между нами устанавливается некое подобие психической взаимосвязи. Разрыв полукруга не обязательно приведет к катастрофе, хотя может привести к потере удачи в каком-либо из звеньев нашей цепочки.

Отдельные игроки начнут выполнять предварительные обряды, часто вступающие в противоречие. Сила будет все нарастать. Чтобы склонить ее в ту или иную сторону, возможны психические атаки друг на друга. Не исключены различные несчастья. Игроки могут падать, сходить с ума, загораться, трансформироваться. Врата могут начать сами открываться в любое время или могут ожидать приказа от Открывающей Волшебной палочки. Тотчас же начнется сопротивление. Вступят в действие Закрывающая Волшебная палочка и все подвластные ей силы.

В конце концов, в результате всех наших манипуляций — а это может продолжаться очень короткое время, хотя теоретически может и затянуться до рассвета (и в такой тупиковой ситуации Открывающим засчитывается поражение) — вопрос будет решен. С проигравшими происходят нехорошие вещи.

Но мне предстояло еще одно дело — необходимо разыскать Ларри. Слишком долго я откладывал и не сказал ему правду о Линде Эндерби. Теперь мне надо будет

рассказать ему и о замыслах викария, и об ожидающей его серебряной пуле. Это может радикально изменить планы Ларри.

Несколько раз я лаял и царапал лапой его дверь. Никто не отозвался. Я обошел вокруг дома, заглядывая в окна, царапая лапой, снова лаял. Никакого ответа. Дом казался покинутым.

Однако я не ушел, а снова сделал круг, принюживаясь, анализируя каждый запах. Его запах ощущался сильнее всего позади дома, все указывало на то, что он ушел совсем недавно. Тогда, опустив нос к земле, я побежал по оставленному им следу. Он привел меня к небольшой рощице в дальнем конце владений Ларри. Из ее глубины доносилось слабое журчание бегущей воды.

Пробираясь между деревьями, я обнаружил, что ручей, пересекающий его владения, перегорожен и образовал небольшой пруд у того места, где он вытекал из рощи. Маленькие горбатые мостики были переброшены через ручей — и на месте его впадения в пруд, и на месте выхода.

По обеим сторонам ручья землю кто-то расчистил и засыпал слоем песка. Довольно большие замшелые камни были искусно размещены в нарочитом беспорядке. Песок разрисован завихряющимися линиями. Там и сям виднелось несколько низких растений. Возле самого большого камня, лицом к востоку, сидел Ларри в задумчивой позе, глаза его были почти закрыты, дыхание едва слышным.

Мне очень не хотелось нарушать его медитацию и покой этого места, и если бы я знал, сколько это продлится, я бы с радостью подождал или даже ушел и вернулся попозже. Но определить это у меня не было никакой возможности, и, поскольку новости, которые я ему принес, касались угрозы его жизни, я подошел к нему.

— Ларри, — произнес я, — это я, Нюх. Простите, что потревожил вас...

Но я его не потревожил. Он не подавал никаких признаков, что слышит меня.

Я повторил свои слова, внимательно глядя ему в лицо, прислушиваясь к его дыханию. Ничего не изменилось.

Я протянул лапу и потрогал его.

Никакой реакции. Я громко залаял. Будто и не лаял. Ларри ушел очень далеко, где бы это место ни находилось. Поэтому я задрал морду и завыл. Он не обратил внимания, и никакого значения это не имело. Просто хорошо повыть, когда ты в отчаянии.

31 ОКТЯБРЯ

И вот настал этот день; с севера дул слабый ветер, и небо закрывали облака. Я сказал себе, что и не думаю нервничать, что мне, как ветерану таких событий, чужды трепет ожидания, приступы беспокойства, волны настоящего страха. Я уже спустился в подвал, чтобы начать обход, когда понял, что мне не надо делать никакого обхода, и поймал себя на том, что снова и снова возвращаюсь, чтобы проверить собранные нами ингредиенты и орудия. В конце концов я вышел и навестил Ларри. Он покинул свою рощу, и дом казался пустым.

Я пошел искать Серую Метелку. Встретившись, мы совершили вместе прогулку. Долго бродили молча, потом она сказала:

— Вы с Джеком будете там единственными Закрывающими.

— Похоже, что так, — ответил я.

— Мне очень жаль.

— Все в порядке.

— Мы с Джил идем на собрание в дом викария после обеда. Моррис и Маккаб тоже там будут.

— Вот как? Стратегическое совещание?

— Наверное.

Мы поднялись на Гнездо Пса и огляделись. Перед большим камнем кто-то соорудил возвышение из камней, напоминающее алтарь. На нем лежали тяжелые доски. Чуть подалее уже был свален в кучу хворост для костра.

— Прямо здесь, — сказала она.

— Да.

— Мы будем протестовать против жертвоприношения.

— Хорошо.

— Ты думаешь, Ларри удастся осуществить свой план?

— Не знаю.

Мы спустились не с той стороны, откуда поднимались, и обнаружили еще несколько бесформенных следов.

— Интересно, что теперь будет с этим громадным парнем? — сказала Метелка. — Мне его жаль. В ту ночь, когда он схватил меня на руки, он не хотел сделать мне больно, я точно знаю.

— Еще один пропавший, — заметил я. — Да, печально.

Мы снова шли молча, потом она промолвила:

— Я хочу стоять рядом с тобой в полукруге. Полагаю, викарий встанет с левого края, рядом с ним — Моррис и Маккаб, с ними Текела и Ночной Ветер, потом Джил. Я встану справа от нее. Займу позицию на три шага впереди. Таким образом, вы с Джеком окажетесь рядом с нами.

— Да?

— Да, специально разработано такое размещение. Ты должен быть справа от меня и немного сзади, то есть слева от Джека.

— Почему?

— Потому что с тобой может случиться что-то плохое, если ты станешь справа.

— Откуда ты знаешь?

— Немного житейской мудрости.

Я обдумал положение. Старый кот из Царства Грез, очевидно, был на ее стороне, а она — Открывающая. Следовательно, могла пытаться подставить меня. Тем не менее ее замечания относительно Древних звучали почти пренебрежительно, и она, казалось, испытывает ко мне симпатию. Здесь здравый смысл заканчивался. Я знал, что придется довериться своим чувствам.

— Я так и сделаю.

Когда мы подходили к своему участку, я сказал:

— Собираюсь еще раз пойти и посмотреть, не вернулся ли Ларри. Хочешь пойти со мной?

— Нет. Это совещание...

— Ладно. Ну... Это... было хорошо.

— Да. Я никогда раньше так близко не знакомилась с собакой.

— То же могу сказать о себе и кошках. Значит, до скорого.

— Да.

Она отправилась домой.

Я снова обыскал все вокруг дома Ларри, но не нашел никаких признаков его возвращения. По дороге домой я услышал, как кто-то прошипел мое имя из пучка травы.

— Нюх, старина. Приятно снова повидать тебя. Я как раз полз к тебе. Ты сократил мне путь...

— Шипучка! Что ты тут делаешь?

— Слонялся в том саду, подкармливался, — ответил он. — Просто заполз сюда, чтобы быстренько перекусить по дороге.

— А зачем ты меня искал?

— Узнал кое-что. Хотел, чтобы и ты знал.

— Что? — спросил я.

— Наверное, я подцепил дурную привычку от Рас-това. Посмотри на меня. Я чувствую себя так, будто меняю кожу.

— Ничего похожего.

— Знаю. Но я действительно любил его. Когда мы с тобой расстались, я направился в сад и начал поедать старые, перебродившие фрукты. С ним было... уютно. Я чувствовал, что нужен кому-то. Теперь фруктов почти не осталось. Я приду в себя. Но мне его будет не хватать. Хороший был человек. Викарий прикончил его — это мне рассказал Ночной Ветер. Хотел сузить рамки. Поэтому Граф убрал Оуэна, чтобы викарий поостерегся. Вы ведь доберетесь до викария, правда?

— Шипучка, ты, наверное, перебрал. Оуэна убили после того, как Графа проткнули колом.

— Умно, правда? Вот об этом я и хотел тебе рассказать. Он нас надул. Он все еще здесь.

— Что? Каким образом?

— Как-то ночью я набрался до чертиков, — сказал Шипучка, — и вдруг почувствовал себя ужасно одиноким. Не хотелось оставаться одному, поэтому я пополз

искать кого-нибудь или что-нибудь — огней, движения, звуков. Я добрался до цыганского табора, это было как раз то, что надо. Свернулся под кибиткой, рассчитывая провести там ночь, а утро вечера мудренее. Но подслушал обрывки разговора в кибитке, которые заставили меня забраться наверх и пролезть в щель между досками пола. Я случайно выбрал ту самую кибитку, где сидели два сторожа. Иногда они говорили на своем языке, иногда по-английски — младший хотел попрактиковаться... Я узнал всю историю. Даже нашел отверстие, сквозь которое видел гроб.

— Он у цыган?

— Да. Они охраняют его днем, когда он спит, и сторожат ночью, когда Граф улетает.

— Так, значит, он фальсифицировал свою смерть, — пробормотал я. — Одел тот скелет, который мы нашли, в свою одежду, и сам проткнул его колом.

— Да, разваливающийся скелет, который уже лежал там.

— ...И поэтому на нем не оказалось кольца.

— Да, и здесь он тоже был в безопасности. Любой, кто нашел бы останки, подумал бы, что кольцо взял убийца.

Меня пробрал холод.

— Шипучка, он ведь устроил все это уже после смерти луны, да?

— Да. На твои расчеты это не повлияет.

— Хорошо. Но вот чего я не понимаю: Граф убил Оуэна, потому что викарий убил Растова. Отражает ли это конкретные симпатии Графа? Или он просто намерен сдерживать викария и не давать распространиться насилию?

— Не знаю. Об этом ничего не говорили.

Я тихо зарычал.

— Сложная задача.

— Согласен. Теперь тебе известно все, что знаю я.

— Спасибо. Хочешь пойти со мной?

— Нет. Я и правда вышел из Игры. Удачи тебе.

— И тебе, Шипучка.

Я слышал, как он уползает прочь.

После обеда прошел небольшой дождик, который прекратился вскоре после захода солнца. Я вышел из

дома, чтобы посмотреть, взошла ли луна, и Бубон пошел со мной. Но небо все еще закрывали облака, и мы увидели только большое яркое пятно света на востоке. Дул холодный ветер.

— Значит, время пришло, — сказал Бубон. — К утру все будет решено.

— Да.

— Хотел бы я участвовать в Игре с самого начала.

— Может, так оно и было. Ты же играл, в каком-то смысле: обменивался информацией, наблюдал за ходом событий, так же как и все мы.

— Да, но не делал ничего по-настоящему важного.

— Важнее всего те мелочи, которые, складываясь вместе, дают нам окончательную картину.

— Наверное, — согласился Бубон. — Да, было забавно. Как ты думаешь... Нельзя ли мне тоже пойти? Мне бы хотелось увидеть, как это произойдет, чем бы все ни кончилось.

— Извини, — ответил я. — Мы не можем взять на себя ответственность еще и за непосвященного. Борьба, наверное, будет жесткой.

— Понимаю, — сказал он. — Я так и думал, что ты это скажешь, но должен был спросить.

Через некоторое время я покинул его, а он остался смотреть на небо. Луна все еще пряталась.

И вот...

Мы вышли до полуночи, конечно, Джек и я. Он надел теплую куртку и взял сумку с принадлежностями. В другой руке у него было несколько небольших поленьев для костра. Мы ушли, не заботясь об оставшейся незапертой двери.

Небо над головой начало проясняться, хотя луна по-прежнему была закрыта. Тем не менее ее проникающее сквозь облака сияние вполне сносно освещало нам дорогу. В спину дул прохладный влажный ветер.

Вскоре показалось Гнездо Пса, и Джек решил, что мы должны обойти его и подняться по восточному склону.

Так мы и сделали, и когда поднялись на вершину, в кругу у камня с надписью уже слабо мерцало пламя. Подойдя поближе, мы увидели викария Робертса, Морриса и Маккаба, суеющихся вокруг небольшого костра,

который явно только что разожгли и раздували, чтобы расширить пределы его влияния. Теперь ухо викария уже не было забинтовано, и свет просачивался сквозь два больших отверстия. Груда хвороста стала гораздо выше, чем тогда, когда мы приходили сюда с Серой Метелкой.

Гибельный костер — необходимая часть нашего дела. Он берет начало в туманной глубине истории Игр. Обе стороны нуждаются в нем, поэтому, в некотором смысле, он — нейтральное орудие. После полуночи он уже горит не в одном нашем мире, и мы можем бросать в него те предметы, которые прибавляют нам силу и служат достижению наших целей. Он привлекает существа из других миров, симпатизирующие обеим сторонам, а также нейтральных духов, которые могут принять чью-либо сторону в ходе событий. Через него могут проходить голоса и возникать картины, и он служит второстепенным, вспомогательным пунктом проявления для открывающего или закрывающего объекта, каким бы тот ни был. Как правило, мы все приносим что-нибудь, чтобы бросить в костер, и он взаимодействует со всеми нами на протяжении всего ритуала. Например, я помог на одну из наших палок за несколько дней до этого. Случалось, что языки пламени нападали на игроков; и я помню случай, когда одного из игроков защитила созданная им стена огня. Еще он годится для уничтожения вещественных доказательств и полезен в особенно холодные ночи.

— Добрый вечер, — сказал Джек, когда мы приблизились, и добавил к груде хвороста свои поленья.

— Добрый вечер, Джек, — отозвался викарий, а Моррис и Маккаб кивнули.

Линет лежала на спине на алтаре, голова повернута к нам, глаза закрыты, дыхание замедленное. Наркотики, конечно. На ней было длинное белое одеяние, черные волосы распущены. Я отвел взгляд. Очевидно, протест был отклонен. Принюхался к запахам в воздухе. Пока никаких следов Джил и Серой Метелки.

Костер разгорелся ярче. Джек положил свою сумку и пошел помогать у костра. Я решил быстро обойти дозором местность и сделал большой круг. Ничего необычного не обнаружил. Пошел посмотреть на огром-

ный камень. Как раз в этот момент из-за облаков показался краешек луны, и свет упал на камень. Знаки опять стали видны — черные на фоне освещенной поверхности. Я вернулся и сел возле сумки Джека.

На викарии был надет темный плащ, который при каждом его движении издавал шуршание, похожее на свист. Он не скрывал того факта, что викарий — низенький и толстоватый человечек, и никак не усиливал и не уменьшал впечатление угрозы, исходившей от него. Угроза была в лице викария, в напряженном выражении контролируемой одержимости. Двойное отражение луны плясало в его очках.

От совместных усилий гибельный костер разгорелся до внушительных размеров. Викарий первым что-то бросил в него — маленький сверток, который затрещал и вспыхнул синим пламенем. Я принялся. В нем были травы, которые мне уже раньше встречались. Моррис добавил еще два свертка, в которых, как я почувствовал по запаху, лежали кости. Джек прибавил очень маленький пакетик, давший зеленую вспышку. Я швырнул в огонь кое-что от себя, вместе с помеченной мною палкой. Луна полностью выскользнула из-за облаков.

Викарий подошел и пристально посмотрел на надпись, даже не взглянув на падчерицу. Затем попятился назад, повернулся направо, сделал несколько шагов, остановился, снова повернулся к камню. Слегка сдвинулся в сторону, провел по земле линию каблуком башмака.

— Я расположусь здесь, — заявил он, бросив взгляд на Джека.

— Возражений не имею, — сказал Джек. — Ваши сторонники станут справа от вас, полагаю?

— Именно так я и задумал. Моррис здесь, Маккаб справа, потом Джил.

Джек кивнул, и как раз в этот момент по лику луны скользнула темная тень. Через несколько секунд с неба упал Ночной Ветер и сел на грудь хвороста.

— Привет, Нюх, — сказал он. — Не хочешь перейти на нашу сторону?

— Нет, благодарю. А ты?

Он проделал одно из своих странных вращательных движений головой.

— Думаю, нет, особенно когда перевес на нашей стороне, во всех отношениях.

Вскоре прилетела Текела, с карканьем приземлилась викарию на плечо.

— Приветствую, Ночной Ветер, — сказала она.

— Доброй тебе Игры, сестра.

Текела посмотрела на меня и отвела взгляд. Она ничего не сказала. Я тоже.

Все подбросили в костер еще хворосту и еще ингредиентов. Наконец в костер положили пару довольно больших поленьев. Разноцветные язычки пламени заиграли вокруг них, и вскоре поленья потемнели и на их поверхности заплясали огоньки. До меня доносилась смесь разных запахов по мере того, как в костер летели порошки, кости, травы, куски плоти — как человеческой, так и всякой другой. Туда же вылили несколько флаконов жидкости, отчего пламя пригасло и потянулись тяжелые, ползучие полосы дыма вслед за короткими яркими вспышками. Мне показалось, что в треске я различаю начинающийся на уровне подсознания шепот.

Я услышал шаги Джил, поднимающейся по северному склону, задолго до ее появления. Когда она появилась, еще несколько мгновений ее почти невозможно было различить на фоне ночи, потому что одета она была в черный плащ с капюшоном поверх длинного черного платья. Джил казалась выше, стройнее; на руках она несла Серую Метелку, но опустила ее на землю тотчас же, как вышла на ровное место.

— Добрый вечер, — сказала она всем сразу. Все четверо мужчин ответили.

— Привет, Нюх! — Ко мне подошла Серая Метелка.

— Костер уже хорошо горит.

— Да.

— Как видишь...

— Ваш протест не приняли во внимание.

— Ты нашел Ларри?

— Нет.

— Плохо!

— Есть запасной план, — сказал я, и как раз в этот момент к нам приблизился Ночной Ветер, чтобы поздороваться с Серой Метелкой.

У меня возникло сильное желание завтыть на луну. Это была такая подходящая для вытьтя луна... Но я сдержался. До меня донесся аромат благовоний. Джил только что начала бросать в костер свертки. Луна подплыла ближе к середине небосвода.

— Как мы узнаем, что пора начинать? — спросила у меня Серая Метелка.

— Когда сможем разговаривать с людьми. Как твоя спина?

— Теперь уже в порядке. Ты выглядишь полным сил.

— Со мной все хорошо.

Некоторое время мы смотрели в огонь. Положили еще одно полено и еще несколько свертков. Запахи смешались в сладкий, соблазнительный букет. Теперь языки пламени взлетали выше, все время меняли цвет, мелькали на ветру. В них иногда рождались резкие, звенящие музыкальные звуки, возникали и пропадали за порогом слышимости голоса. Когда я отвел взгляд от костра, мое внимание привлек новый источник света. Надпись начала светиться. Луна над головой достигла середины небосвода.

— Джек, ты меня слышишь? — позвал я.

— Ясно и отчетливо, Нюх. Добро пожаловать в лунный свет. Что у тебя на уме?

— Просто проверяю время, — ответил я.

Внезапно одновременно заговорили Ночной Ветер с Моррисом и Маккабом, Текела с викарием.

— Полагаю, пора занять свои места; — сказала Серая Метелка.

— Пора, — отозвался я.

Она пошла за Джил, которая бросала последний свертки в огонь. Теперь воздух над разноцветными языками пламени дрожал и искажал перспективу, будто костер горел одновременно в нескольких местах, и в дрожащем воздухе прямо над ним можно было уловить мелькающие изображения некоторых из этих мест. Откуда-то с северной стороны раздался волчий вой.

Викарий подошел и встал на то место, которое указал ранее. Моррис и Маккаб заняли свои места справа от него; Ночной Ветер стоял на скале между ними. Затем Джил встала рядом с Маккабом, рядом с ней — Се-

рая Метелка, но на три кошачьих шага впереди. Я пошел и встал возле нее, Джек — справа от меня. Линия получилась неровной, вогнутой стороной к большому камню, а Джек и викарий очутились друг против друга. Линет дремала на алтаре примерно в десяти футах впереди от меня.

Откуда-то из складок плаща викарий вынул магическую чашу и поставил ее на землю перед собой. Потом достал Альхазредскую икону, которую прислонил к камню слева от себя, лицом к светящемуся камню. Ночной Ветер поменял место и теперь стоял позади магической чаши. Открывающие всегда начинают, в то время как работа Закрывающих — ответные действия.

Сумка Джека справа от него уже была открыта, ведь он доставал из нее различные ингредиенты для губительного костра, но теперь он нагнулся и распахнул ее пошире, для того чтобы удобнее было залезать в нее.

Маккаб встал на колени и расстелил на земле перед собой кусок белой ткани. Поскольку дул ветер, он придавил ее по углам маленькими камешками. Потом вынул из разукрашенных ножен на поясе длинный тонкий кинжал, который показался мне ножом для жертвоприношений, и положил его на ткань, острием к алтарю.

Затем погасла луна. Все мы посмотрели вверх, когда ее заслонил темный силуэт, снижающийся, летящий к нам. Моррис пронзительно вскрикнул, когда тот упал на землю, меняя свои очертания, как будто вокруг него парили темные покровы. А потом луна снова засияла, и клочок полуночного неба, упавший сверху, опустился на землю рядом с Джеком, и я увидел ту искажающую зрение трансформацию, о которой рассказывала Серая Метелка, — то тут, то там, выверт, завихрение, темный изгиб, — и вот Граф стоит рядом с Джеком, улыбаясь совершенно злобной улыбкой. Он положил левую руку, на которой виднелось черное кольцо, на правое плечо Джека.

— Я — на его стороне, — произнес он, — чтобы закрыть вам путь.

Викарий Робертс уставился на него и облизнул губы.

— По-моему, подобные вам должны больше склоняться в сторону нашей точки зрения, — заявил он.

— Мне нравится мир таким, какой он есть, — ответил Граф. — Прошу вас, давайте начнем.

Викарий кивнул.

— Начнем, — сказал он, — и закончим должным образом, широко распахнув Врата.

Граф швырнул в костер сучок и маленький сверток. Огонь плясал свой красочный танец, потрескивая и звеня, прожигая дыру в ночи, сквозь которую просачивались теперь поющие голоса. Мимо нас все время двигались тени, падали на алтарь и на поверхность камня. Я снова услышал вой, теперь уже гораздо ближе.

Я взглянул на викария и увидел, как он вздрогнул. Но вот он выпрямился и сделал открывающий жест. Произнес могущественное слово, звучно и медленно. Оно повисло в воздухе, отдаваясь эхом.

Надпись на камне начала светиться немного ярче, и теперь я уже мог различить, как образуется похожий на дверь прямоугольник, обрамляющий ее, та конфигурация, которая недавно втянула меня и Серую Метелку и отправила в путешествие по Стране Грез. Викарий повторил слово, и прямоугольник стал четким.

В пении стали слабо слышны повторяющиеся слова: «Йа! Шаб-Ниггурат!», словно раздающиеся в ответ. Впереди меня Серая Метелка поднялась и стояла неподвижно.

Тогда викарий, вместо того чтобы перейти к следующему этапу, повернулся и медленно двинулся к ткани, на которой покоился жертвенный нож. Я заметил, что Альхазредская икона за его спиной тоже начала светиться. Он опустился на колени, поднял нож обеими руками, поднес к губам и поцеловал. Потом встал и повернулся к алтарю. Текела все это время сидела у него на плече.

Справа от меня, за спинами Джека и Графа, что-то промелькнуло. К нам приближалась еще одна темная тень.

Викарий успел сделать всего один шаг, как огромный серый волк возник в свете костра и бросился мимо него к алтарю. Прибыл Ларри Тальбо, по всей видимости, вполне владея своим рассудком.

Он ухватил девочку за левое плечо зубами и стащил с алтаря. Быстро пятясь назад, точно так же, как тогда

с полицейским, он поволок ее мимо нас направо, к северу, туда, откуда пришел.

Грохот выстрела потряс воздух, и Ларри споткнулся, на его левом плече появилось и стало расплзаться темное пятно. Викарий держал в руке дымящийся пистолет, направленный в сторону Ларри. Однако Ларри почти тотчас же возобновил движение, и викарий выстрелил снова.

На этот раз кровь выступила на голове Ларри, он издал стон, челюсти его разжались, и Линет упала на землю. Затем Ларри свалился вперед, и по нему поплыли тени и свет от костра. Пение продолжалось — «Йа! Шаб-Ниггурат!», — сопровождаемое странной музыкой. Викарий снова нажал курок. Пистолет издал щелчок, но выстрела не последовало. Он тотчас же опустил его и стал дергать боек. Неожиданно раздался резкий выстрел, и пуля подняла фонтанчик пыли у южного края алтаря. Викарий отшвырнул прочь пистолет; возможно, он отлил всего три пули. Кустарные пули...

— Положите ее обратно на алтарь! — приказал викарий.

Моррис и Маккаб сейчас же покинули свои места и двинулись к распростертой девочке. Бока Ларри все еще тяжело вздымались, глаза были закрыты. Теперь на его голове, шее и плече было гораздо больше крови.

— Остановитесь! — сказал Граф. — Игрокам запрещено перемещать жертву, когда церемония уже началась!

— Никогда не слышал о таком ограничении, — возразил викарий.

— Это часть традиции, — вмешался Джек. — Жертве должен быть оставлен, пусть небольшой, пусть даже символический, путь к спасению. Им позволяют уйти так далеко, как только они смогут. Их могут остановить. То место, где они упадут, становится новым алтарем. Если вы поступите иначе, вы разрушите схему, которую мы создали. Последствия могут быть катастрофическими.

Викарий на секунду задумался, потом сказал:

— Я вам не верю. Нас больше. Это блеф Закрывающего, чтобы смутить меня. Моррис! Маккаб! Положите ее обратно!

Они двинулись к ней, но тут Граф шагнул вперед.

— В подобных случаях, — произнес он, — противной стороне позволено воспрепятствовать такой профанации.

Я услышал в отдалении тяжелые шаги, но мне показалось, что они не приближаются к холму, а удаляются в сторону. Моррис и Маккаб заколебались, потом двинулись вперед, протягивая к Линет руки. Граф перелился. Казалось, он не шелохнулся, но неожиданно очутился рядом с ними. Поднял руки, развел их в стороны вместе с ниспадающим плащом; протянул их вперед и полностью закутал Морриса и Маккаба в складки плаща. Всего секунду он стоял, скрестив на груди руки, а потом послышался треск.

Он развел руки в стороны, и те двое упали на землю и лежали, странно изогнувшись, из их глаз, носа и рта потекла кровь. Глаза были широко раскрыты. Они не дышали.

— Вы посмели? — закричал викарий. — Вы посмели тронуть моих людей?

Граф медленно повернул голову, снова поднимая руки.

— Вы имеете наглость обращаться ко мне подобным образом? — произнес он.

Он снова потек вперед, хотя на этот раз медленнее. Музыка становилась все более и более отчетливой, пение звучало громче, надпись светилась все ярче. И как раз когда Граф двинулся, я заметил молчаливую фигуру в тени справа от меня, чье присутствие сначала ощутил в виде запаха, знакомого мне по встрече в лесу при лунном свете. Он бесшумно приближался, тот самый чужой волк.

Рука викария змеей выскользнула из-под плаща и швырнула что-то в сторону Графа. Сейчас же течение прекратилось, и Граф застыл. Тем временем, загороженный от взора викария телом Графа, чужой волк впрыгнул в круг света от костра, ухватился за плечо Линет, продолжил то, что начал Ларри, потащив ее назад в темноту.

Граф вдруг лишился всей своей грациозности. Закачался. Сделал неверный шаг к викарию, рука которого

вновь нырнула под плащ, вновь появилась и повторила прежнее движение.

— Что... это? — спросил Граф, качнувшись к викарию, который отступил назад.

Затем Граф упал.

— Прах из одного из ваших собственных гробов, — ответил викарий, — смешанный с кусочками реликвии с алтарного камня моей церкви, оставшегося еще с папистских времен. Косточка пальца святого Хилариана, если верить записям. Вам необходима ваша освященная земля, но избыточное освящение подобно разнице между целительной и убийственной дозой стрихнина. Вы согласны?

Граф пробормотал что-то в ответ на иностранном языке. А в это время волк с Линет исчез из виду; и я понял, что все его беседы с Ларри плюс собственные познания в наркотиках и добытые им образцы привели его несколько дней назад к успеху и он определил собственную идеальную дозу; и я только что стал свидетелем появления Великого Детектива в самой великой из всех его ролей.

Я провыл в ночную тьму:

— Хорошая работа!

— Желаю удачи! — донеслось до меня в ответ через несколько мгновений.

Теперь надпись сверкала, как алмаз. Возможно, свою роль сыграла смерть Морриса и Маккаба, трудно сказать. Викарий поднял голову и увидел, что Линет исчезла. Он бросил разъяренный взгляд на Джил.

— Вы должны были предупредить меня!

— Я только сейчас заметила, — ответила она.

— И я тоже, — вставил Ночной Ветер.

Викарий подобрал жертвенный нож, который перед тем уронил, снова занял прежнюю позицию и воткнул нож в землю у ног. Потом выпрямился, повторил слово власти и прибавил еще одно. Тотчас же его лицо превратилось в кабанье рыло, с пяточком, клыками и с разорванным ухом. Это продолжалось с минуту — до того, как Ларри открыл глаза. Он повернул голову, увидел, что Линет исчезла, быстро взглянул на алтарь и увидел, что ее там нет. Попытался подняться, но ему это не удалось. Я старался понять, насколько серьезно его поло-

жение. Правда, крови много, но раны в голову часто сильно кровоточат. Даже серебряная пуля должна попасть в какой-нибудь важный орган. Ларри попытался ползти вперед, ему удалось продвинуться на полфута, потом он остановился, тяжело дыша.

Викарий произнес еще одно слово. Серая Метелка внезапно сделалась полосатой, как маленький тигр. Это тоже быстро прошло. Текела начинала походить на стервятника. Джил вдруг превратилась в древнюю каргу, согнутую дугой, ее крючковатый нос почти касался торчащего вперед подбородка, космы седых волос падали на лицо. Я взглянул на Джека и увидел, что у него лохматая голова большого бурого медведя, желтые глаза уставились куда-то вперед, из уголков пасти течет слюна. Моя собственная шерсть стала кроваво-красной и мокрой; и я чувствовал, будто из моего лба растут рога. Не имею представления, на что я стал похож, но Серая Метелка в панике попятилась от меня.

Боров снова заговорил, и его слово прозвенело колоколом в холодном воздухе. Граф неожиданно стал скелетом, завернутым в черное. Что-то невидимое пронеслось над головами, хохоча, как безумное дитя. Бледные грибы выросли вокруг нас, и порывы ветра донесли запах серы из костра. Из его огня выползала наружу зеленая жидкость, разливаясь пузырящимися потоками. В пении теперь слышались все наши имена. Маккаб превратился в женщину, размалеванное лицо которой начало отходить от костей полосками, как кожа. Рядом с ним Моррис стал обезьяной, его длинные волосатые руки доставали до земли, и он опирался на костяшки пальцев. Рот его был широко открыт, обнажив широкие десны и зубы. Ларри стал истекающим кровью человеком, распростертым на земле. Воздух перед нами задрожал и превратился в зеркало, показывая отражение всей картины. Потом головы наших отражений отделились и поплыли влево.

Странное это было чувство — переходить из одного в другого, — потому что мне казалось, будто я не сдвинулся с места, хоть и ощутил внезапный груз медвежьей головы, увидел, как кабанья проплыла мимо и опустилась на плечи Джека. У Серой Метелки вдруг оказалась непомерно огромная, рогатая голова демона; у Джил —

полосатая кошачья головка, и так далее по всей длине нашего полукруга.

Потом тела передвинулись вправо, и я стал кошкой с головой медведя, лежащей распластавшись под ее тяжестью; сердце мое стучало, как паровой двигатель. Джек стал демоном с головой борова. Снова наверху раздался смех. Если это не мое тело и не моя голова, тогда что же я такое — что распростерлось тут, среди грибов и вони, в чьих ушах звенит новая волна песнопений? Иллюзия, это должна быть иллюзия, не так ли? Никогда я не знал прежде, и все еще не знаю.

Грибы почернели, сморщились и опали, когда горячий зеленый поток добрался до них. Наши отражения в зеркале заколебались, превратились в разноцветные кляксы, слились воедино. Я снова взглянул вниз, но все тонуло в тумане. Потом — вверх, где что-то почти незаметно изменилось. Луна стала кроваво-красной и капала на нас. Мимо нее пролетела падучая звезда. Еще одна. И еще. Вскоре множество звезд дождем посыпалось с небес.

Зеркало треснуло, и мы с Джеком оказались стоящими в одиночестве на нашем конце, наш облик вернулся к нам, а сильный порыв ветра с севера сдул туман прочь. Другие тоже стали ясно видны — в прежнем виде, в разбитом на куски отражении. Звездопад поредел. Луна сделалась розовой, потом снова вернула себе цвет масла и слоновой кости. Я вздохнул и остался на месте, почувствовал, как Серая Метелка скользнула по мне взглядом.

Зеленые щупальца из костра начали застывать подобно лаве. В какой-то момент мне послышались из костра разнообразные звуки, издаваемые животными: бляение, ржание, подвывание, скулеж, резкий лай, несколько разновидностей воя, кашель гигантской кошки, карканье, кошачий вопль. Потом воцарилась тишина, только сам костер потрескивал и шипел.

В воздухе родилась знакомая дрожь. Настало время Открывания. Я оглянулся назад, на Джека, и понял, что он тоже это почувствовал.

Ларри прополз еще на один фут вперед. Я смотрел на викария, когда он произносил завершающее заклинание. Увидел, как дернулась левая рука Графа. Но, оче-

видно, викарий тоже это заметил; он наклонился и поднял магическую чашу. Что-то темное слетело с кольца Графа, но викарий поймал его в магическую чашу, и оно отразилось в ночную тьму. В любом случае было уже, наверное, поздно убивать этого человека, так как Открывание определенно началось. Викарий снова нагнулся, взял икону и положил ее Графу на грудь. Кольцо больше не вспыхивало. В общем, глядя на Ларри и Графа, я поневоле испытал нечто вроде своеобразного уважения к викарию. Этот человек гораздо лучше знал свое дело, чем я мог предположить.

— Джил, — позвал он, — теперь пустите в ход волшебную палочку.

Джил достала из-под своего плаща волшебную палочку, подняла ее. Странно, но свечение камня на мгновение перестало усиливаться. В одно мгновение Джек тоже выхватил свою палочку, поднял ее и направил на ту же цель. Я снова услышал тяжелые шаги; на этот раз они приближались к нам. Прямоугольник опять стал наливать светом, и в нем открылась великая глубина, в которой плавали разноцветные огни. Крики из губительного костра раздавались все громче: «Йа! Шаб-Ниггурат! Слава Черному Козлу!» Музыка тоже стала сильнее, а луна над головой сияла подобно маяку. Ларри полз все дальше. Справа в поле зрения появился экспериментальный человек и направился к нам. Я взглянул на Джека. На его лбу выступили капли пота. Я видел, что он переливает свою силу и волю в волшебную палочку, но Открывание продолжалось.

Экспериментальный человек доковылял до нас.

— Слав-на-я ко-шеч-ка, — произнес он, останавливаясь перед Джеком, что прикончило бы любого другого, но от гиганта уже и так пахло смертью, и он, по-видимому, ни о чем не подозревал.

Неожиданно Открывание остановилось, Врата отчасти потеряли свою глубину. Экспериментальный человек нагнулся и быстро схватил Серую Метелку.

— Слав-на-я ко-шеч-ка, — повторил он.

Потом повернулся и пошел обратно, в том направлении, откуда появился.

— Отпусти меня! — закричала Серая. — Я сейчас не могу уйти!

Он уселся перед костром и начал ласкать ее. Ларри продолжал ползти, теперь уже не останавливаясь.

Врата снова приобрели глубину. Мне показалось, что я увидел щупальце, шевельнувшееся внутри. Потом нечто большое и бесформенное поплыло в нашу сторону.

— Не слишком хорошо получается, — услышал я тоненький голосок.

Я огляделся в поисках источника. Голова Бубона вынырнула из левого кармана куртки Джека.

— Бубон, что ты здесь делаешь? — спросил я.

— Я должен был это увидеть, — сказал он, — чтобы узнать, правильно ли я поступил. Теперь я уже не вполне уверен.

Да, это было щупальце, тянущееся из темной приближающейся массы, нащупывающее Врата...

— Что ты хочешь сказать? — спросил я.

— Я — крыса из стаи. Я подумал, что вы остались в меньшинстве и у них больше орудий, а я хотел, чтобы победа была на вашей стороне. Поэтому я сделал то единственное, что умел...

— Что? — спросил я, уже начиная догадываться.

Темная масса была уже гораздо ближе, я чувствовал густой запах мускуса, как от рептилии. Экспериментальный человек отпустил Серую Метелку, встал и снова направился к нам. Ларри продвинулся гораздо дальше влево от меня. Из Врат вынырнуло щупальце, пошарило кругом, наткнулось на правую ногу Морриса, обвилось вокруг нее и втащило его внутрь. Через мгновение оно вернулось за Маккабом. Послышались чавкающие звуки.

— Я устроил так, чтобы они потерпели поражение, после того как избавятся от вас, — объяснил Бубон.

— Как?

Теперь появилась целая масса щупальцев, и все они, извиваясь, ползли к Вратам.

— Я прокрался вчера ночью, — сказал Бубон, — и поменял местами волшебные палочки.

Мне показалось, что я слышу странные звуки кошачьего смеха. Так трудно определить, когда они улыбаются. Старый кот велел мне принести палку...

Capre baculum: хватай волшебную палочку.

Я взвился в воздух, схватил ее зубами и вырвал из руки Джека. Я видел его изумленное лицо, когда проделывал это. Ужасный порыв ветра пронесся мимо нас. Я услышал крик викария: «Нет!» Текела взлетела вверх с его плеча, хлопая крыльями.

Повернув голову, я увидел, что Врата закрываются. Раздалось рычание, которым мог бы гордиться сам Рычун, и Ларри прыгнул на викария. Они покатались по земле, перекатались прямо через Графа, сбив с его груди икону. Затем мощный ветер подхватил их и понес к закрывающимся Вратам и дальше, в туннель. У Джил был озадаченный вид, она продолжала размахивать закрывающей волшебной палочкой, ее волосы и плащ развевались и летели вперед. Джек взял себя в руки. Он потянулся к сумке, запустил в нее руку, вытащил бутылку портвейна, в которой сидели ползуны, и швырнул ее в туннель, чтобы заклеить его. Потом широко улыбнулся мне.

— В бую любой порт хорош, — заметил он.

Я чувствовал, как вихрь толкает меня вперед. Ночной Ветер пытался забиться за камень. В этот момент подошел экспериментальный человек и остановился перед нами, и давление ветра неожиданно ослабело.

— Где Граф? — спросил он. — Неужели Серая Метелка послала его за нашим союзником?

— Вон тот человек на земле! — ответил я. — Унеси его отсюда!

Гигант прошел мимо нас, покачиваясь, но не уступая ветру. Наклонился, ухватился за распростертое тело и поднял его на руки. Я бросил взгляд на Врата. Они уже немного потемнели. Язычки пламени от разбросанного костра горели в десятке мест, еще столько же точек мерцало угольками. Несколько таких угольков мигнуло и погасло у меня на глазах.

Джил уставилась на волшебную палочку, которую держала в руке, и я видел по выражению ее лица, что она начала понимать.

Я услышал из тени голос Серой Метелки:

— Пошли! Уносим ноги!

Бубон уже нырнул обратно в карман Джека, и мы поспешили последовать ее совету. Одна-единственная нота прозвенела в воздухе, будто разбился хрустальный

бокал. Камень снова стал пустым. Резко стих ветер. Голоса к этому моменту уже замолчали. Мы пошли на север по склону. Луна над нашими головами казалась огромной.

— Идем! — подгоняла Серая Метелка, когда мы поравнялись с ней.

Она права. Вершина холма будет оставаться опасным местом до рассвета.

Я обернулся и посмотрел назад, как раз вовремя, чтобы увидеть, как экспериментальный человек начал спускаться по южному склону, унося Графа.

— Привет, кошка, — сказал я. — Я еще поставлю тебе обещанную выпивку.

— Привет, пес, — ответила она. — Думаю, что не откажусь.

Пошли под горку Джек и Джил*.

Мы с Серой бежали следом.

* Слегка измененная строчка стихотворения из «Сказок Матушки Гусыни»: Идут на горку Джек и Джил, / Несут в руках ведерки, / Свалился Джек и нос разбил, / А Джил слетела с горки. (Пер. С. Маршак.)

**КЛАДБИЩЕ
СЛОНОВ**

Они танцевали...

...На Балу Столетия...

...На Балу Тысячелетия...

...На самом волшебном из всех Балов...

...И ему хотелось сокрушить ее, разорвать на куски...

Мур не видел павильона, по которому двигался в танце, не замечал сотен безликих теней, скользящих вокруг, не достаивал вниманием разноцветные светящиеся шары, что проплывали над головой.

Он не ощущал запахов. Кроме одного — первобытного запаха вечнозеленого реликта Рождественских времен, который медленно вращался на пьедестале в центре зала, роняя несгораемые иголки.

Все казалось далеким, отстраненным, пережитым. Ушедшим.

Еще несколько минут — и наступит двухтысячный...

Леота трепетала на сгибе его руки, как стрела на туго натянутом луке, и ему хотелось сломать эту стрелу или выпустить — не целясь, наугад, лишь бы из глаз — прекрасных зеленовато-серых глаз — исчезло самадхи*, или близорукость, или что бы там ни было...

Она следовала его неуклюжим движениям столь совершенно, что ему казалось, будто, соприкасаясь с ним, она читает его мысли! Особенно его сводило с ума ее дыхание — жарким влажным обручем охватывая шею,

* Состояние медитативного транса в йоге.

оно проникало под смокинг, словно невидимая зараза, — каждый раз, когда Леота приближала к нему лицо и говорила что-то по-французски. Этого языка он еще не знал, а потому отвечал невпопад: «C'est vrai», или «Damp!»*, или и то, и другое, — и пытался сокрушить ее девственную белизну под черным шелком, и Леота снова превращалась в трепещущую стрелу. Но она танцевала с ним, и это был самый большой его успех за минувший год, равный одному ее дню.

До наступления двухтысячного оставались считанные секунды. И вот...

Музыка раскололась надвое и слилась воедино, а шары засияли дневным светом. «Все как тогда», — вспомнил Мур и усмехнулся. Огни погасли. Чей-то голос произнес ему и всем остальным чуть ли не в самое ухо:

— С Новым годом! С новым тысячелетием!

...И он сокрушил ее...

Никому не было дела до того, что происходило на Таймс-сквер. А там толпа смотрела трансляцию Бала на экране размером с футбольное поле. Даже темнота павильона не была помехой для веселящихся зрителей — в инфракрасном свете они отлично видели прижимающихся друг к другу танцоров. «Возможно, именно мы сейчас — причина неистовства этой переполненной "чашки Петри" за океаном», — подумал Мур. Это было вполне возможно, если учесть, с кем он танцует.

Его не беспокоило, смеются над ним или нет; слишком близка была цель, чтобы тревожиться о пустяках.

«Я люблю тебя!» — мысленно произнес он. (Дабы предугадывать ее ответы, он проигрывал диалог в уме, и это делало его чуточку счастливей.)

Шары замерцали, и Мур снова вспомнил прошлогодний Бал. Пошел снег; снежинки, будто крошечные осколки радуги, падали на танцующих; медленно тая, между шарами проплывали рулончики серпантина; под сводами павильона, ухмыляясь, кружились воздушные змеи, разукрашенные под китайских драконов.

* Это верно; Черт возьми! (фр.)

Танец возобновился, и Мур попросил ее, как год назад:

— Пойдем куда-нибудь. Хоть минуту побудем наедине.

Леота подавила зевок:

— Нет. Мне скучно. Еще полчаса, и я уйду.

У нее был красивый грудной голос. Самый красивый из всех женских голосов.

— Почему бы нам не провести эти полчаса в одном из здешних буфетов?

— Спасибо, я не хочу есть. Я хочу быть на виду.

Мур первобытный, почти всю жизнь продремавший в затылочной доли мозга Мура цивилизованного, с рычанием встал на дыбы. Но Мур цивилизованный, боясь, что он все испортит, надел на него намордник.

— Когда мы увидимся? — мрачно спросил он.

— Может быть, в День Штурма Бастилии, — прошептала она. — *Liberté, Egalité, Fraternité...**

— Где?

— Под куполом Нового Версаля, в девять. Если нужно, я устрою тебе приглашение.

— Буду весьма признателен.

«Она заставляет тебя унижаться!» — злобно вставил Мур первобытный.

— Хорошо, в марте ты его получишь.

— А сейчас ты не уделишь мне денек-другой?

Она отрицательно покачала головой. Голубовато-белый локон обжег его щеку.

— Время слишком дорого, — прошептала Леота с пафосом и вместе с тем иронически, — а дни без Балов — бесконечны. Ты хочешь, чтобы я отдала тебе годы своей жизни?

— Да.

— Ты слишком многого хочешь.

Его подмывало послать ее к черту и уйти, но вместе с тем ему хотелось быть с нею. Ему было двадцать семь, и весь 1999 год он прожил в мечтах о ней.

Два года назад он решил, что пора жениться — его достаток вполне это позволял. Не найдя невесты, которая

* Свобода, равенство, братство (фр.).

сочетала бы в себе лучшие черты Афродиты и цифровой вычислительной машины, он направил свое честолюбие в другое русло.

Ему удалось получить приглашение на «Новый год на орбите». Для этого ему пришлось объездить весь свет, не раз пересекая Международную демаркационную линию, и расстаться с месячным заработком. Но на Балу он встретил Леоту Матильду Мэйсон, Принцессу Спящих. Стоило ему увидеть ее наяву — и он напрочь забыл о цифровой машине. Мур влюбился. Вернее, позволил себе влюбиться. Во многих отношениях он был старомоден.

Разговор между ними длился ровно девяносто секунд. Первые двадцать ушли на обмен холодными стандартными фразами. Но все же он добился от нее обещания потанцевать с ним на Балу Тысячелетия в Стокгольме.

И весь год сгорал, от нетерпения, браня себя за то, что чересчур поддался ее чарам. И вот теперь он услышал, что ей скучно в самом красивом городе мира и что она намерена удалиться в свой «бункер» до Дня Штурма Бастилии.

Вот когда Мур первобытный осознал то, что Мур цивилизованный, возможно, знал уже давно: когда они встретятся снова, Леота будет старше на два дня, а он — на полгода. Для Круга время застыло: «холодный сон» позволил сбыться мечте Нарцисса. Но старение так и осталось ценой полнокровной жизни.

У Мура не было ни малейшего шанса. Легче стокгольмской снежинке сохраниться в Конго, чем ему остаться с Леотой наедине, в стороне от глаз членов «Клуба ледяных гробов». (Лауреат Круга Уэйн Юнгер, похожий на профессионального игрока в гольф, собирающегося преподавать урок зеленому юнцу, уже двигался на перехват.)

— Привет, Леота. Прощай, мистер Как-вас-там.

Мур первобытный зарычал и замахнулся дубиной, но Мур цивилизованный послушно уступил дерзкому богу Круга самую недостижимую красавицу в мире.

Леота улыбнулась, Юнгер тоже.

На всем пути до Сан-Франциско, в баре стратокрейсера в году двухтысячном от Рождества Христова (два-ноль-ноль-ноль), у Мура крутилось в голове: «Порвалась дней связующая нить...»*

Через два дня он принял решение.

Стоя на балконе, похожем на огромный мыльный пузырь, прилипший к стене одной из ста башен комплекса Хилтон-Фриско, он спросил себя: «Та ли это девушка, которую мне хотелось бы взять в жены?»

И ответил, рассеянно глядя на залив и на транспортные капилляры под носками своих туфель: «Да. Я знаю, меня ждет большое будущее. И я хочу, чтобы в этом будущем у меня была красавица жена. Леота».

Мур дал себе клятву вступить в Круг.

Он понимал, что замыслил подвиг. Чтобы попасть на Олимп, во-первых, требовались деньги. Много денег. Во-вторых, необходима известность. Но инженеров-электриков — талантливых, компетентных, даже вдохновенных — в мире более чем достаточно. Мур знал: добиться признания будет нелегко.

Он с головой ушел в работу и учебу. Бывало, по шестьдесят, а то и по восемьдесят часов в неделю он читал, конструировал, прослушивал записи лекций по предметам, которые прежде были ему не нужны.

В мае Мур получил приглашение на Бал и долго рассматривал прямоугольник настоящей атласной бумаги с настоящим тиснением. К тому времени он запатентовал девять изобретений, еще три «дозревали». Один патент он продал и теперь вел переговоры с фирмой «Аква майнинг» насчет своей технологии очистки воды. «Если выдержи такой темп, — решил он, — у меня будут деньги».

А может, и известность. Теперь все целиком зависело от внедрения его технологии и от того, как он распорядится деньгами. Леота скрывалась в страницах формул, в листах эскизов; она сгорала, пока он спал, и спала, пока он сгорал.

В июне он решил отдохнуть.

* «Порвалась дней связующая нить» — слова Гамлета в переводе Б. Пастернака.

«Ассистент начальника отдела Мур, — обратился он к своему отражению в зеркале парикмахерской (его похвальное рвение в "Отделе герметической укупорки выходных отверстий аппаратуры высокого давления" обеспечило ему значительное повышение в должности), — не мешало бы тебе получше знать французский и научиться танцевать как следует».

Однако отдых оказался не менее утомительным, чем работа. У него гудели мышцы, когда он летел через Трамплинный зал молодежной христианской ассоциации Сателлита-3; его движения обрели грацию, после того как он станцевал с сотней роботесс и десятками женщин; он прошел ускоренный, с применением наркотиков, курс обучения французскому по системе Берлица (на более скоростной «церебрально-электростимуляционный» метод он не решился, опасаясь пресловутого замедления рефлексов). И хотя он спал на взятой напрокат «говорящей кушетке», твердившей ему по ночам формулы расслабления, в канун Fête* Мур чувствовал себя так, как чувствовал себя после бурной ночи какой-нибудь придворный повеса эпохи Возрождения.

«Интересно, на сколько его хватит?» — думал Мур первобытный, поглядывая из своей пещеры на Мура цивилизованного.

За два дня до праздника он покрыл свое тело равномерным загаром и решил, что скажет Леоте:

«Я люблю тебя!»

«О черт! — спохватился он. — Только не это!»

«Скажи, ты могла бы ради меня выйти из Круга?»

«Хо-хо! — мысленно рассмеялся он. — Размечтался!»

«Если я вступаю в Круг, ты будешь со мной?»

«А что? Пожалуй, ничего лучше не придумаешь».

Третья встреча Леоты и Мура была совершенно не похожа на предыдущие. Никаких прощупываний — охотник готовился решительно шагнуть в заросли. «Вперед! — скомандовал себе Мур. — И не оглядываться!»

* Праздник (фр.).

На ней было бледно-голубое платье с орхидеей на корсаже. Купол дворца с поющим зодиакальным кругом вращался, бросая на пол ведьмины огни. У Мура возникла неприятная иллюзия, будто цветок растет прямо из левой груди Леоты, этакий экзотический паразит. Он приревновал ее к орхидее — а ревность, он знал, не была свойственна повесам эпохи Ренессанса. И тем не менее...

— Добрый вечер. Как поживает ваш цветок?

— Еле дышит, — ответила она, потягивая зеленый напиток через соломинку, — но цепляется за жизнь.

— Со страстью, которую я вполне могу понять, — подхватил Мур, взяв девушку за руку. — Ответь мне, королева просопопеи*, куда ты держишь путь?

На ее лице мелькнул интерес.

— А вы намного лучше говорите по-французски, Адам... Кадмон? — заметила она. — Я иду только вперед. А вы?

— Туда же.

— Увы, я сомневаюсь в этом.

— Сомневайтесь в чем хотите, но мы с вами теперь — параллельные потоки.

— Что это? Самомнение изобретателя, почившего на лаврах?

— Куда моим лаврам до лавров того, кто изобрел «холодный бункер».

Она окинула его пронизывающим взглядом.

— Что у вас на уме? Это серьезно?

— Если падшим душам суждено соединиться только в этом Аиде, то да, это серьезно. — Он кашлянул и спросил напрямик: — Можем мы остаться вдвоем хотя бы на время танца? Я не хочу, чтобы на нас плялился Юнгер.

— Хорошо.

Она поставила бокал на летающий поднос и проследовала за Муром под вращающийся зодиакальный круг. Тотчас лабиринт человеческих тел отгородил их от Юнгера. Мур усмехнулся:

* Олицетворение, стилистический оборот, заключающийся в том, что предмету приписывается действие или состояние, в реальной действительности ему не свойственное.

— На не костюмированном балу все похожи друг на друга, как две капли воды.

Леота улыбнулась:

— Знаешь, а ты танцуешь гораздо лучше, чем в прошлый раз.

— Знаю. Скажи, как бы и мне получить ключик к вашему милому айсбергу? Пожалуй, это было бы занятно. Я понимаю, одних денег и происхождения недостаточно, чтобы попасть к вам. Я прочел все, что написано о Круге, но хотел бы получить практический совет.

Ее рука чуть дрогнула в его ладони.

— Ты знаешь Дуэнью?

— Понаслышке, — ответил Мур. — Говорят, это старая горгулья. Ее специально заморозили, чтобы отпугнуть Зверя, когда наступит час Армагеддона.

Леота не улыбнулась. Она снова превратилась в стрелу.

— Тут есть доля правды, — холодно подтвердила девушка. — Дуэнья не пускает в Круг звероподобные личности.

Мур цивилизованный прикусил язык.

— И хотя многим она не нравится, — продолжала Леота, оживляясь, — мне она кажется забавной статуэткой китайского фарфора. Будь у меня дом, я бы поставила ее на каминную полку.

— А я слышал, ей место в Викторианском зале галереи НАП*, — возразил Мур.

— Она родилась в эпоху Виктории, — кивнула Леота. — Когда появился первый «холодный бункер», ей было за восемьдесят. Но я смело могу сказать, что с тех пор она ничуть не постарела.

— И она собирается флиртовать в этом возрасте целую вечность?

— Вот именно, — холодно ответила Леота. — Ибо ей угодно быть бессмертным вершителем наших судеб.

— В сто лет человек превращается в клубок архетипов, — заметил Мур. — Не потому ли так трудно пройти у нее собеседование?

* Национальная Ассоциация Промышленников (США).

— Это одна из проблем, — согласилась Леота, — но есть и другие. Если ты сейчас же подашь прошение о приеме в Круг, тебе придется ждать собеседования до лета. Если, конечно, тебя к нему допустят.

— А много ли претендентов?

Она закрыла глаза.

— Не могу сказать. Наверное, тысячи. На собеседования пригласят несколько десятков, остальных отбракуют Управляющие. Решающее слово, естественно, будет за Дуэньей.

Внезапно светло-зеленый зал (благодаря изменению музыки, освещения, тональности ультразвука, состава наркотических добавок в воздухе) превратился в холодный темный колодец на дне моря, бурного и ностальгического, как думы русалки, глядящей на руины Атлантиды. Элегическому гению творца зала удалось создать почти осязаемое притяжение между танцорами, и кожа Леоты была холодной и влажной.

— В чем тайна ее власти? Я много читал и слышал о ней, и знаю, что она держит большой пакет акций. Ну и что с того? Почему я не могу договориться с Управляющими напрямик? Я мог бы заплатить...

— Ничего не выйдет, — перебила Леота. — Акции тут ни при чем. Она — символ Круга, без нее ничто не решается. Круг остается Кругом только благодаря его исключительности. Подражателей ожидает полный провал, так как им будет недоставать Дуэньи с ее удивительной проницательностью. Если бы не она, в Круг мог бы вступить любой бурбон с толстым кошельком. Вот почему Те, Кто Считает, — добавила она, выделив заглавные буквы, — обязаны ее слушаться. Причем это не чей-нибудь каприз, а жестокая необходимость. Стоит Кругу опустить планку, и Земля лишится своего главного достояния — элиты.

— Деньги не пахнут, — возразил Мур. — Если найдутся и другие желающие устраивать Балы и хорошо за это платить...

— То люди, посмеявшие взять у них деньги, перестанут быть Теми, Кто Считает. Они лишатся многих привилегий и приобретут репутацию торгашей.

— Хм-м... Вывернутая какая-то логика. Ни дать ни взять — лента Мебиуса.

— Что поделаешь. Круг — это кастовая система с ревизиями и бухгалтерским балластом. Никто не желает, чтобы его не стало.

— Даже «отбракованные»?

— Глупо! Они — в первую очередь. Кто им запрещает приобрести собственные «бункеры», если им это по карману, и лет через пять совершить новую попытку? За эти годы можно даже разбогатеть, если с умом распорядиться своим имуществом. Некоторые ждут десятилетия, но все равно не отступают. Кое-кому удача в конце концов улыбается. Ожидание и борьба скрашивают жизнь, делают победу более сладостной. В обществе свободы, высокого уровня жизни, жесткого равенства перед законом и одинаковых стартовых возможностей самой желанной целью индивидуума становится приобщение к элите. И добиться этого, имея за душой только деньги, невозможно. Попробуй — убедишься в моей правоте.

Его мысли приняли более конкретное направление.

— Каковы же плоды долгожданной победы?

— Они стоят того, чтобы за них сражаться. Победитель имеет право пользоваться личным «бункером» и бесплатно посещать Балы, до тех пор пока доходы с его имущества компенсируют затраты на его содержание. Если он небогат, то не будет чувствовать себя ущербным среди нас, ведь мы дорожим нашими демократическими идеалами. — Леота посмотрела по сторонам и добавила: — Как правило, доходы члена Круга предопределены изначально, поскольку распорядиться имуществом ему помогают опытные консультанты. Они подсказывают, куда выгоднее вложить деньги.

— Наверное, Круг неплохо наживаете на вас.

— Certainement*. Бизнес есть бизнес, да и Балы обходятся недешево. Но ведь мы и сами — члены Круга; имея акции какой-либо из его корпораций, мы получаем высокие дивиденды. Даже если через месяц тебя иск-

* Разумеется (фр.).

лючат, ты успеешь разбогатеть — ведь один объективный месяц равен примерно двадцати календарным годам.

— Куда мне обратиться, чтобы мое имя внесли в список?

Он знал куда, но надеялся, что Леота предложит свою помощь.

— Список будут составлять здесь, сегодня вечером. На Балу всегда есть кто-нибудь из офиса. За неделю-другую о тебе наведут справки, потом кого-нибудь пришлют.

— Наведут справки?

— Простая формальность. Или у тебя биография не в порядке? Судимость? Психическое заболевание? Неоплаченные долги?

Мур отрицательно покачал головой:

— Нет, нет и нет.

— Тогда не о чем беспокоиться.

— Неужели у меня действительно есть шанс?

— Да, — ответила Леота, прижимаясь щекой к ложбинке на его шее, чтобы он не видел ее лица. — До собеседования у тебя будет поддержка члена Круга. Но конечный результат целиком зависит от нее.

— Тогда мне действительно не о чем беспокоиться.

— Собеседование может продлиться всего несколько секунд. Однако Дуэнье их будет достаточно. Она никогда не ошибается.

— Я выиграю, — твердо произнес Мур.

Над ними мерцал Зодиак.

Мур нашел Дэррила Уилсона в одном из баров городка Поконо-Пейнс. Актер, что называется, вышел в тираж: он почти ничем не напоминал героя знаменитого многосерийного вестерна. Тот был крутолобым, бородастым викингом прерий; у этого, казалось, по лицу прошел ледник, оставив за собой глубокие рытвины. Обрюзгший и поседевший за четыре года, Уилсон сохранил из своего облика только дорогостоящую насупленность. В кино он больше не снимался, а досуг проводил в баре, прижигая зоб огненной водой, в которой раньше

ежедневно отказывал краснокожим. Ходили слухи, что он успешно «сажает» вторую печень.

Мур сел за его столик, опустил кредитную карточку в прорезь терминала, набрал на клавиатуре мартини и стал ждать. Заметив, что сидящий напротив человек не обращает на него внимания, он сказал:

— Вы — Дэррил Уилсон, а я — Элвин Мур. Хочу задать вам несколько вопросов.

«Самый меткий стрелок Запада» устремил на него мутный взгляд.

— Репортер?

— Нет. Ваш старый поклонник.

— Как же, рассказывай, — произнес знакомый Мур у голос. — Я же вижу — репортер. Давай вали отсюда.

— Мэри Мод Муллен, — отчетливо произнес Мур. — Старая стерва, богиня Круга. Что вы о ней думаете?

Взгляд Уилсона наконец сфокусировался.

— А-а, претендент. Хочешь в этом сезоне взойти на Олимп?

— Угадали.

— Ну, и какие у тебя мысли?

Не дождавшись пояснения, Мур спросил:

— Насчет чего?

— Того самого.

Мур сделал глоток. «Хорошо, — подумал он, — поиграем в твою игру, если это сделает тебя более разговорчивым».

— Неплохой мартини, — заметил он. — Ну так?

— Почему?

Мур побагровел. Похоже, Уилсон слишком пьян, чтобы от него был прок. Ладно, последняя попытка...

— Потому что он расслабляет и вместе с тем бодрит, а мне именно это и требуется...

— А почему тебе надо быть расслабленным и вместе с тем бодрым?

— Думаешь, это лучше, чем быть напряженным и сонным?

— Почему лучше?

— Слушай, какого черта...

— Ты проиграл. Ступай домой.

Мур встал:

— Давай так: я выйду, вернусь, и мы начнем по новой. Идет?

— Сядь. Колеса моего фургона крутятся медленно, но они все-таки крутятся. Мы оба говорим об одном и том же. Ты хочешь знать, что такое Мэри Мод? Я скажу тебе. Это такой большой вопросительный знак. Перед ней бесполезно надевать маску. За две минуты Дуэнья разденет тебя догола, и твои ответы будут зависеть от биохимии да от погоды. Как и ее решение. Мне нечем тебя утешить. Дуэнья — это каприз в чистом виде. И еще она уродлива, как сама жизнь.

— И это все?

— Тем, кто не годится для Круга, она дает от ворот поворот. И этого достаточно. Все, ступай.

Мур допил мартини и ушел.

За зиму Мур сколотил состояние. Правда, довольно скромное. Он перешел из «Отдела герметической укупорки» в исследовательскую лабораторию фирмы «Аква майнинг». Лаборатория находилась на Оаху*, поэтому ежедневные затраты времени на транспорт увеличились на десять минут, зато «главный технолог» звучало солиднее, чем «ассистент начальника отдела». Мур трудился в поте лица, и одним из результатов стремительного роста его состояния и положения в обществе был судебный процесс в январе.

Он выяснил, что почти все мужчины, принятые в Круг, были разведены. Обратившись в престижную фирму по оформлению браков и разводов, он подписал контракт сроком на три месяца с Дианой Деметрикс, безработной манекенщицей греко-ливанского происхождения. Контракт мог быть расторгнут по желанию одной из сторон и продлен с согласия обоих супругов.

Позже Мур пришел к выводу, что вина за безработицу среди манекенщиц лежит в основном на прогрессе в медицине. Хирургия заполнила мир женщинами с идеальной внешностью. Манекенщице трудно найти

* Один из островов Гавайского архипелага.

работу и еще труднее — удержаться на ней. Новообретенное благосостояние Мура и явилось тем стимулом, который заставил Диану обратиться в суд, обвинив бывшего мужа в нарушении устного соглашения, якобы заключенного между ними, о продлении контракта по желанию одной из сторон.

Разумеется, «Бюро оформления браков и разводов Берджесса» помогло Муру уладить конфликт, оплатив судебные издержки и хирургическую операцию. (Диана сломала ему нос «Пособием по демонстрации готового платья» — тяжелым иллюстрированным справочником в пластиковом футляре.)

В марте Мур был уже готов сразиться с пережитком девятнадцатого века, неведь что о себе возомнившим. В мае, однако, сказалось переутомление. Но, вспомнив вопрос Леоты о психическом заболевании, он (чем черт не шутит!) поборол искушение пройти в психиатрической клинике месячный курс реабилитации. Мур собрал волю в кулак, сосредоточась на мыслях о Леоте. Ведь он совсем забыл о ней. Постоянная учеба, заботы о карьере и женитьба на Диане Деметрикс не оставляли ему времени на воспоминания о принцессе Круга, его любви.

Любви?

Он усмехнулся.

«Суета, — решил он. — Я хочу Леоту, потому что все хотят ее».

Но это было не совсем так.

Он задумался о своих подлинных целях и желаниях.

И понял: его цели неясны. Действие опережает замысел. Если не кривить душой, то он хочет только одного: лететь на роскошном стратокрейсере, проносья сквозь завтра и послезавтра, сквозь годы и века, — не старея, как те древние боги, что дремали в заоблачной выси и просыпались только в праздники равноденствия, чтобы снизойти к смертным, влачащим жалкое, томительное существование на Земле. Обладать Леотой значило принадлежать Кругу; именно этого он и добивался. Так что действительно то была суета. То была любовь.

Он громко рассмеялся. Его автосерф, как алмаз, резал голубую линзу Тихого океана, осыпая наездника холодным крошевом бризг.

Возвращаясь из царства абсолютного нуля, подобный Лазарю, ты не испытываешь ни боли, ни замешательства. Ты вообще ничего не чувствуешь, пока твое тело не нагреется до температуры сравнительно теплого трупа.

«Лишь в самом конце, когда просыпается разум, — думала миссис Муллен, стараясь окончательно прийти в сознание, — и ты понимаешь, что вино простояло в погребке еще один сезон и урожай стал еще ценнее, — только тогда привычная обстановка комнаты принимает вдруг уродливые, пугающие черты. Наверное, это всего лишь суеверный страх, психический шок при мысли, что материя жизни — твоей собственной жизни — каким-то непостижимым образом изменена. Но проходит микросекунда, и страх исчезает».

Миссис Муллен содрогнулась, как будто холод еще не покинул ее старческое тело, и выбросила из головы воспоминание о кошмаре.

Она посмотрела на человека в белом халате, стоявшего возле ее ложа.

— Какое сегодня число?

Он был горсткой праха, несомой ветром времени...

— Восемнадцатое августа две тысячи второго года, — ответила горстка праха. — Как ваше самочувствие?

— Спасибо, превосходное. Я только что вступила в новое столетие. Почему бы моему самочувствию не быть прекрасным? Я собираюсь прожить еще не один век.

— Обязательно проживете, мэм.

Две крошечные географические карты — ее ладони — поправили стеганое одеяло. Дузнья подняла голову.

— Что нового в мире?

В ее глазах вспыхнуло ацетиленовое пламя. Врач отвел взгляд.

— Мы все-таки побывали на Нептуне и Плутоне, — начал он. — Они оказались совершенно необитаемы. Проект «Сахара» встретил новые затруднения, но эти

глупые французы утверждают, что почти все улажено и весной начнутся работы...

Ее взгляд плавил летающую в воздухе пыль, превращая ее в стекловидные чешуйки.

— Повторяю, доктор, — сказала миссис Муллен. — Что нового в мире?

Он пожал плечами:

— Мы можем продлить консервацию. Причем на значительный срок.

— Опять консервация?

— Да.

— Но не лечение?

Он снова пожал плечами.

— Но ведь отсрочка и так превысила всякую меру, — пожаловалась она. — Прежние лекарства почти не действуют. Сколько времени дадут мне новые?

— Этого мы не знаем. Но над вашей проблемой работает много специалистов.

— Значит, вы не можете сказать, когда будет найден способ лечения?

— Может быть, через двадцать лет. А может быть, завтра.

— Ясно. — Пламя в ее глазах погасло. — Ступайте, молодой человек. Только включите моего автосекретаря.

Врач с радостью уступил место машине.

Набрав номер библиотеки, Диана Деметрикс заказала «Реестр Круга» и на нужной странице нажала кнопку «стоп».

Пока она всматривалась в экран, будто в зеркало, на ее лице сменилась целая гамма выражений.

— А ведь я выгляжу ничуть не хуже, — заключила она. — Даже лучше. Еще бы нос чуточку поправить и линию бровей... Да, леди. Твое счастье, что мужчины — консерваторы. Если бы не их предвзятость к пластическим операциям, ты была бы на моем месте, а я — на твоём. У-у, стерва!

Из «очистителя Мура» вытек миллионный баррель воды. Морская и теплая, она превратилась в пресную и

прохладную. Пройдя через «тандем-камеру», она — чистая, вполне пригодная для питья, но ровным счетом ничего не подозревающая об этих своих достоинствах — поступила в водопровод. С другого конца в «очиститель» вливалась новая порция тихоокеанского рассола.

Осажденные и отфильтрованные вещества годились для производства псевдокерамики.

Изобретатель этого чудо-очистителя быстро богател.

Температура воздуха на Оаху достигла восьмидесяти двух градусов по Фаренгейту.

Из «тандем-камеры» потек миллион первый баррель.

Они вышли, оставив Элвина Мура в окружении собачек из китайского фарфора.

Две стены были от пола до потолка забраны стеллажами. На стеллажах рядами выстроились синие, розовые, желтовато-коричневые, охряные, розовато-лиловые, шафрановые и цвета киновари собачки — преимущественно глазурованные. Размерами они тоже отличались друг от друга: одни были с крупного таракана, другие — с крошечного бородавочника. Напротив двери, в камине, бушевал настоящий Гадес*; в его реве слышался метафизический вызов жаркому июлю Бермуд.

Каминная доска, на которой стояло несколько собачек, была частицей Круга. Как был частицей Круга и роскошный стол возле огненного ада. За столом, укутанная шотландским пледом в черную и зеленую клетку, сидела Мэри Мод Муллен. Она изучала досье Мура, лежащее перед ней в раскрытой папке. Разговаривая с претендентом, Дуэнья не поднимала глаз.

Мур стоял возле кресла (сесть ему не предложили) и делал вид, будто рассматривает собачек и лучину для растопки — и того и другого здесь было в избытке.

Мур и к живым-то собачкам был совершенно равнодушен, не говоря уже о фарфоровых. Но в гостиной Дуэньи, на секунду закрыв глаза, он ощутил клаустрофобию. Со всех сторон на него тарасились не безобидные

* В греческой мифологии бог подземного мира и царства мертвых

статуэтки, а чуждые существа, запертые в клетку Последним Землянином. Мур дал себе слово воздержаться от похвалы радужной стае гончих, охотящихся на жадеитового оленя величиной с чиуауа. «Создать такую скульптурную группу, — подумал он, — мог только маньяк или человек с неразвитым воображением, к тому же недолюбливающий собак».

Внимательно прочитав его прошение, миссис Муллен подняла бесцветные глаза и спросила:

— Как вам нравятся мои питомцы?

Сидя за столом, эта узколицая, морщинистая, курносая дама с огненно-рыжими волосами невинно взирала на посетителя.

Мур попытался воспроизвести мысли, с которыми входил в ее студию. Безуспешно — вопрос застал его врасплох. Тогда он решил, что наименее рискованным ответом будет объективный.

— Они весьма красочны, мэм.

Едва произнеся эти слова, Мур понял, что ошибся. Совсем недавно он готов был расхваливать статуэтки до небес.

Он улыбнулся:

— Их тут так много, просто голова кругом идет. Хорошо еще, что они не лают, не кусают, не линяют и еще кое-чего не делают.

— Мои маленькие разноцветные сучки и сукины сыночки! — Мэри Муллен тоже улыбнулась. — Они ничего не делают. Они — своего рода символы. Потому-то я их и собираю.

Она указала на кресло:

— Садитесь. Располагайтесь поудобнее.

— Спасибо.

— Тут говорится, что вы совсем недавно вышли из счастливых безликих масс, чтобы достичь определенных высот в инженерном деле. Почему вы решили покинуть эти высоты?

— Я нуждался в деньгах и престиже, поскольку желающему вступить в Круг они не помешают.

— Так, так. Значит, деньги и престиж — не цель, а средство?

— Совершенно верно.

— В таком случае почему вы хотите вступить в Круг?

К этому вопросу Мур подготовился еще месяц назад, но теперь ответ застрял в горле, и Мур дал ему там умереть. Он вдруг усомнился, что эти слова, рассчитанные на поклонницу Теннисона*, придутся Дуэнье по сердцу.

— В ближайшее десятилетие мир изменится до неузнаваемости. Мне бы хотелось увидеть эти перемены молодыми глазами.

— В Кругу вы будете жить не столько для того, чтобы наблюдать, сколько для того, чтобы за вами наблюдали. — Мэри Муллен сделала пометку в досье. — Кроме того, если мы вас примем, вам, наверное, придется покрасить волосы.

— Да и черт с ними... О, простите — вырвалось.

— Ничего. — Она сделала еще одну пометку. — Ваша реакция вполне подходящая.

Мэри Муллен снова подняла голову:

— Почему вы так хотите увидеть будущее?

Ему стало не по себе. Казалось, Дуэнья видит его насквозь и знает, что он лжет.

— Обычное человеческое любопытство, — нерешительно ответил Мур. — Кроме того, профессиональный интерес. Поскольку я инженер...

— Вы не на семинаре, — перебила она. — Жизнь члена Круга отдана Балам, и у вас почти не останется времени на учебу. Через двадцать, даже через десять лет ваши научные познания снизятся до уровня детского сада. Новые формулы покажутся вам иероглифическими письменами. Вы умеете читать иероглифы?

Он отрицательно покачал головой.

— Допустим, я привела неудачное сравнение, — продолжала Дуэнья. — Но как бы там ни было, если вы захотите нас покинуть, то сможете устроиться разве что чернорабочим. Правда, нищета вам грозить не будет, но коли вы решите работать по специальности, вам придется очень многое наверстывать, а это потребует больших усилий и денег.

* Альфред Теннисон (1809—1892) — английский поэт

Мур пожал плечами и поднял руки. Он уже обдумал эту проблему. «Лет через пятьдесят разбогатею и дам Кругу пинка, — сказал он себе. — А потом пройду ускоренный курс обучения и попробую устроиться консультантом по вопросам морского строительства».

— Мне вполне хватит знаний и опыта, чтобы оценивать события, пусть даже я не смогу в них участвовать, — сказал он.

— Вы считаете, что роль стороннего наблюдателя способна вас удовлетворить?

— Да, — солгал он.

— Сомневаюсь. — Она снова пронзила его взглядом. — Скажите, вы действительно влюблены в Леоту Мэйсон? Именно она предложила вашу кандидатуру. Впрочем, это ее право.

— Не знаю, — задумчиво ответил Мур. — Два года тому назад мне казалось...

— Увлечение — это прекрасно, — перебила Дуэнья. — Это повод для сплетен, а сплетни нам не помешают. Но любви я не потерплю. Выбросьте эту блажь из головы. Не бывает ничего скучнее и пошлее любви между членами Круга. Она порождает не сплетни, а насмешки. Так увлечение или любовь?

— Увлечение, — решил он.

Дуэнья посмотрела на огонь, потом — на свои руки.

— Вам придется выработать буддистское отношение к окружающему миру, который будет меняться с каждым днем. Когда бы вы ни бросили на него взгляд, он покажется совершенно иным. Нереальным.

Мур кивнул.

— Следовательно, чтобы сохранить душевное равновесие, вы должны внушить себе, что Круг — это центр Вселенной. Что бы ни говорило вам сердце, вы должны внимать не ему, а рассудку...

Он снова кивнул.

— ...И если будущее придется вам не по вкусу, вы не должны забывать, что назад пути нет. Подумайте об этом. И не просто подумайте — прочувствуйте.

Он прочувствовал.

Перо забегало по бумаге. Внезапно старческая рука задрожала. Выронив стило, Мэри Мод Муллен спрятала руку под плед.

— Вы не столь респектабельны, как большинство кандидатов, — произнесла она излишне будничным тоном, — но сейчас нам недостает людей с широким спектром эмоций. Контраст необходим — он придает нашим Балам глубину и живость. Просмотрите видеозаписи последних Балов.

— Уже просмотрел.

— И вы готовы отдаться им всем сердцем?

— Что бы ни говорило мне сердце...

— Хорошо, мистер Мур. Возвращайтесь к себе в номер и ждите ответа. Завтра вы его получите.

Мур встал. На языке вертелись десятки вопросов, но задавать их было поздно.

«Решила отказать? — мелькнула в голове паническая мысль. — Может, поэтому беседа оказалась столь короткой?»

И все же последние слова старухи прозвучали ободряюще.

Ему казалось, будто все его поры превратились в свежие ссадины от когтей и зубов. Мур повернулся и покинул обитель хрупких собачек.

До вечера он плескался в гостиничном бассейне, а потом отправился в бар. В тот день он не обедал.

Наконец пришел посыльный с радостным известием. Посыльный также намекнул, что, по обычаю, Мур должен послать своему инквизитору скромный подарок.

Пьяный Мур мигом придумал, что пошлет старухе, и захохотал.

Получив собачку с острова Оаху (такой в ее коллекции еще не было), Мэри Мод Муллен грустно пожала плечами, и это движение едва не перешло в крупную дрожь. Через несколько секунд старуха все-таки задрожала, едва не выронив статуэтку. Торопливо поставив ее на каминную полку, она схватила со стола пузырек с таблетками.

Впоследствии эта статуэтка потрескалась от перепада температур.

Они танцевали. Море над куполом казалось вечно-зелено-золотым небом. День был необычайно юн.

Измученные шестнадцатичасовым Балом танцоры цеплялись друг за друга. Ноги у них болели, спины сутулились. По широкому залу еще двигалось восемь пар, и усталые оркестранты подпитывали их самой медленной музыкой, на какую только были способны.

Рассредоточившись по окоему мира, где небо сливалось с голубой плиткой пола, сидело около пятисот человек. Расстегнув пуговицы на одежде и раскрыв рты, они глазели на танцующих, подобно серебряному карасю, что тарашился в зеленый сумрак с праздничного стола.

— Думаешь, будет дождь? — спросил Мур.

— Да.

— И я так думаю. Но довольно о погоде. Давай лучше о той неделе, которую ты провела на Луне.

Она улыбнулась:

— А чем тебя не устраивает старушка Земля?

Кто-то вскрикнул. Почти тотчас раздался звук пощечины.

— Никогда не был на Луне.

Казалось, Леоту это слегка развеселило.

— А я была. Но мне там не понравилось.

— Почему?

— Холодно. Над куполом пляшут безумные огни, и кругом — безжизненные черные скалы. — Она сделала гримаску. —словно кладбище у конца времен...

— Ну хорошо, — согласился Мур. — Не будем об этом.

— ...А под куполом тебя не оставляет чувство, будто ты — бестелесный дух...

— Все, все.

— Извини. — Она коснулась губами его шеи. Он прижался губами к ее лбу. Она улыбнулась. — Круг утратил лоск.

— Это не имеет значения. Нас уже не снимают.

Возле гигантского праздничного стола в форме морского конька зарыдала женщина. Музыканты заиграли громче. Небо пестрело люминесцентными огоньками морских звезд, которые плыли по наводящему лучу. Одна из звезд окропила Мура и Леоту соленой водой.

— Завтра улетаем?

— Да, — ответила она.

— Как насчет Испании? Сейчас там сезон созревания вишен. Праздник — Хуэгос Флоралес де ла Вендимья Херезана. Возможно, последний.

— Опять фейерверки, — вздохнула Леота. — Слишком шумно.

— Зато весело.

— Весело. — Она скривила губы. — Давай лучше посетим Швейцарию. Притворимся, будто мы совсем старенькие и дряхлые. Или придумаем еще что-нибудь романтическое.

— Некрофилка! — Мур поскользнулся на влажном пятне и едва не упал. — Лучше уединиться в горной Шотландии на берегу какого-нибудь лоха. У тебя был бы твой любимый туман, а у меня — парное молоко и соусированный табак...

— Нет! — воскликнула она, перекрывая пьяную болтовню окружающих. — Лучше в Нью-Гемпшир.

— А почему не в Шотландию?

— Я еще ни разу не бывала в Нью-Гемпшире.

— А я бывал, и мне там не понравилось. Точь-в-точь как на Луне, если судить по твоему описанию.

В этот миг мошь задела крылом пламя свечи. Раздался грохот.

В зеленых небесах медленно вытянулась холодная черная молния. Пошел мелкий дождь.

Пока Леота сбрасывала туфли, Мур схватил с пролетающего над его левым плечом подноса бокал и, осушив, поставил обратно.

— Похоже, здесь разбавляют напитки водой.

— Кругу приходится экономить, — отозвалась Леота.

Мур заметил Юнгера. Тот смотрел на них, стоя на краю зала с бокалом в руке.

— Я вижу Юнгера.

— И я. Он еле на ногах держится.

— Мы тоже. — Мур рассмеялся.

Шевелюра толстого барда представляла собой снежный хаос; левый глаз заплаыл огромным синяком. Что-то пробормотав, Юнгер выронил бокал и рухнул ничком. Никто не пришел к нему на помощь.

— Похоже, он опять слишком увлекся.

— Бедный Юнгер, — равнодушно произнесла Леота. — А ведь мы с ним давно знакомы.

Дождь лил не переставая, и танцоры казались марионетками в руках неопытных кукольников.

— Они летят! — закричал человек в красной мантии и простер руки к небу. — Снижаются!

Мур не узнал этого человека. Очевидно, он был не из Круга.

Все головы, способные соображать, разом запрокинулись навстречу каплям дождя. В безоблачной зелени быстро разрастались силуэты трех серебристых дирижаблей.

— Мы спасены!

Ансамбль, словно маятник посередине траектории, на мгновение замер и заиграл вновь: «Спокойной ночи, леди, спокойной ночи, леди...»

— Мы будем жить!

Леота сжала ладонь Мура.

— Мы весело летим, куда глаза глядят... — пели голоса.

— Куда глаза глядят, — повторила Леота.

— Мы весело летим, — сказал Мур.

— ...Над синевой моря, под небом голубым...

Спустя круго-месяц после этого происшествия, едва не обернувшегося катастрофой для Круга (то есть в год две тысячи девятнадцатый эпохи правления Повелителя и Президента нашего Гамберта, через двенадцать лет после приснопамятного моретрясения), Мур и Леота стояли у стены Обителя сна на одном из островов Бермудского архипелага.

Светало.

— Кажется, я люблю тебя, — сказал он.

— Хорошо, что любовь не требует доказательств. — Леота прикурила от его зажигалки. — Я бы не поверила никаким доказательствам. Я вообще ничему не верю.

— Двадцать лет тому назад я встретил на Балу красивую женщину. Я танцевал с ней...

— Пять недель тому назад, — поправила она.

— ...И подумал: интересно, захочет ли она когда-нибудь выйти из Круга и снова стать человеком, и оставаться им до гробовой доски?

— Мне и самой нередко приходят в голову подобные мысли. Особенно когда мерзко на душе. Нет, Элвин, эта женщина не выйдет из Круга. Во всяком случае, до тех пор, пока не станет старой и некрасивой.

— То есть никогда, — заключил он.

— Ты благороден. — Леота выпустила к звездам струйку дыма и коснулась холодной стены. — Когда-нибудь ее перестанут замечать, а если кто и посмотрит, то лишь затем, чтобы сравнить ее с какой-нибудь красавицей далекого будущего. А может быть, это произойдет скоро, если в мире вдруг изменятся критерии красоты. Как только это случится, она пересядет из экспресса в обычный пассажирский поезд.

— И на какой бы станции она ни вышла, ее будет окружать чужой мир, — подхватил Мур. — Похоже, он ежедневно меняется до неузнаваемости. Прошлой ночью... виноват, в прошлом году я встретил своего однокашника. Он называл меня «сынок», «мальчик», «малыш» — причем не в шутку. Основательно испортил мне аппетит, между прочим.

— Знаешь ли ты, куда мы идем? — спросил Мур, когда Леота повернулась к засыпающему саду. — Туда, откуда не возвращаются. В небытие. Пока мы спим, мир идет своей дорогой.

— Это помогает сберечь силы, — сказала она через несколько секунд. — Стимулирует. Вдохновляет. Я говорю об отсутствии привязанностей. Все в мире тленно, кроме нас. Время и пространство не властны над нами, если у нас нет привязанностей.

— Ни к кому и ни к чему?

— Ни к кому и ни к чему.

— А тебе не кажется, что все это — великий розыгрыш?

— Ты о чем?

— О том, что с нами происходит. Представь, что все население планеты — мужчины, женщины, дети — год назад погибло при вторжении с альфы Центавра. Все,

кроме нас, замороженных. Предположим, инопланетяне распространили смертоносные бактерии...

— Я читала, в созвездии Центавра нет жизни.

— Хорошо, пусть они не с Центавра, а из другого созвездия. Предположим, все следы катастрофы уничтожены, и один из пришельцев показывает клешней на это здание. — Мур хлопнул по стене. — Он говорит: «Эге! Да тут остались живые, только они заморожены. Давайте-ка, ребята, спросим наших социологов, стоят ли эти земляне того, чтобы с ними возиться, или лучше снять крышки с холодильников, да и дело с концом?» Потом сюда входит социолог, любуется нашими ледяными саркофагами и говорит: «Эти олухи заслуживают только насмешек да нескольких строк петитом в провинциальной газетенке. Пусть они остаются в полном неведении. Пусть думают, что все идет по-прежнему. Вся их жизнь расписана заранее, так что обмануть их труда не составит. Мы заполним танцевальные залы андроидами и будем удовлетворять все прихоти этих балбесов. Мы изучим их поведение в любой мыслимой ситуации, а когда закончим исследования, сломаем реле времени на морозильниках, — и пусть они спят до окончания века. Или снимем крышки, и они мигом протухнут».

На том пришельцы и порешили, и теперь мы, последние земляне, пляшем перед машинами нелюдей, изучающих нас по одним лишь им ведомым причинам.

— Ну что ж, — улыбнулась Леота. — Возможно, мы даже разок-другой сорвем аплодисменты, прежде чем протухнем.

Она бросила окурок и, поцеловав Мура, пожелала ему спокойной ночи. Затем они разошлись по своим «бункерам».

Спустя двенадцать недель Мур решил отдохнуть.

Каждого праздника он ожидал теперь чуть ли не с ужасом. Периоды бодрствования, на которые не выпадало Балов, Леота проводила вместе с ним. Последнее время она была мрачной и замкнутой — видимо, сожалела, что тратит на Мура свое драгоценное время.

Поэтому он решил ненадолго расстаться с ней и увидеть что-нибудь реальное, совершить экскурсию по Земле две тысячи семьдесят восьмого года. Ведь ему, как ни крути, было за сто — давно пора оглядеться по сторонам.

«Богиня будет жить вечно», — утверждал заголовок выцветшей газетной вырезки на стене главного коридора Обители сна. В статье речь шла об окончательной победе врачей над атеросклерозом и полном исцелении одной из самых знаменитых его жертв. Мур подумал, что после собеседования ни разу не видел Дуэнью: впрочем, он и не искал встречи с нею.

Он достал из шкафа с повседневной одеждой костюм, переоделся, решительным шагом вышел из Обители сна и, не встречая по пути ни одной живой души, направился к аэродрому.

Входя в кабинку на краю летного поля, он еще не знал, куда полетит.

— Будьте любезны, назовите место назначения, — раздался голос из динамика.

— Э-э... Оаху. Лабораторный комплекс корпорации «Аква майнинг». Если, конечно, там есть посадочная площадка.

— Посадочная площадка там есть. Но на последние пятьдесят шесть миль пути придется оформить заказной рейс.

— Оформите на весь путь в оба конца.

— Пожалуйста, вставьте вашу кредитную карточку.

Мур выполнил эту просьбу.

Через пять секунд карточка упала в его подставленную ладонь. Он опустил ее в карман.

— Когда я прибуду на место?

— В девять тридцать две, если вы отправитесь ракетопланом «Стрела-9» через шесть минут. У вас есть багаж?

— Нет.

— В таком случае «Стрела-9» ожидает вас на площадке А-11.

Мур подошел к ракетоплану класса «Стрела» с девяткой на борту. Маршрут полета был уже введен в программу бортового компьютера — на это ушли считанные

миллисекунды. Робот-диспетчер разрешил бортовому компьютеру самостоятельно корректировать курс в случае необходимости.

Мур поднялся по трапу и сунул кредитную карточку в прорезь возле люка. Люк распахнулся; Мур вытащил карточку и вошел в салон, сел в кресло возле иллюминатора и застегнул страховочный ремень. Сразу после этого люк закрылся.

Через пять минут ремень автоматически расстегнулся и исчез в подлокотниках кресла — «Стрела» уже летела с постоянной скоростью.

— Может быть, сделать освещение более ярким? — спросил голос. — Или, наоборот, менее ярким?

— По мне, так оно в самый раз, — ответил Мур невидимке.

— Желаете поест? Или выпить?

— От мартини не откажусь.

Послышался металлический щелчок, и в борту ракетоплана возле кресла Мура открылась крошечная ниша. В ней стоял заказанный бокал мартини.

Мур сделал глоток.

За иллюминатором виднелась плоскость ракетоплана в голубом ореоле.

— Не желаете ли еще чего-нибудь? — Пауза. — Например, прослушать научную статью на любую интересующую вас тему? — Пауза. — Или что-нибудь из художественной прозы? — Пауза. — Или из поэзии? — Пауза. — Не угодно ли просмотреть каталог мод? — Пауза. — Или вы предпочитаете музыку?

— Поэзия? — переспросил Мур.

— Да, у меня большой выбор...

— Знавал я одного поэта, — припомнил он. — Есть у вас что-нибудь из Уэйна Юнгера?

— Уэйн Юнгер. Да, — ответил голос. — Есть сборники «Невостребованный рай», «Стальная плесень», «Стамеска в небе».

— Какой из них самый последний?

— «Стамеска в небе».

— Почитайте.

Голос начал со сведений, изложенных на титульном листе: год выхода книги, название издательства, копи-

райт и так далее. Протест Мура он отклонил, заявив, что таков закон, и, процитировав соответствующую статью. Мур заказал вторую порцию мартини и стал ждать.

И вот наконец:

— «Наш зимний путь лежит сквозь вечер, а вдоль него горят кусты».

— Что? — переспросил Мур, не веря своим ушам.

— Это название первого стихотворения.

— А-а! Ну, читайте.

Там, где всегда — вечнозеленая белизна...

Кружит зима хлопья пепла

В башнях метели;

Есть силуэты, но контуров нет у них.

Тьма, как сама безликость,

Льется из провалов окон,

Сочится сквозь ветви надломленной сосны,

Струится по коре поваленного клена.

Наверное, это квинтэссенция старения,

Отторгаемого Спящими,

В изобилии течет по зимней дороге.

А может, сама Антижизнь

Учится писать картины мезью,

Учится вонзать сосульку в глаз горгульи.

И, говоря откровенно,

Никто не в силах победить себя.

Я вижу ваше рухнувшее небо, исчезнувших богов,

Словно во сне, заполненном дымом

Древних статуй,

Сгорающих дотла.

...И никогда — вечнобелая зелень.

Выдержав десятисекундную паузу, голос продолжал:

— Следующее стихотворение..

— погодите! — перебил Мур. — Я ничегошеньки не понял. Нельзя ли как-нибудь прокомментировать?

— К сожалению, нет. Для этого необходимо более совершенное устройство, чем я.

— Повторите, когда и где была выпущена книга.

— В две тысячи шестнадцатом году, в Северо-Американском Союзе.

— Это действительно последний сборник Юнгера?

— Да. Он — член Круга, поэтому между публикациями его книг проходит по несколько десятилетий.

— Читайте дальше.

Машина снова принялась декламировать.

Мур почти ничего не понимал, но образы, упрямо ассоциирующиеся со льдом, снегом, холодом и сном, подействовали на воображение.

— Стоп! — остановил он машину. — А есть у вас что-нибудь из ранних стихов Юнгера, написанных еще до того, как его приняли в Круг?

— «Невостребованный рай». Сборник впервые опубликован в тысяча девятьсот восемьдесят первом, через два года после вступления автора в Круг. Но, согласно предисловию, большинство стихотворений написано до вступления.

— Читайте.

Мур сосредоточенно слушал. В ранних стихах Юнгера льда, снега и сна было немного. Совершив это незначительное открытие, Мур пожал плечами. Кресло тотчас изменило конфигурацию, приспособиваясь к его новой позе.

В конце концов он решил, что стихи ему не нравятся. Впрочем, он вообще был равнодушен к поэзии.

Машина декламировала стихотворение, которое называлось «Приют бездомных собак»:

Сердце — это кладбище дворняг,

Скрывшихся от глаз живодера.

Там любовь покрыта смертью, как глазурью,

И псы сползаются туда околевать...

Мур улыбнулся, сообразив, где именно родились эти образы. Из стихов Юнгера «Приют бездомных собак» понравился ему больше всего.

— Довольно, — сказал он машине.

Мур заказал легкий завтрак и за едой думал о Юнгере. Однажды они долго беседовали друг с другом. Когда это было? В две тысячи семнадцатом? Да, в День Освобождения труда, во Дворце Ленина.

Водка там текла рекой... И, словно кровь из рассеченных артерий инопланетных чудовищ, били вверх фонтаны сока — фиолетовые, оранжевые, зеленые,

желтые, — подобно зонтикам раскрываясь под сводами Дворца Драгоценностей, сверкавших на гостях, хватило бы, чтобы уплатить выкуп за эмира. Устроитель Бала, премьер Корлов, похожий на гигантского заиндевелого Деда Мороза, являл собой само гостеприимство. Стены танцевального зала были изготовлены из поляризованного монокристалла, и окружающий мир то вспыхивал, то гас. «Как реклама», — съязвил Юнгер, который сидел на вращающемся табурете, положив локти на стойку бара. Когда Мур приблизился, Юнгер повернул голову и уставился на него мутным взглядом совы-альбиноса.

— Кого я вижу! Это же сам Альбион Мур! — Он протянул руку. — *Quo vadis**, черт бы вас побрал?

— Водка с виноградным соком, — обратился Мур к ненужному бармену, стоявшему на посту возле миксера. Нажав две кнопки, бармен придвинул бокал к Муру по красному дереву стойки.

— За освобожденный труд, — произнес Мур, салютуя Юнгеру бокалом.

— За это и я выпью. — Поэт наклонился вперед и набрал на клавиатуре миксера собственную комбинацию букв и цифр.

Бармен фыркнул. Мур и Юнгер чокнулись и выпили.

— Они... — палец Юнгера описал дугу, — обвиняют нас, будто мы совершенно не интересуемся тем, что происходит вне Круга.

— Ну что ж, я нахожу это справедливым.

— Я тоже, но обвинение можно дополнить. Нам точно так же наплевать и друг на друга. Если честно, много ли у вас знакомых в Кругу?

— Могу по пальцам пересчитать.

— Я уж не спрашиваю, с кем из них вы на «ты».

— Что ж тут странного? Мы много путешествуем, к тому же перед нами — вечность. А у вас много друзей?

— Одного я только что прикончил, — проворчал поэт и потянулся к миксеру. — А сейчас смешаю себе другого.

* Куда идешь (лат.).

Мур не был расположен ни к веселью, ни к унынию. К какому из этих состояний может привести общение с Юнгером, он не знал, но после злополучного Бала в «Сундуке Дэви Джонса»* он жил, будто в мыльном пузыре, и ему не хотелось, чтобы в его сторону направляли острые предметы.

— Никто вас не неволит, — холодно произнес Мур. — Если Круг вам не нравится, уходите.

Юнгер погрозил ему пальцем.

— Ты плохой *tovarisch*. Забываешь, что иногда человеку необходимо поплакаться в жилетку бармену или собутыльнику. Впрочем, ты прав — сейчас не те времена. С тех пор как появились никелированные «барматы», — да будут прокляты их экзотические глаза и коктейли, смешанные «по науке»! — некому стало излить душу.

Заказав «бармату» три коктейля, он выстроил бокалы на блестящей темной поверхности стойки.

— Испробуй! Отпей из каждого бокала! Спорим, ты не отличишь их друг от друга без карты вин.

— На «барматы» вполне можно положиться, — возразил Мур.

— Положиться? Можно, черт бы их побрал, если ты имеешь в виду увеличение числа неврастеников. Лучше их с этой работой никто не справится. Знаешь, когда-то за кружкой пива человек мог выговориться... Твои надежные миксеры-автоматы лишили его этой возможности. А что мы получили взамен? Клуб болтливых извращенцев, помешанных на переменах? О, видели бы нас завсегда! «Русалки» или «Кровожадного Льва»! — вскричал Юнгер с фальшивым гневом в голосе. — Все-таки какими баловнями судьбы были Марло и его приятели!

Он печально вздохнул и заключил:

— Да, выпивка тоже не та, что прежде.

Международный язык его отрывки заставил бармена отвернуться, но Мур успел заметить брезгливую гримасу на его лице.

* «Сундук Дэви Джонса» — дно морское, могила моряков.

— Повторяю, — сказал Мур, — если вам здесь не нравится, уходите. Почему бы вам не открыть собственный бар, без автоматов? Думаю, он бы пользовался успехом.

— Пошел ты... не скажу куда. — Поэт устался в пустоту. — Впрочем, я, может быть, так и сделаю. Открою бар с настоящими официантами...

Мур повернулся к нему спиной и стал смотреть на Леоту, танцующую с Корловым. Он был счастлив.

— Люди вступают в Круг по разным причинам, — бормотал Юнгер, — но главная из них — эксгибиционизм. Невозможно устоять перед призраком бессмертия, который манит тебя из-за кулис на сцену. С каждым годом людям все труднее привлекать к себе внимание. В науке это почти невозможно. В девятнадцатом и двадцатом веках удавалось прославиться отдельным ученым, а сейчас — только коллективам. Искусство настолько демократизировалось, что сошло на нет. А куда, спрашивается, исчезли его ценители? Я уж не говорю о простых зрителях... Так что нам остался только Круг, — продолжал он. — Взять хотя бы нашу Спящую Красавицу, которая отплясывает с Корловым...

— Что?

— Извини, не хотел тебя разбудить. Я говорю, если бы мисс Мэйсон хотела привлечь к себе внимание, ей следовало бы заняться стриптизом. Вот она и вступила в Круг. Это даже лучше, чем быть кинозвездой, по крайней мере не надо вкалывать...

— Стриптизом?

— Разновидность фольклора. Раздевание под музыку.

— А, припоминаю.

— Оно тоже давно в прошлом, — вздохнул Юнгер. — И поскольку мне не нравится, как одеваются и раздеваются современные женщины, меня не оставляет чувство, будто со старым миром от нас ушло что-то светлое и хрупкое.

— Не правда ли, она очаровательна?

— Бесспорно.

Потом они гуляли по холодной ночной Москве. Мору не хотелось покидать теплый дворец, но он изрядно выпил и легко согласился на уговоры Юнгера. Кроме

того, он опасался, что этот болтун, едва стоящий на ногах, провалится в канализационный люк, опоздает к отлету ракетоплана или вернется побитый.

Они брели по ярко освещенным проспектам и темным переулкам, пока не вышли на площадь, к огромному полуразвалившемуся монументу. Поэт сломал на ближайшем кусте веточку и метнул ее в стену.

— Бедняга, — пробормотал он.

— Кто?

— Парень, который там лежит.

— Кто он?

Юнгер свесил голову набок.

— Неужели не знаешь?

— Увы, мое образование оставляет желать лучшего, особенно в области истории. Древний период я мало-мальски...

Юнгер ткнул в сторону мавзолея большим пальцем.

— Здесь лежит благородный Макбет. Король, предательски убивший своего предшественника, благородного Дункана. И многих других. Сев на трон, он обещал подданным, что будет милостив к ним, но славянский темперамент — явление загадочное. Прославился наш герой в основном благодаря своим красивым речам, которые переводил поэт Пастернак. Но их давно уже никто не читает.

Юнгер снова вздохнул и уселся на ступеньку. Мур сел рядом. Он слишком замерз, чтобы обижаться на высокомерный тон подвыпившего поэта.

— В прошлом народы воевали между собой, — сказал Юнгер.

— Знаю, — кивнул Мур. От холода у него ныли пальцы. — Когда-то этот город был сожжен Наполеоном.

Юнгер поправил шляпу. Мур обвел взглядом горизонт, изломанный очертаниями причудливых зданий. Тут — ярко освещенная, строго конструктивная пирамида учреждения, устремленная в заоблачную высь (вот они, последние достижения плановой экономики); там — аквариум с черными зеркалами стен, который днем превратится в агентство с опытным, четко и слаженно действующим персоналом; а по другую сторону

площади — ее юность, полностью воскрешенная сумраком: блестящие луковицы куполов, нацелившие острия перьев в небо, где среди звезд сверкают бортовые огни летательных аппаратов.

Мур подул на пальцы и сунул руки в карманы.

— Да, народы воевали между собой, — повторил Юнгер. — Гремела канонада, лилась кровь, гибли люди. Но мы пережили эти времена, и вот наконец наступил долгожданный мир. Однако заметили мы это далеко не сразу. Мы и сейчас не можем понять, как это удалось. Слишком уж долго, видимо, мы откладывали мир на потом, забывая о нем, думая совсем о других вещах. Теперь нам не с кем сражаться — все победили, и все пожидают плоды победы. Благо этих плодов хватает на всех. Их даже больше чем достаточно, и каждый день появляются новые, все совершеннее, все изысканнее. Кажется, вещи поглощают умы своих создателей...

— Можно уйти в леса, — сказал Мур, жалея, что не надел костюм с термостатом на батарейке. — Мы многое могли бы сделать и, наверное, сделаем. А уйти в леса, по-моему, просто необходимо.

— Но прежде давай вернемся во Дворец, погреемся напоследок.

— Почему бы и нет?

Они встали со ступеньки и побрели обратно.

— И все-таки зачем ты вступил в Круг? Чтобы умереть от ностальгии?

— Нет, сынок. — Поэт хлопнул Мура по плечу. — В поисках развлечений.

— Гм, гм, — произнес голос. — Через несколько минут мы приземлимся на острове Оаху, на аэродроме лабораторного комплекса «Аква майнинг».

Раздался щелчок, и на колени пассажиру упал страховочный ремень. Мур застегнулся и попросил:

— Прочтите еще раз последнее стихотворение из «Стамески».

Грядущее, не будь нетерпеливым.
Пусть не сегодня, но завтра,
Пусть не сейчас, но потом.

Человек — это млекопитающее,
Которое создает монументы.
И не спрашивай меня для чего.

Он вспомнил Луну, какой описывала ее Леота. Последние сорок четыре секунды путешествия, ушедшие на высадку, Мур люто ненавидел Юнгера, не зная толком за что.

Стоя у трапа «Стрелы-9», он следил за приближением маленького человека, улыбающегося до ушей, и машинально пожал протянутую руку.

— Очень рад, — сказал Тенг. — Здесь многое изменилось с тех далеких дней. Сразу после звонка с Бермуды с коллегами собрались и стали думать, что бы вам показать. — Мур сделал вид, будто знает о звонке. — Ведь что ни говори, мало кому удастся побеседовать со своим работодателем из далекого прошлого.

Мур улыбнулся и пошел вместе с Тенгом к лабораторному комплексу.

— Да, я любопытен, — признал он. — Мне захотелось посмотреть, во что превратился комплекс. Скажите, сохранились ли мои офис и лаборатория?

— Разумеется, нет.

— А первая «тандем-камера»? А инжекторы с широкими патрубками?

— Заменены, конечно.

— Так, так. А большие старые насосы?

— Вместо них теперь новые, блестящие.

Мур повеселел. Спину грело солнце, которого он не видел несколько недель (лет), но еще приятней была прохлада в стенах лабораторного комплекса, создаваемая кондиционерами. Окружавшая его техника была компактна и в высшей степени функциональна, обладая тем не менее красотой, для которой Юнгер, наверное, сумел бы найти подходящие эпитеты.

Мур шел мимо агрегатов, ведя ладонью по их гладким бокам, — рассматривать каждый из них в отдельности у него не было времени. Он похлопывал ладонью по трубам и заглядывал в печи для обжига керамики. Когда Тенг интересовался его мнением о действии того или

иною механизма, он отмалчивался, делая вид, что разжигает трубку.

По подвесной дорожке они прошли через цех, похожий на замок, затем миновали пустые резервуары и углубились в коридор со стенами, усеянными множеством мерцающих лампочек. Иногда на пути им встречались люди: техники или инженеры. Мур пожимал руки и сразу забывал имена.

Главный технолог был очарован молодостью Мура; ему даже в голову не приходило усомниться, что перед ним — настоящий инженер, знающий свое дело во всех тонкостях. В действительности предсказание Мэри Муллен о том, что профессия Мура рано или поздно выйдет за пределы его воображения, обещало вот-вот сбыться.

Наконец они вышли в тесный вестибюль, и там Мур не без удовольствия обнаружил свой портрет среди фотографий умерших и ушедших на пенсию предшественников Тенга.

— Как вы думаете, я мог бы сюда вернуться?

В глазах Тенга появилось изумление. Лицо Мура оставалось бесстрастным.

— Ну, я полагаю... кое-что... вы могли бы сделать, — промямлил Тенг.

Мур широко улыбнулся и перевел разговор в другое русло. Его позабавило сочувственное выражение на лице человека, который видел его впервые в жизни. Сочувственное и испуганное.

— Да, картина прогресса всегда вдохновляет, — задумчиво произнес Мур. — Причем настолько, что хочется вернуться к прежней работе. К счастью, мне это ни к чему, я вполне обеспечен. И все же, видя, как разросся комплекс за годы твоего отсутствия, как далеко шагнула разработанная тобой технология, нельзя не испытывать ностальгии. Теперь тут столько зданий, что мне и за неделю их не обойти, и все они заполнены новейшим и надежнейшим оборудованием. Я просто в восторге. А вам нравится здесь работать?

— Да. — Тенг вздохнул. — Насколько вообще работа может нравиться. Скажите, вы летели сюда с намерением переночевать? У нас есть гостиница для сотрудников, там вас с радостью примут. — Он посмотрел на часы-луковицу, висящие у него на груди.

— Благодарю, но мне пора возвращаться. Дела, знаете ли. Я просто хотел укрепить свою веру в прогресс. Спасибо вам за экскурсию, и спасибо вашему веку.

На всем пути до Бермуд, в году две тысячи семьдесят восьмом от Рождества Христова, неутомимо потягивая мартини, Мур повторял про себя: «Дней связующая нить...»

— Все-таки решилась? — спросила Мэри Мод, осторожно выпрямляя спину под складками пледа.

— Да.

— Почему?

— Потому что я не хочу уничтожать то, что мне принадлежит. У меня и так почти ничего нет.

Дуэнья тихо фыркнула, будто эти слова рассмешили ее.

— Корабль идет по безлюдному морю к таинственному Востоку, — задумчиво произнесла она, обращаясь к любимой собачке, — но то и дело бросает якорь. Почему? Ты не знаешь, чем это объясняется? Глупостью капитана? Или второго помощника? — Она поглаживала собачку, словно и впрямь ждала от нее ответа.

Собачка молчала.

— Или неукротимым желанием повернуть вспять? — допытывалась Дуэнья. — Возвратиться домой?

Ненадолго повисла тишина. Затем:

— Я живу, переезжая из дома в дом. Эти дома зовутся часами. Каждый из них прекрасен, но не настолько, чтобы хотелось побывать в нем снова. Позволь, я угадаю слова, которые вертятся у тебя на языке: «Я не хочу замуж, и я не намерена покидать Круг. У меня будет ребенок...» Кстати, мальчик или девочка?

— Девочка.

— «У меня будет дочка. Я поселю ее в роскошном особняке, обеспечу ей славное будущее и успею вер-

нуться к весеннему фестивалю». — Дуэнья всматривалась в фигурку собачки, как факир в глубину хрустального шара. — Ну что, хорошая я гадалка?

— Да.

— Думаешь, это удастся?

— Не вижу причин...

— Скажи, какая роль уготовлена ее отцу? — допытывалась старуха. — Сочинять для нее сонеты или мастерить механические игрушки?

— Ни то ни другое. Он вообще не узнает о ней. Он будет спать до весны, я — нет. И она не будет знать, кто он.

— Чем дальше в лес, тем больше дров.

— Это почему же?

— Потому что не пройдет и двух месяцев по календарю Круга, как она станет женщиной, причем, возьму на себя смелость предсказать, красивой женщиной. Потому что у нее будут для этого деньги.

— Разумеется.

— И поскольку ее родители — члены Круга, ее обязательно примут в Круг.

— Может быть, она этого не захочет.

— Исключено. Захочет, не сомневайся. Все хотят. Хирурги сделают ее красавицей, и я, возможно, сумею добиться ее приема вопреки моим собственным правилам. В Кругу она встретит много интересных людей: поэтов, инженеров, собственную мать...

— Нет! Я бы ее предупредила!

— Ага! Ответь-ка мне, что это: боязнь кровосмешения, вызванная неуверенностью в собственных чарах, или что-нибудь другое?

— Прошу тебя! Зачем говоришь эти ужасные слова?

— Затем, что ты, к сожалению, вышла из-под моего контроля. До сих пор ты была превосходным символом Круга, ныне же твои устремления далеки от тех, что свойственны олимпийским богам. Глядя на тебя, люди подумают так: «Боги — все равно что школьники. Несмотря на легион врачей, который их обслуживает, они бессильны перед физиологией». Принцесса, в глазах всего мира ты — моя дочь, ибо Круг — это я. Поэтому прими

материнский совет: уйди. Не настаивай на продлении контракта. Выйди замуж и prospи несколько месяцев. Весной твой срок истечет, а до тех пор ты поспишь с перерывами в «бункере». А мы тем временем позаботимся о романтической окраске твоего ухода. О ребенке не беспокойся: «холодный сон» ему не повредит. Подобные случаи уже были. Если не согласна, я по-матерински предостерегаю тебя: ты будешь исключена немедленно.

— Ты не посмеешь!

— Прочитай свой контракт.

— Но зачем? Ведь никто бы не узнал.

Вспыхнули ацетиленовые горелки.

— Глупая куколка. Твое представление об окружающем мире фрагментарно и наивно. Если бы ты знала, насколько он изменился за последние шестьдесят лет. С той минуты, как кто-нибудь из нас открывает глаза у себя в «бункере», и до того мгновения, когда он, усталый, ложится спать после очередного Бала, за ним следят все средства массовой информации. Сейчас в арсенале охотников за жареными фактами гораздо больше шпионских устройств, чем на твоей голове — красивых волос. Мы не можем всю жизнь прятать твою дочь от журналистов. Не станем и пытаться. Даже в том случае, если ты решишься на аборт, у нас будет достаточно проблем с прессой, хотя наши служащие — не из тех, кого можно разговорить с помощью взятки или алкоголя. Итак, я жду твоего решения.

— Мне очень жаль.

— Мне тоже.

Молодая женщина встала и направилась к выходу. Возле двери ей показалось, будто она слышит поскуливание китайской собачки.

За аккуратной изгородью намеренно запущенного сада начиналась грунтовая дорожка. Она сбегала по склону холма, петляя, словно капризная река, местами исчезая в зарослях розы «Форсайт», ныряя в волны гинкго, над которыми реяли чайки. Надо было пройти по этой тропинке не менее тысячи футов, чтобы добраться

до искусственных развалин, находившихся в двухстах футах ниже Обитатели сна.

Развалины занимали добрый акр склона холма. В джунглях сирени, среди колоколов огромных ив, виднелись потрескавшиеся фонтаны, полуосыпавшиеся бордюры, накренившиеся или вовсе поваленные колонны, безликие и безрукие статуи и относительно редкие груды обломков. Тропа постепенно расширялась и наконец исчезла там, где прибой Времени стирал навеваемое руинами *memento mori** и где брели мужчина и женщина из Круга.

Руины, казалось, околдовывали, заставляя забыть о времени, и мужчина, обводя их взглядом, мог бы сказать: «Я старше, чем все это». А его спутница могла сказать в ответ: «Когда-нибудь мы снова придем сюда, и ничего этого уже не будет». Но она молчала, шагая вслед за ним по щебню туда, где посреди высохшего фонтана ухмылялся варварски изувеченный Пан. Там начиналась другая тропа, не запланированная создателями сада и появившаяся совсем недавно. Там желтела вытоптанная трава и густо рос шиповник.

Мужчина и женщина приблизились к стене, отделяющей развалины от берега, пробрались сквозь пролом, как командос, чтобы взять приступом полосу пляжа длиной в четверть мили. Здесь песок был не так чист, как на городских пляжах, где его раз в три дня заменяли свежим, зато тени тут были удивительно резкими, а у воды лежали плоские камни, удобные для раздумий.

— А ты обленилась, — заметил он, сбрасывая туфли и зарывая пальцы ног в холодный песок. — Не захотела идти в обход.

— Да, я обленилась, — согласилась женщина.

Они разделись и направились к воде.

— Не толкайся!

— Вперед! Наперегонки до скал!

На этот раз он победил.

Они нежились на лоне Атлантики, как самые обычные купальщики любой эпохи.

* *Memento mori* (лат.) — здесь: мысль, напоминание о смерти.

— Кажется, так и осталась бы здесь навсегда.

— Сейчас холодные ночи. К тому же здесь часто бывают штормы. запросто может унести в море.

— Если бы всегда было, как сейчас, — поправилась она.

— «Verweile doch, du bist so schön»*, — процитировал мужчина. — Помнишь Фауста? Он проиграл. Проиграл и Спящий. Я тут как-то перечитывал Юнгера... Эй! В чем дело?

— Ни в чем.

— Девочка, что-то тут не так. Я же вижу.

— Какая тебе разница?

— Что значит — какая разница? Ну-ка, выкладывай!

Ее рука, словно мост, перекинулась через маленькое ущелье между каменными плитами и нашла его руку. Он повернулся на бок, с тревогой глядя на влажный атлас ее волос, смеженные веки, впалые пустыни щек и кроваво-красный оазис рта. Она сильнее сжала его руку.

— Давай останемся здесь навсегда, несмотря на холод и штормы.

— Ты хочешь сказать...

— Что мы можем сойти на этой остановке.

— Понятно. Но...

— Но тебе не хочется? Тебе нравится этот великий розыгрыш?

Он отвернулся.

— Кажется, в ту ночь ты был прав.

— В какую ночь?

— Когда сказал, что нас дурачат. Что мы — последние люди на Земле и пляшем перед пришельцами, которые наблюдают за нами по непостижимым для нас причинам. Кто мы, как не образы на экране осциллографа? Мне смертельно надоело быть предметом изучения.

Мужчина не отрываясь глядел на море.

— Мне сейчас очень нравится в Круге, — сказал он. — Поначалу я был к нему амбивалентен. Но несколько недель, то есть лет, тому назад я побывал на своем прежнем рабочем месте. Теперь там все иначе. Масштабнее. Совершеннее. И дело не в том, что там по-

* Остановись, мгновенье, ты прекрасно (нем.).

явились устройства, о которых пятьдесят—шестьдесят лет назад я даже мечтать не смел. Пока я там находился, меня не оставляло странное чувство... Я беседовал с малюткой Тенгом, главным технологом, который по части болтовни не уступит Юнгеру. Я не слушал его, а просто смотрел на все эти тандем-резервуары и узлы механизмов, и внезапно понял, что когда-нибудь в одном из этих корпусов, среди сумрака и блеска нержавеющей стали, из стекла, пластика и пляшущих электронов будет создано нечто. И это нечто будет таким прекрасным, что мне очень хотелось бы присутствовать при его рождении. Это было лишь предчувствие; я не назову его мистическим опытом или чем-нибудь в этом роде. Но если бы то мгновение осталось со мной навсегда... Как бы то ни было, Круг — это билет на спектакль, который я мечтаю посмотреть.

— Милый, в сердце человека живут ожидание и воспоминания, но не мгновения...

— Может быть, ты и права. — Наклонясь над водой, Мур поцеловал кровь ее рта.

«Verweile doch... du bist so schön...»

...Они танцевали...

...На Балу, завершающем все Балы...

Заявление Леоты Мэйсон и Элвина Мура ошеломило Круг, собравшийся в канун Рождества. После роскошного обеда и обмена яркими и дорогими безделушками погасли огни. Гигантская новогодняя елка, венчающая прозрачный пентхауз, сияла в каждой растаявшей снежинке на стекле потолка, словно Галактика в миниатюре.

Все часы Лондона показывали девять вечера.

— В Рождество — свадьба, в канун Крещения — развод, — сказал кто-то во тьме.

— Что они будут делать, если их вызовут на «бис»? — шепотом спросил другой.

Кто-то захихикал, затем несколько голосов фальшиво и нестройно затянули рождественский гимн.

— Сегодня мы в центре внимания, — усмехнулся Мур.

— Когда мы с тобой танцевали в «Сундуке Дэви Джонса», они корчились и блевали на пол.

— Круг нынче не тот, что прежде, — заметил он. — Совсем не тот. Сколько появилось новых лиц. Сколько исчезло знакомых? Куда уходят наши люди?

— На кладбище слонов? — предположила она. — Кто знает.

— «Сердце — это кладбище дворняг, скрывшихся от глаз живодера. Там любовь покрыта смертью, как глазурью, и псы сползаются туда околевать...» — продекламировал Мур.

— Это Юнгер?

— Да. Почему-то вспомнилось.

— Лучше бы не вспоминалось. Мне не нравится.

— Извини.

— А где сам Юнгер? — спросил он, когда мрак рассеялся и люди встали с кресел.

— Наверное, возле чаши с пуншем. Или под столом.

— Под стол ему вроде бы рановато. — Мур поежился. — Между прочим, что мы здесь делаем? Почему ты потребовала, чтобы мы прилетели на этот Бал?

— Потому что сейчас — сезон милосердия и любви...

— И веры, и надежды, — с усмешкой подхватил он. — На сантименты потянуло? Хорошо, я тоже буду сентиментален. Ведь это так приятно.

Он поднес к губам ее руку.

— Прекрати.

— Хорошо.

Он поцеловал ее в губы. Рядом кто-то расхохотался.

Она покраснела, но не отстранилась.

— Решила выставить меня на посмешище? — спросил он. — И себя? Учти, я не остановлюсь на полпути. Объясни, зачем мы явились сюда и на весь мир заявили о своем уходе? Мы могли бы просто исчезнуть. Проспали бы до весны, а затем...

— Нет. Я — женщина. Для меня Бал, последний в году и в жизни, — слишком большой соблазн. Мне хотелось надеть на палец твой подарок. Мне хотелось видеть их лица и знать, что в глубине души они нам завидуют. Нашей смелости и, может быть, нашему счастью.

— Ладно. Я пью за это. И за тебя. — Он поднял и осушил бокал. В павильоне отсутствовал камин, куда

можно было бы его красиво бросить, поэтому Мур поставил его на стол.

— Потанцуем? Я слышу музыку.

— Подожди. Посиди спокойно, выпей еще.

Когда все часы Лондона пробили одиннадцать, Леота поинтересовалась, где Юнгер.

— Ушел, — ответила стройная девушка с фиолетовыми волосами. — Сразу после ужина. Наверное, несварение желудка. — Она пожалала плечами. — А может, отправился на поиски «Глобуса».

Леота нахмурилась и взяла со стола бокал.

Потом они танцевали... Мур не видел павильона, по которому двигался в танце, не замечал сотен безликих теней... Для него они были персонажами прочитанной и закрытой книги. Сейчас для него существовали только танец и женщина, которую он держал в объятиях.

«Я добился, чего хотел, — подумал он, — и, как прежде, хочу большего. Но я преодолею себя».

Стены павильона были облицованы зеркалами. В них кружились сотни Элвинов Муров и Леот Мэйсон. Так они кружились вот уже семьдесят с лишним лет на всех Балах Круга: в «Небесном Приюте» среди тибетских снегов и в «Сундуке Дэви Джонса», на околоземной орбите и в плавучем дворце Канаяши, в пещерах Карлсбада и в древнем дельфийском храме. Но этот рождественский Бал для них был последним. «Спокойной ночи, леди, спокойной ночи, леди...»

Леота молчала, прижимаясь к Муру. Ее дыхание обручем охватывало его шею.

«Спокойной ночи, спокойной ночи, спокойной ночи», — слышал он собственный голос.

Они ушли в полночь, с первыми ударами колоколов. Садясь в такси, Мур сказал водителю, что они устали и вернутся пораньше.

Они объехали стратокрейсер и высадились возле «Стрелы», на которой прилетели сюда. Ступая на пушистое белое руно, покрывающее взлетно-посадочную площадку, мужчина и женщина приблизились к меньшему кораблю и поднялись по трапу.

— Может быть, сделать освещение более ярким? Или, наоборот, менее ярким? — спросил голос, когда Лондон с его часами и знаменитым мостом исчез во мраке.

— Мenee.

— Может быть, желаете поесть? Или выпить?

— Нет.

— Не хотите ли еще чего-нибудь? — Пауза. — Например, прослушать научную статью на любую интересующую вас тему? — Пауза. — Или что-нибудь из художественной прозы? — Пауза. — Или из поэзии? — Пауза. — Не угодно ли просмотреть каталог мод? — Пауза. — Или вы предпочитаете музыку?

— Музыку, — выбрала Леота. — Легкую. Не такую, как ты любишь, Элвин.

Мур задремал. Минут через десять он услышал:

Наш хрупкий волшебный клинок
 С огненной рукоятью
 Рассекает мрак
 Под крошечной меткой
 Полярной звезды,
 Обрезая заусенцы
 Миниатюрной геенны,
 Разливая свет,
 От которого не светлей.
 Бусины песенных строк,
 Летящие на острие клинка,
 Вылущиваются, выскакивают
 И нанизываются на нитку
 Идиотской темы.
 Сквозь хаос,
 Выпущенный на волю
 И теснящий злосчастную логику,
 Черные нотные знаки
 Несутся наперегонки с огнем.

— Перестань, — пробормотал Мур. — Мы не просили читать.

— Я не читаю, — возразили ему. — Я сочиняю.

Мур повернулся на голос, и кресло мгновенно изменило конфигурацию. В нескольких рядах от него с подлокотника кресла в проход свешивались чьи-то ноги.

— Юнгер?

— Нет, Санта-Клаус. Ха-ха!

— Что ты здесь делаешь? Тоже решил вернуться пораньше?

— Ты сам ответил на свой вопрос.

Фыркнув, Мур уселся в прежнюю позу. Рядом с ним ровно дышала Леота. Ее кресло превратилось в кровать.

Мур смежил веки, но присутствие Юнгера не давало ему вернуться в приятную дремоту. Он услышал вздох и нетвердые шаги, однако не открывал глаз, надеясь, что Юнгер упадет и уснет. Но поэт не упал.

Внезапно по салону раскатился торжественный и жуткий баритон:

В больнице святого Иа-акова я детку свою отыскал.

Холодная, милая, сла-авная лежала на длинном столе...

Мур ударил левой, целя в солнечное сплетение. Промahnуться было невозможно, но удар получился слишком медленным. Юнгер успел поставить блок и с хохотом отступил.

Леота села и потрясла головой.

— Что ты здесь делаешь?

— Сочиняю, — ответил Юнгер. — Сам. — И добавил: — С Рождеством.

— Иди к черту! — буркнул Мур.

— Мистер Мур, я поздравляю вас с женитьбой.

— Спасибо.

— Позвольте поинтересоваться, почему я не был приглашен?

— Мы решили не праздновать.

— Леота, это правда? Старого товарища по оружию не пригласили на свадьбу только потому, что он недостаточно казист, на ваш утонченный вкус?

Леота кивнула. Она уже окончательно проснулась.

Юнгер ударил себя по лбу.

— О! Я ранен в самое сердце!

— Почему бы тебе не убраться туда, откуда пришел? — вспылал Мур. — Спиртного там — море разлитое.

— Не могу же я присутствовать на рождественской мессе в состоянии алкогольного опьянения...

— Ты и на заупокойную мессу способен прийти в стельку пьяным.

— Это намек, что вам с Леотой хотелось бы побыть наедине? Я понял.

Юнгер повернулся и побрел по проходу. Спустя некоторое время Мур услышал его храп.

— Надеюсь, больше мы его никогда не увидим, — хмуро произнесла Леота.

— Почему? Он же безобидный пьяница.

— Безобидный? Он нас ненавидит. Потому что, в отличие от него, мы счастливы.

— По-моему, он счастлив только в те минуты, когда ему тошно, — с улыбкой сказал Мур. — И когда падает температура. Юнгер любит «холодный сон», потому что это похоже на кратковременную смерть. Однажды он сказал, что член Круга умирает много раз. Потому-то он и вступил в Круг. — Помолчав с минуту, Мур поинтересовался: — Ты говоришь, более длительный период сна не повредит?

— Да. Никакого риска.

Тем временем на одном из Бермудских островов Рождество выгнали в прихожую, потом — за порог. Дрожа, как продрогшая собака, стояло оно за дверью, ведущую в их мир. В мир Леоты, Мура и Юнгера.

А на борту «Стрелы», летящей против времени, Мур вспоминал далекий новогодний Бал. Женщина, которую он полюбил на том Балу, сидела теперь рядом с ним. Он вспомнил другие праздники Круга и подумал, что мог бы пропустить их, ничего не потеряв. Он вспомнил «Аква майнинг», где еще несколько месяцев тому назад работал главным технологом, и решил, что теперь эта профессия не для него. Дней связующая нить порвалась, и соединить ее он не в силах. Он вспомнил свою прежнюю квартиру, где не бывал с тех пор, как вступил в Круг, вспомнил близких ему людей, в том числе Диану Деметрикс, и подумал, что вне Круга у него не будет никого, кроме Леоты. Только Уэйн Юнгер неподвластен старению, ибо он — на службе у вечности. Но и тот, возможно, решится выйти из Круга, откроет бар и соберет собственный Круг из отбросов общества.

Внезапно Мур ощутил невыразимую усталость и тоску. Он заказал призрачному слуге мартини и протянул руку к нише, в которой появился бокал. Потягивая кок-

тейль, он сидел и размышлял о мире, над которым летела его «Стрела».

Надо быть как все, решил он. Мур не знал современного мира — ни его законов, ни искусства, ни морали. Типичный представитель Круга, он реагировал в основном на цвет, движение, удовольствие и изысканную речь; его познания в науке безнадежно устарели. Он был богат, но всеми его финансами ведал Круг. Он располагал только универсальной кредитной карточкой, которая, правда, позволяла ему приобретать любые товары и услуги. Периодически он проверял свои счета и балансовые ведомости, убеждаясь, что о деньгах можно не беспокоиться. Но все же он не мог избавиться от тревоги, размышляя о своем возвращении в мир смертных. Наверное, его сочтут занудой, ханжой, клоуном, каким он выглядел этим вечером. И самое страшное: теперь его человеческая сущность не будет скрыта под лоском Круга.

Юнгер храпел. Леота дышала тихо и ровно. «Стрела» достигла Бермудского архипелага и опустилась на один из островов.

— Прогуляться не хочешь? — спросил Мур жену возле трапа.

— Извини, дорогой, я устала, — ответила она, глядя на Обитель сна.

— А я еще не готов.

Леота повернулась к нему. Он поцеловал ее.

— Спокойной ночи, милая. До встречи в апреле.

— Апрель — самый жестокий месяц, — заметил Юнгер. — Пошли, инженер. Пройдемся до стоянки ракетомобилей.

Они пересекли взлетно-посадочную площадку и вышли на широкую дорогу, ведущую к гаражу.

Ночь была прозрачна, словно хрусталь, звезды сверкали, как елочная мишура, а орбитальный бакен сиял будто золотой самородок на дне омута.

— Хорошая ночь для прогулки.

Мур что-то проворчал в ответ. Порыв ветра осыпал его щеку тлеющими крупичками табака. Поэт хлопнул Мура по плечу.

— Пошли в город, а? Это сразу за холмом. Дойдем пешком.

— Нет, — процедил сквозь зубы Мур.

Они двинулись дальше.

— Не хочется сегодня быть одному, — признался Юнгер возле гаража. — Такое чувство, будто я напился вытяжки из столетий и неожиданно обрел мудрость, которая никому не нужна. Я боюсь...

— Все, — перебил Мур. — Пора прощаться. Ты поезжай дальше, а мы сойдем здесь. Желаю приятно развлекаться.

Они не пожалели друг другу руки. Мур проводил поэта взглядом до гаража, повернулся и зашагал по подстриженному газону к саду.

Ориентироваться в зарослях было трудно, и вскоре Мур заблудился. Поплутав, он все же выбрался из чащи на поляну, залитую звездным светом, где высились руины, где тени двигались, когда менялось направление ветра.

Под ногами хрустела сухая трава. Мур уселся на поваленную колонну и раскурил трубку.

Вскоре от холода заныли пальцы, но Мур не двигался. Ему хотелось вмерзнуть в пейзаж, стать памятником самому себе. Он призывал дьявола, предлагая ему душу в обмен на возможность вернуться с Леотой в родной Фриско и заняться прежним делом. У него, как у Юнгера, возникло ощущение, будто он постиг мудрость веков, которой невозможно найти применение.

Наконец ледяной ветер согнал Мура с места. Он перебрался к фонтану, над которым высился не то спящий, не то мертвый Пан. «Холодный сон» богов... Когда-нибудь Пан проснется и заиграет на свирели, и лишь ветер среди высоких колонн будет вторить ему да шаркающая поступь потревоженного робота-смотрителя. К тому времени люди позабудут мелодии праздников. В крови самых злобных и раздражительных из них врачи найдут вирус злобы и раздражительности и создадут против него вакцину. Машина легкомыслия, лишенная эмоций, будет постоянно генерировать в сердцах людей, погруженных в сладкие сны, ощущение радости. И не найдется среди потомков Аполлона никого, кто сможет

хотя бы повторить древний клич, разносившийся над водами Понта много рождественских ночей тому назад.

Пожалуй, напрасно он поспешил расстаться с Юнгером. Сейчас Муру казалось, что он видит мир глазами этого человека. Поэт явно боялся будущего. «Но все-таки, почему он не уходит из Круга? Может быть, получает мазохистское наслаждение, видя, как сбываются его ледяные пророчества?»

Страхнув с себя оцепенение, Мур направился к каменной ограде сада. Замерзшие пальцы ног болели, и он побежал трусцой.

Наконец он остановился. Перед ним лежал мир, похожий на ведро, заполненное водой. В воде отражались звезды. Мур стоял на ржавом краю ведра и глядел на каменные плиты, на которых они с Леотой загорали несколько дней (месяцев) тому назад. В тот раз он рассказывал ей о своих агрегатах. Он по-прежнему верил, что когда-нибудь его детища превратятся в огромные и прекрасные сосуды для жизни. Но сейчас он, как и Юнгер, опасался, что к тому времени мир утратит что-то очень важное, и чудесные новые сосуды, увы, будут заполнены не до краев. Мур убеждал себя, что Юнгер ошибается, что своенравный век вовсе не обязан осуществлять его выморочные пророчества и у Пана, когда он заиграет на свирели, кроме робота-смотрителя, найдутся и другие слушатели. Он изо всех сил старался в это поверить.

В океан упала звезда, и Мур посмотрел на часы. Было поздно. Он повернулся и направился к пролому в стене.

В клинике ему встретился Джеймсон — высокий, тощий, с кудрями херувима и глазами полной его противоположности. Джеймсон зевал, уже получив укол снотворного.

— А, Мур, — ухмыльнулся он, глядя, как Мур снимает пальто и фрак и закатывает рукав сорочки. — Решил провести медовый-месяц на холодке?

В сухонькой ручке врача щелкнул безыгольный иньектор. Мур потер саднящее предплечье.

— Допустим, — ответил он, смерив презрительным взглядом не совсем трезвого Джеймсона. — А тебе какое дело?

— Не пойму я тебя... Знаешь, если б я женился на Леоте, то ни за какие коврижки не полез бы в «бункер». Разве что...

Из горла Мура вырвалось рычание. Он шагнул к Джеймсону. Тот попятился.

Мур вздрогнул от боли — врач схватил его за то место на руке, куда был сделан укол.

— Ладно, — сказал Мур. — Спокойной ночи. Пропись хорошенько.

Он шагнул к двери. Врач разжал пальцы. Мур опустил рукав сорочки и снял с вешалки фрак и пальто.

— Совсем рехнулся! — крикнул ему вдогонку Джеймсон.

Идти в «бункер» Муру не хотелось. Если бы не встреча с Джеймсоном, он провел бы в клинике полчаса, ожидая, пока подействует укол. Сейчас же вместо этого прошел по широким коридорам к лифту, поднялся на этаж, где находились «бункеры». Возле двери в свой «бункер» остановился в нерешительности. Здесь предстояло проспать три с половиной месяца. На этот раз ему не казалось, что он уснет всего лишь на полчаса.

Он набил трубку табаком. Решено: выкурит ее в комнате жены, ледяной богини. После укола следовало бы воздержаться от никотина, но Мур, как и все его знакомые курильщики, редко выполнял эту рекомендацию врача.

Мур пошел дальше по коридору и услышал вдруг частый стук. Он затих, едва Мур свернул за угол, затем возобновился. Через секунду снова наступила тишина.

Мур остановился возле двери в «бункер» Леоты. Сжимая в зубах чубук трубки, достал авторучку, зачеркнул на табличке фамилию «Мэйсон» и написал «Мур». Дописывая последнюю букву, он снова услышал стук. Доносившийся из комнаты Леоты.

Мур отворил дверь, шагнул вперед и застыл как вкопанный. В комнате спиной к нему стоял мужчина с киянкой в поднятой руке. Мур услышал его бормотание:

— ...Розмарином прекрасное ее осыпьте тело... Унесите ее в наряде подвенечном в церковь...*

* Шекспир. «Ромео и Джульетта». Пер. Т. Щепкиной-Куперник.

Мур стрелой метнулся к мужчине, схватил его за руку и вырвал киянку. Потом изо всех сил ударил его кулаком в челюсть. Юнгер налетел на стену и сполз на пол.

— Леота! — сказал Мур. — Леота...

Перед ним в заиндевелем саркофаге лежала белая статуя паросского мрамора. Крышка саркофага была поднята. Тело молодой женщины успело приобрести твердость камня, и на груди, пробитой колышком, не выступило крови. Только трещины и сколы, как на камне.

— Нет! — прошептал Мур.

Колышек был изготовлен из очень твердой синтетической древесины кокоболо, или из квебрахо, или из лигнум-вита. Он не сломался...

— Нет! — повторил Мур.

Ее лицо в облаке волос цвета алюминия было безмятежным. На безымянном пальце Мур увидел кольцо — его свадебный подарок.

В углу послышалось бормотание.

— Юнгер, — еле слышно произнес Мур, — зачем... ты... это сделал?

— Вампир, — невнятно ответил поэт. — Завлекает мужчин на свой «Летучий голландец» и веками пьет из них кровь... Она — это будущее. Богиня с виду, а душа — как безжизненная пустыня... — Он уныло забубнил: — «Счастливей та, что рано умерла... Отрите ваши слезы... розмарином...» Она хотела оставить меня висящим в пустоте... А я не мог спрыгнуть с карусели, и у меня не было обручального кольца... Но никому не дано потерять того, что потерял я... «...И как велит обычай, унесите ее в наряде подвенечном в церковь...» Я думал, она вернется ко мне, когда устанет от тебя.

Мур ударил его киянкой по голове. Затем еще и еще раз. Потом перестал считать — в ту минуту его память не удерживала числа больше трех.

Потом он вышел из комнаты с киянкой в руке и побегал по коридорам мимо дверей, похожих на незрячие глаза, по ступенькам давно не хоженной лестницы...

Выбегая из дверей Обители сна, он услышал, как кто-то зовет его по имени. Но не остановился, даже когда выбился из сил, лишь перешел на шаг. Рука онемела,

в боку кололо, легкие горели. Он взобрался на холм, постоял на вершине и спустился по другому склону.

Улицы Бального Города — дорогостоящего курорта, опекаемого Кругом, — были безлюдны, но окна светились, а за ними блестели елочные игрушки и мишура. Откуда-то доносились пение и смех. Услышав эти звуки, Мур еще острее ощутил одиночество. Ему казалось, что не он сам, а его душа, покинувшая тело, бредет по ночным улицам. «Наверное, так действует сновтворное», — подумал он.

Ноги заплетались, веки словно налились свинцом. Мур с трудом преодолевал соблазн рухнуть в ближайший сугроб и уснуть. Заметив неподалеку церковь, он свернул к ней. Людей внутри не оказалось, но в церкви все же было теплей, чем на улице. Он приблизился к алтарю, на котором горело множество свечей, и, прислонясь к спинке церковной скамьи, долго рассматривал икону, изображающую сцену в хлеву: младенца, его мать и отца, ангелов и любопытный скот. Потом из его горла вырвалось клокотание, и Мур запустил в икону киянкой. Ругаясь и плача, он прошел шагов десять вдоль стены и сполз на пол, царапая ногтями штукатурку.

Его нашли в ногах у распятого Христа.

По пробуждении Мур обнаружил, что со времен его молодости судопроизводство значительно ускорилося. Этого требовали обстоятельства: население Земли так выросло в числе, что судьям, рассматривая они каждое дело с прежней тщательностью, пришлось бы трудиться круглые сутки.

Обвиняемый предстал перед судом в десять вечера, через два часа после пробуждения. Слушание длилось менее четверти часа. От защиты Мур отказался. Присяжные единогласно признали его виновным, и судья, не отрывая глаз от стопки бумаг, лежащих перед ним на столе, вынес смертный приговор.

Мур покинул зал суда и вернулся в камеру, где его ждал последний ужин. Впрочем, ел он или нет, он не запомнил. Процесс ошеломил его. Перед этим у него побывал адвокат от Круга, выслушал со скужающим ви-

дом и, упомянув какое-то «символическое наказание», посоветовал отказаться от защиты и признать за собой вину. Взяв с него расписку об отказе, адвокат ушел, и Мур до самого суда не разговаривал ни с кем, кроме своих тюремщиков. А теперь его осудили на смерть за расправу над убийцей его жены! Разум отказывался осознать справедливость этого приговора. И все же, машинально пережевывая пищу, Мур не испытывал страха перед близкой гибелью. Он просто не мог в это поверить.

Через час его отвели в тесную камеру без окон, с единственным глазком из толстого стекла на металлической двери. Осужденный уселся на скамью, и тюремщики в серой форме вышли, заперев дверь.

Вскоре он услышал шипение и почуял незнакомый запах, а еще через несколько секунд он катался по полу, заходясь от кашля. Мур кричал, представляя Леоту, неподвижно лежащую в «бункере», а в мозгу у него звучал глумливый голос Юнгера:

В больнице святого Иа-акова я детку свою отыскал.
Холодная, милая, сла-авная лежала на длинном столе...

«Неужели он еще тогда замышлял убийство? — вяло подумал Мур. — Не случайно он хотел, чтобы я остался с ним. Боялся, что лопнет нарыв в подсознании...»

Мур понял, что никогда не узнает правды. Огонь из легких перебрался в череп и принялся пожирать мозг.

Придя в сознание, он не шевелился, измотанный до предела. Он лежал на койке под льняным покрывалом.

— ...Пусть это послужит вам уроком, — звучало в головных телефонах.

Мур открыл глаза. Судя по всему, он находился в клинике на одном из этажей Обителя сна. Возле койки сидел Франц Эндриус, адвокат, посоветовавший ему не отпираться на суде.

Мур вяло помотал головой, стряхивая наушники.

— Как самочувствие? — спросил Эндрюс.

— Великолепное. Хотите предложить партию в теннис?

Адвокат улыбнулся одними глазами.

— Я вижу, символическая кара сняла бремя с вашей души.

— О! Эти слова объяснили мне все, — произнес Мур с кривой улыбкой. — Но все-таки я не понимаю, зачем вообще нужна была какая-то кара? Ведь этот рифмоплет убил мою жену.

— И заплатит сполна, — пообещал Эндрюс.

Мур повернулся на бок, вглядываясь в невыразительное лицо собеседника. Коротко остриженные волосы Эндрюса были тронуты сединой, умные глаза смотрели не мигая.

— Что вы сказали? Нельзя ли повторить?

— Пожалуйста. За свое преступление Юнгер заплатит сполна.

— Так он жив?

— Жив-здоров и находится в двух этажах над вами. Но для казни он еще слабоват. Скоро он окончательно поправится, и тогда...

— Он жив! — повторил Мур. — Жив! Так за что же вы меня наказали, черт бы вас побрал?!

— Как это — за что? Вы же убили человека! — раздраженно ответил Эндрюс. — Тот факт, что врач успел его оживить, вовсе не снимает с вас вины. Убийство совершено. Именно для таких случаев и существует символическая кара. В следующий раз вы как следует подумаете, прежде чем схватите молоток.

Мур попытался подняться. Не получилось.

— Ну-ну, не торопитесь. Вам надо провести в постели еще несколько дней. Вас ведь только вчера оживили.

Мур хихикнул. Потом засмеялся. Потом захохотал. Наконец он всхлипнул и умолк.

— Теперь вам легче?

— Легче, — прохрипел Мур. — Какая кара ждет Юнгера?

— Газовая камера. То же, что перенесли вы, если будет доказана его невменяемость в момент...

— Тоже символически? Или совсем?

— Разумеется, символически.

Из того, что произошло потом, Мур запомнил только крик врача, чьего присутствия он прежде не замечал, щелчок безыгольного инъектора и резкую боль в плече.

Проснувшись, он почувствовал себя окрепшим. Возле койки в прежней позе сидел Эндрюс.

Мур молчал, выжидающе глядя на адвоката.

— Мне сообщили, что вы плохо ориентируетесь в ситуации, — заговорил адвокат. — Я думал, вы знаете, что такое символическая кара. Вынужден просить у вас прощения. Видите ли, подобные случаи крайне редки, и в моей практике это первый. Я полагаю, вам известны обстоятельства неумышленного убийства вашей жены мистером...

— Неумышленного?! О черт! Это случилось на моих глазах! Он вбил ей кол в сердце! — У Мура сорвался голос.

— Все не так просто. Видите ли, этот случай не имеет прецедента. Вопрос стоял так: либо Юнгеру будет вынесен приговор сейчас, с учетом сегодняшних обстоятельств, либо он пролежит в «бункере» до операции, после которой причиненный им вред получит окончательную оценку. Мистер Юнгер дал добровольное согласие на второй вариант, и, следовательно, вопрос снят. Он будет спать до тех пор, пока хирургическая техника не усовершенствуется настолько...

— Какая еще техника? — Впервые после Рождества мозг Мура пробудился полностью. Он понял, что сейчас услышит.

Эндрюс поерзал на стуле.

— Видите ли, у мистера Юнгера... э-э... своеобразное, я бы сказал, поэтическое представление о том, где у человека сердце. Чистая случайность, что он задел левый желудочек. Но врачи утверждают, что это поправимо. Плохо другое: будучи направлено под углом, острое колышка задело позвоночник. Два позвонка разбиты, еще несколько треснули, поврежден спинной мозг.

Мур снова впал в протрацию. Конечно же, Леота не умерла. Но она и не жива. Она спит «холодным

сном». Искорка жизни будет теплиться в ней до самого пробуждения. Тогда, и только тогда она умрет. Если...

— ...Осложняется ее беременностью и тем, что для разогрева тела до температуры, при которой возможна операция, необходимо время, — говорил Эндриус.

— Когда ее будут оперировать?

— Сейчас этого нельзя сказать наверняка. Видите ли, методика еще не проверена на практике. Уже сегодня врачи способны устранить по одному все негативные факторы, но в совокупности и в предельно сжатый срок... Надо исцелить сердце, позвоночник, спасти ребенка, причем с помощью экспериментальной техники...

— Когда? — настаивал Мур.

Эндриус пожал плечами:

— Врачи этого пока не говорят. Может, через месяц, а может, и через несколько лет. Пока ваша жена в «бункере», ей ничто не грозит...

Мур не слишком вежливо попросил адвоката уйти.

На другой день он встал с кровати, несмотря на головокружение, и сказал врачу, что не ляжет, пока не повидает Юнгера.

— Но ведь он в тюрьме, — возразил врач.

— Неправда! Адвокат сказал, что он здесь.

Через полчаса Муру разрешили посетить Юнгера. Его сопровождали Эндриус и два санитары.

— Бойтесь, что символическое наказание не удержит меня от убийства? — ухмыльнулся Мур.

Эндриус промолчал.

— Не бойтесь. Я слишком слаб. К тому же у меня нет молотка.

Эндриус постучал в дверь, и они вошли.

Юнгер в белом тюрбане из бинтов восседал на подушке. На стеганом покрывале перед ним лежала закрытая книга. Он смотрел за окно, в сад.

— Доброе утро, сукин ты сын.

Юнгер обернулся:

— Прошу.

Мур вложил в приветствие всю злобу, накопившуюся в душе, и теперь не знал, что еще сказать. Он уселся на стул возле кровати, достал трубку и, вспомнив, что

не захватил табак, принялся ковырять в чашечке ногтем. Эндрюс и санитары делали вид, будто не смотрят на него.

Мур сунул в рот пустую трубку и поднял глаза.

— Мне очень жаль, — сказал Юнгер. — Ты способен в это поверить?

— Нет.

— Она — это будущее. Я вбил в ее сердце кол, но все же она не мертва. Врачи говорят, она выздоровеет. И будет красивей, чем прежде. — Он вздрогнул и потупился. — Если для тебя это послужит утешением, знай, что я страдаю и буду страдать всю жизнь. Нет на свете гавани для моего «Летучего голландца». Я буду плыть на нем, пока не умру среди чужих людей. — Жалко улыбаясь, он посмотрел на Мура. — Ее спасут! Она будет спать, пока врачи не подготовятся к операции. Потом вы соединитесь навеки, а я... я буду скитаться. И уже никогда не окажусь на твоём пути. Желаю счастья. И не прошу прощения.

Мур встал.

— Сейчас нам с тобой говорить не о чем. Но когда-нибудь мы вернемся к этой теме.

Возвращаясь в свою палату, он подумал, что так ничего и не высказал Юнгеру.

— Перед Кругом стоит этический вопрос, и отвечать на него придется мне, — заявила Мэри Мод. — К сожалению, он поставлен правительственными юристами, поэтому, в отличие от многих других этических вопросов, от него нельзя уклониться.

— Он касается Мура и Юнгера? — спросил Эндрюс.

— Не только. Он касается всего Круга, хотя возник в результате этого конфликта.

Она указала на журнал, лежащий перед ней на столе. Эндрюс кивнул.

— «Вот, агнец Божий», — прочитала она заголовок редакционной статьи, рассматривая фотографию члена Круга, распростертого на полу в церкви. — Нас обвиняют, будто мы плодим психопатов всех мастей, вплоть до

некрофилов. Тут есть еще один снимок. Здесь, на третьей странице.

— Я видел.

— От нас требуют гарантий, что впредь член Круга, покидая стены Обитатели навсегда, не утратит свойственной ему фривольности и не впадет в глупую патетику.

— Но ведь это случилось впервые.

— Разумеется. — Дуэнья улыбнулась. — Обычно нашим бывшим питомцам хватает такта потерпеть несколько недель, прежде чем их поведение становится антиобщественным. Все они отличаются полной неприспособленностью к окружающему миру. На первых порах она не так дает себя знать благодаря их богатству. Но этот случай, — она снова показала на журнал, — позволил недоброжелателям упрекнуть нас, что мы либо выбираем не тех людей, либо недостаточно хорошо проверяем состояние их здоровья, прежде чем расстаться с ними. И то и другое — нелепо. Первое — потому, что собеседования провожу я, а второе — потому, что нельзя ожидать от человека, сброшенного с небес на землю, что он сохранит свое обаяние и душевное равновесие. Это невозможно, как бы мы его ни натаскивали.

Но Юнгер и Мур были вполне нормальны и никогда не водили между собой тесного знакомства. Правда, после того как их эпоха ушла в историю, они встречались немного чаще, и оба были очень чувствительны к переменам.

Эндрюс промолчал.

— Я пытаюсь подвести тебя к мысли, что этот инцидент — обычная ссора на почве ревности. Я не могла его предвидеть, поскольку любовь женщины непредсказуема. Переменчивый век тут ни при чем. Или я не права?

Эндрюс упорно хранил молчание.

— Следовательно, проблемы как таковой не существует, — продолжала Дуэнья. — Мы не выгоняем за порог наших домочадцев. Мы просто переселяем в будущее здоровых, одаренных, обладающих вкусом людей нескольких поколений. Единственная наша ошибка

в том, что мы не учли извечной проблемы любовного треугольника. Между двумя мужчинами, увлеченными красивой женщиной, всегда возникает антагонизм. Ты согласен?

— Он верил, что умирает на самом деле, — сказал Эндрюс. — У меня не выходит из головы, что он не имел никакого представления о Всемирном Кодексе.

— Пустяки, — отмахнулась Мэри Мод. — Ведь он жив.

— Видели бы вы его лицо, когда его привезли в клинику.

— Лица меня не интересуют. Слишком уж много я их повидала на своем веку. Давай лучше подумаем, как бы нам решить эту проблему к вящему удовольствию правительства.

— Мир так быстро меняется, что мне скоро самому придется к нему приспособливаться. Этот бедняга...

— Некоторые вещи остаются неизменными, — возразила Мэри Мод. — Но я догадываюсь, к чему ты клонишь. Очень умно. Мы найдем группу независимых психологов. Они проведут исследования, придут к выводу, что наши люди недостаточно приспособляемы, и порекомендуют нам один день в году отвести психотерапии. Никаких Балов: каждый отдыхает сам по себе. Днем — прогулки, легкие физические упражнения, общение с простыми людьми, необременительные для психики развлечения. Вечером — скромный ужин и танцы; они полезны — снимают напряжение. Я думаю, такой вариант устроит все заинтересованные стороны, — закончила она с улыбкой.

— Наверное, вы правы.

— Разумеется, права. Наши психологи испишут тысячи страниц, ты добавишь к ним две-три сотни собственных, суммируешь данные исследований и вместе со своей резолюцией представишь отчет совету попечителей.

Эндрюс кивнул:

— В любое время. Это моя работа.

Когда он ушел, Мэри Мод натянула черную перчатку и положила в камин полено. Настоящие дрова

с каждым годом дорожали, но она не доверяла современным отопительным устройствам.

За три дня Мур оправился настолько, что врач разрешил ему лечь в «бункер».

«Боже, — подумал он, когда снотворное погасило чувства, — какие еще муки ждут меня после пробуждения?»

Впрочем, одно Мур знал наверняка: даже если он проснется в Судный день, его банковские счета будут в полном порядке.

Пока он спал, мир шел своей дорогой...

СПЯЩИЙ

Глава 1

ДОЛГАЯ ДОРОГА ДОМОЙ

Ему было четырнадцать лет, когда сон стал его врагом, превратился в нечто темное и ужасное, и он начал бояться его, как другие боятся смерти. Однако это не было неврозом или одним из его таинственных проявлений. Неврозу обычно присущи элементы иррациональности, а этот страх был вызван специфической причиной и развивался так же логично, как геометрическая теорема.

Нельзя сказать, что в жизни Кройда Кренсона отсутствовала иррациональность. Совсем наоборот. Но она являлась следствием, а не причиной его состояния. По крайней мере, так он себе потом говорил. Выражаясь проще, сон был его тяжким крестом, его судьбой. Адам в рассрочку.

Кройд Кренсон окончил восемь классов школы; девятый ему окончить не удалось. Но его вины в том не было. Не первый и не последний ученик в классе. Обыкновенный мальчишка среднего роста, веснушчатый, голубоглазый, с прямыми каштановыми волосами. Любил играть с друзьями в войну, пока не кончилась настоящая война; потом они все чаще играли в полицейских и грабителей. Пока шла война, он ждал — и ждал с нетерпением — своего шанса стать летчиком-истребителем, асом, как Джетбой. После войны, играя в полицейских и грабителей, он обычно бывал грабителем.

Кройд начал учебу в девятом классе, но, как и многим другим, ему не суждено было доучиться и до конца первого месяца: сентября 1946 года...

— Куда ты смотришь?

Он помнил вопрос мисс Марстон, хотя не помнил выражения ее лица, потому что не оторвал тогда взгляда от неба. Ребята из его класса имели привычку все чаще поглядывать в окно по мере того, как приближались заветные три часа пополудни, в этом не было ничего необычного. Но как правило, они быстро оборачивались на окрик, изо всех сил притворяясь, что слушают очень внимательно, а сами ждали спасительного звонка.

Однако Кройд не оглянулся, только ответил:

— Аэростаты.

Еще трое мальчишек и две девчонки, которым тоже было хорошо все видно, посмотрели в том направлении. Мисс Марстон стало любопытно, и она подошла к окну. Остановилась и замерла, глядя вверх.

Они находились довольно высоко, их было пять или шесть. Будто крохотные черточки в конце аллеи из облаков, а двигались так, словно были связаны друг с другом.

Неподалеку летел самолет и быстро к ним приближался. Вспыхнули в голове черно-белые кадры из кинохроники, все еще свежие в памяти. Похоже, самолет шел в атаку на тех серебристых рыбешек.

Мисс Марстон несколько секунд наблюдала, потом отвернулась от окна.

— Ладно, ребята, — начала она. — Это всего лишь...

И тут взвыла сирена. Мисс Марстон почувствовала, как плечи помимо ее воли поднялись и застыли в напряжении.

— Воздушный налет! — крикнула девочка по имени Шарлотта, сидевшая в первом ряду.

— Ничего подобного, — возразил Джимми Уокер, сверкнув скобами на зубах. — Их теперь не бывает. Война кончилась.

— Я знаю, как режут сирены, — настаивала Шарлотта. — Всякий раз, когда было затемнение...

— Но войны больше нет! — заявил Бобби Тренсон.

— Хватит, ребята, — сказала мисс Марстон. — Наверное, просто проверяют сирены.

Но, взглянув снова в окно, учительница успела заметить маленькую вспышку огня в небе перед тем, как край облака закрыл от нее сцену воздушного боя.

— Оставайтесь на своих местах, — приказала она, потому что несколько учеников встали и двинулись к окну. — Пойду узнаю в учительской — возможно, это учебная тревога, не объявленная заранее. Сейчас вернуться. Разрешаю разговаривать, только тихо.

Мисс Марстон вышла, хлопнув за собой дверь.

Кройд продолжал смотреть на завесу облаков, ожидая, когда они снова разойдутся.

— Это Джетбой, — сообщил он Бобби Тренсону, сидевшему через проход.

— Да брось, — ответил Бобби. — Что ему там делать? Война кончилась.

— Это реактивный самолет. Я его видел в кинохронике, он летает именно так. А у него самый лучший реактивный самолет.

— Ты это просто выдумал! — крикнула Лиза из заднего ряда классной комнаты.

Кройд пожал плечами:

— Там, наверху, кто-то из плохих парней, и он с ними сражается. Я видел огонь. Там стреляют.

Сирены продолжали завывать. С улицы донесся визг тормозов, следом раздался короткий гудок автомобиля и глухой удар столкнувшихся машин.

— Авария! — крикнул Бобби. Все стали вскакивать и пробираться к окну.

Тут и Кройд встал, чтобы от него не закрыли вид из окна; и так как он сидел близко, то нашел себе хорошее место. Только он не смотрел на аварию, а продолжал вглядываться в небо.

Теперь вдалеке слышались гулкие удары. Самолет исчез.

— Что это за шум? — спросил Джо Сарцанно.

— Заградительный огонь, — ответил Кройд.

— Ты псих!

— Они пытаются сбить эти штуки.

— Да уж, конечно. Прямо как в кино.

Облака снова начали сходиться. Но Кройду показалось, что он еще раз заметил промелькнувший реактивный самолет, который стремительно летел прямо на аэростаты. Потом облака закрыли сцену боя.

— Проклятье! — произнес он. — Бей их, Джетбой!

Бобби рассмеялся, и Кройд двинул его локтем, изо всех сил.

— Эй! Смотри, кого толкаешь!

Кройд обернулся к нему, но Бобби, похоже, не хотел выяснять отношения. Он снова смотрел в окно и указывал пальцем.

— Почему все эти люди бегут?

— Не знаю.

— Из-за аварии?

— Не-е.

— Смотрите! Вон еще одна!

Синий «студебекер» на скорости вывернул из-за угла, вильнул в сторону, чтобы объехать две застрявшие машины, и врезался во встречный «форд». Обе машины развернуло, они остановились под углом друг к другу. Другие автомобили тормозили и останавливались, чтобы не столкнуться с ними. Раздалось несколько гудков. Приглушенные звуки заградительного огня продолжали доноситься сквозь завывание сирен. Теперь по улицам бежали люди и даже не останавливались, чтобы взглянуть на столкнувшиеся машины.

— Вы думаете, снова началась война? — спросила Шарлотта.

— Не знаю, — ответил Лео.

К шуму неожиданно прибавился вой полицейской сирены.

— Елки-палки! — восхищенно присвистнул Бобби. — Вон еще одна!

Не успел он договорить, как «пontiак» врезался в багажник одного из стоящих автомобилей. Водители вылезли из машин и собрались вместе; двое из них сердито ругались между собой, но остальные просто разговаривали, время от времени указывая на небо. Они очень быстро разошлись и поспешно зашагали по улице прочь.

— Никакая это не учебная тревога, — заявил Джо.

— Знаю, — ответил Кройд, глядя на участок неба, где облака стали розовыми от яркой вспышки света за ними. — Думаю, это что-то очень плохое. — Он отошел от окна. — Я иду домой.

— Нарвешься на неприятности, — предупредила Шарлотта.

Кройд взглянул на часы.

— Держу пари, звонок прозвенит раньше, чем она вернется. Если не уйти сейчас, то потом нас не отпустят, раз происходит что-то такое, а я хочу домой.

Он повернулся и двинулся к выходу.

— Я тоже пойду, — сказал Джо.

— Вы оба нарветесь на неприятности.

Мальчики пересекли вестибюль. Когда они уже подходили к большой зеленой двери, из противоположного конца раздался взрослый мужской голос:

— Вы, двое! А ну, вернитесь!

Кройд сорвался с места, плечом распахнул зеленую дверь и побежал дальше. Джо отставал от него всего на шаг, когда они мчались вниз по лестнице. Теперь на улице было полно остановившихся машин, транспорт забил всю улицу в обоих направлениях. На крышах домов стояли люди, из каждого окна тоже выглядывали зеваки, большинство смотрело вверх.

Кройд бросился в переулок и свернул направо. Его дом находился в шести кварталах к югу, в отдельной группке из нескольких рядов домов на восьмидесятих улицах. Путь Джо лежал в том же направлении, только посередине ему надо было свернуть на восток.

Не успели друзья добраться до угла, как их остановил поток людей, вытекающий из боковой улицы; некоторые сворачивали на север и пытались пробиться сквозь толпу, другие направлялись на юг. Впереди мальчики услышали ругань и шум драки.

Джо дернул за рукав какого-то мужчину. Мужчина вырвал руку, потом взглянул вниз.

— Что происходит? — закричал Джо.

— Какая-то бомба, — ответил мужчина. — Джетбой пытался остановить тех парней, которые хотели ее бросить. Думаю, они все взорвались. Эта штука может в любую минуту сработать. Вдруг она атомная?

— Где она должна упасть? — крикнул Кройд.

Мужчина махнул рукой на север:

— Где-то там.

Затем он заметил просвет в толпе и потерялся среди людей.

— Кройд, мы можем пробраться туда, если перелезем через капот той машины, — сказал Джо.

Кройд кивнул и следом за приятелем полез на еще теплый капот серого «доджа». Водитель заорал на них, но его дверца была зажата людскими телами, а дверь со стороны пассажира приоткрывалась всего на несколько дюймов, упираясь в бампер такси. Мальчики обогнули это такси и прошли перекресток по центру, перебравшись по дороге еще через две машины.

Ближе к середине следующего квартала поток пешеходов поредел, и похоже было, что впереди свободное пространство. Друзья побежали туда, затем резко остановились.

На мостовой лежал человек. Он бился в судорогах. Его голова и руки чудовищно распухли и приобрели темно-красный, почти багровый цвет. В тот момент, как они его заметили, у несчастного из носа и рта хлынула кровь; кровь текла из ушей, сочилась из глаз и из-под ногтей.

— Пресвятая дева! — Джо перекрестился и попятился. — Что с ним?

— Не знаю, — ответил Кройд. — Давай не будем подходить слишком близко. Перелезем еще через несколько машин.

Путь до следующего угла занял у них еще десять минут. По дороге они вдруг заметили, что пушки уже давно молчат, хотя сигналы воздушной тревоги, полицейские сирены и автомобильные гудки сливались в непрерывный вой.

— Пахнет дымом, — заметил Кройд.

— Я тоже чувствую. Но если что-то и горит, то никаким пожарным машинам туда не добраться.

— Весь этот чертов город может сгореть дотла.

— Не везде же так.

— Готов поклясться, что везде.

Мальчишки пробирались вперед; потом толпа зажала их в тиски и потащила за угол.

— Нам туда не надо! — завопил Кройд.

Впрочем, движение людской массы вокруг них через несколько секунд остановилось.

— Как ты думаешь, мы сумеем проползти до улицы и опять перелезть через машины? — спросил Джо.

— Можем попробовать.

Им это удалось. Только сейчас обратный путь до угла отнял больше времени, потому что другие тоже пробирались туда. Затем Кройд увидел за ветровым стеклом автомобиля морду рептилии, ее чешуйчатые лапы сжимали вырванный из панели руль, а сама она медленно валилась на бок на переднее сиденье. Быстро отвернувшись, он увидел столб дыма, поднимающийся из-за домов на северо-востоке.

Когда они добрались по автомобилям до угла, оказалось, что им некуда спускаться. Люди стояли, плотно прижатые друг к другу, и раскачивались. То и дело раздавались вопли. Кройда потянуло заплакать, но он понимал, что толку от этого не будет. Он стиснул зубы и задрожал.

— Что нам делать? — крикнул он Джо.

— Если застрянем тут на всю ночь, разобьем стекло в одной из пустых машин и ляжем в ней спать.

— Я хочу домой!

— Я тоже. Давай попытаемся пробраться вперед, сколько сможем.

Почти целый час они прокладывали себе путь вдоль улицы, но им удалось продвинуться всего на квартал. Водители орали и стучали в стекла изнутри, когда они карабкались на крыши автомобилей. Некоторые машины были пустыми. В нескольких находилось такое, на что смотреть не хотелось.

Толпа на тротуаре выглядела опасной. Она стала шумной и быстрой, в ней возникали короткие стычки, часто раздавались вопли, и множество тел выбрасывало из нее к подъездам домов и на обочину дороги.

Когда замолчали сирены, возникло секундное замешательство и воцарилась тишина. Затем донесся чей-то голос, усиленный громкоговорителем. Но он был слишком далеко — разобрать удавалось только слово «мосты». Паника началась снова.

Кройд заметил, как впереди из дома на противоположной стороне улицы выпала женщина, и отвел взгляд в сторону раньше, чем она ударилась о землю. В воздухе все еще стоял запах дыма, но никаких признаков пожара поблизости видно не было. Он обратил внимание, как впереди люди остановились и отпрянули в стороны, потому что какой-то человек — Кройд не смог разобрать, мужчина или женщина, — вдруг запыхал посреди толпы.

Мальчик проскользнул между двумя автомобилями и на мостовой подождал, пока его догонит приятель.

— Джо, у меня уже полные штаны от страха, — сказал он. — Может, нам лучше просто заползти под одну из машин и подождать, пока все это кончится?

— Я об этом уже думал, — ответил тот. — Но вдруг кусок того горящего дома упадет на машину и она загорится?

— И что тогда?

— Если огонь доберется до бензобака, все машины взлетят на воздух, как шутихи во время фейерверка, так близко они стоят друг от друга.

— Господи!

— Нам надо идти дальше. Можешь пойти ко мне домой, если тебе так легче.

Кройд увидел какого-то человека, выделявшего танцевальные па и рвущего на себе одежду. Затем его тело начало менять очертания. Кто-то позади на дороге завыл. Донесся звук бьющегося стекла.

В течение следующего получаса толпа на тротуаре поредела настолько, что ее при нормальных обстоятельствах можно было бы назвать обычной. То ли люди добрались до своих домов, то ли основная масса переместилась в другую часть города. Оставшимся прохожим приходилось теперь пробираться среди трупов. Лица в окнах домов исчезли. На крышах тоже никого

не было видно. Автомобильные сигналы раздавались уже довольно редко.

Мальчики остановились на углу. После ухода из школы они прошли три квартала.

— Здесь мне сворачивать, — сказал Джо. — Хочешь со мной или идешь дальше?

Кройд посмотрел вперед.

— Теперь вроде поспокойнее. Думаю, я доберусь, — ответил он.

— Увидимся позже.

— Ладно.

Джо поспешно ушел вправо. Кройд секунду провожал его взглядом, затем зашагал дальше.

Далеко впереди по улице из подъезда с воплями выскочил какой-то человек. Казалось, он все увеличивался в размерах и его движения становились все более хаотичными, пока он бежал к середине улицы. И там взорвался.

Кройд прижался спиной к кирпичной стене слева и замер, широко раскрыв глаза; сердце его бешено стучало, но больше ничего не происходило. К западу снова раздался голос из громкоговорителя, и на этот раз слова доносились более отчетливо:

— ...Мосты перекрыты для движения транспорта и пешеходов. Не пытайтесь пользоваться мостами. Возвращайтесь в свои дома. Мосты перекрыты...

Он опять двинулся вперед. Где-то на востоке выла одинокая сирена. Над головой низко пролетел самолет. В подъезде слева лежало скрюченное тело; Кройд отвел глаза и ускорил шаги. Напротив через дорогу заметил дым и стал искать пламя, но увидел, что дым идет из тела женщины, которая сидит на ступеньках крыльца, обхватив голову руками. На его глазах она съежилась и повалилась на бок со звуком, похожим на треск.

Мальчик сжал кулаки и продолжал двигаться дальше.

Из боковой улицы впереди выехал армейский грузовик. Кройд побежал к нему. Человек на пассажирском сиденье повернул голову в каске.

— Почему ты на улице, сынок? — спросил он.

— Я иду домой, — ответил Кройд.

— Где это?

Он показал рукой вперед.

— Два квартала.

— Ступай прямо домой, — велел ему человек.

— Что происходит?

— Объявлено военное положение. Всем велено находиться в домах. Хорошо бы еще и окна держать закрытыми.

— Почему?

— Кажется, та бомба, что взорвалась, была начинена какими-то микробами. Никто точно не знает.

— Это был Джетбой, там?

— Джетбой погиб. Он пытался их остановить.

Глаза Кройда внезапно налились слезами.

— Иди прямо домой.

Грузовик пересек улицу и поехал дальше на запад. Кройд перебежал через дорогу и замедлил шаги, оказавшись на тротуаре. Его начало трясти. Неожиданно стала ощущаться боль в коленках, ободранных во время ползания по крышам автомашин. Он вытер слезы. Ему было ужасно холодно.

Добравшись почти до середины квартала, Кройд несколько раз зевнул. Устал. Он невероятно устал. Снова двинулся вперед. Он не помнил, чтобы когда-нибудь прежде с таким трудом переставлял ноги. Снова остановился под деревом. Над его головой раздался стон.

Когда Кройд посмотрел вверх, то понял, что это не дерево. Оно было высоким, бурым, имело корни и сужающийся ствол, но у его вершины виднелось ненормально удлиненное человеческое лицо, и именно оттуда доносились стоны. Когда Кройд рванулся прочь, одна из ветвей ухватила его за плечо, но существо было очень слабым, и, сделав несколько шагов, мальчик оказался вне пределов его досягаемости. Он всхлипнул. Ему казалось, что до угла еще много миль, а ведь потом надо пройти целый квартал...

Теперь его одолевали длинные приступы зевоты, и изменившийся мир потерял способность его удивлять. Какой-то человек летит по небу сам по себе — ну и что? Или справа, в канаве, лужа с лицом человека?.. Еще трупы... Перевернутая машина... Кучки пепла... Оборванные телефонные провода...

Он дотащился до угла. Прислонился к фонарному столбу, затем медленно сполз на землю и сел, прислонившись к столбу спиной.

Ему хотелось закрыть глаза. Но это было глупо. Он ведь живет вон там. Еще совсем чуть-чуть, и можно будет лечь спать в собственной постели.

Кройд обхватил столб и с трудом поднялся. Еще перекресток...

Ему удалось добраться до своего квартала, перед глазами все плыло. Чуть-чуть дальше. Уже видна их дверь...

Он услышал скрип открывающегося окна, услышал, как кто-то сверху позвал его по имени. Поднял взгляд. Эллен, маленькая соседская девочка, смотрела на него сверху.

— Мне очень жаль, что твой папа умер, — крикнула она.

Кройд хотел заплакать, но не смог. Все его силы отнимала зевота. Он прислонился к двери и нажал на кнопку звонка. Карман с лежащим в нем ключом казался таким далеким...

Когда его брат Карл открыл дверь, он упал к его ногам и не смог подняться.

— Я так устал, — сказал Кройд брату и закрыл глаза.

Глава 2

УБИЙЦА В ГЛУБИНЕ СНОВИДЕНИЙ

Детство Кройда испарилось, пока он спал, в тот первый День Универсальной Карты. Прошло почти четыре недели, прежде чем он проснулся, изменившись, как и весь окружающий мир. Дело было не только в том, что он стал выше на полфута, сильнее, чем мог себе вообразить, и весь был покрыт тонкой красной шерстью. Кройд быстро обнаружил, разглядывая себя в зеркало в ванной, что эта шерсть обладала странными свойствами. Преисполнившись отвращения к своей внешности, он пожелал, чтобы шерсть была хотя бы не красной. И она немедленно начала бледнеть, пока не стала светло-русой, а Кройд при этом ощутил почти приятную щекотку по всему телу.

Заинтересовавшись, он пожелал, чтобы шерсть стала зеленой, и она позеленела. Щекотка, прокатившая по телу, на этот раз больше напоминала волну дрожи. Кройд пожелал стать черным и почернел. Затем снова посветлел. Только не остановился на светло-русой окраске — бледнее, бледнее; белый, как мел, альбинос. Еще бледнее... Есть ли предел?

Тут Кройд начал исчезать. Теперь сквозь слабые очертания своего тела ему было видно в зеркале облицованную плиткой стену. Еще бледнее...

Исчез.

Он поднес руки к лицу и ничего не увидел. Взял свою мочалку и прижал к груди. Она тоже стала прозрачной, исчезла, хотя он все еще чувствовал ее влажное прикосновение.

Кройд вновь сделал себя блондином. Затем втиснулся в некогда самые свободные из своих джинсов и надел зеленую фланелевую рубашку, которую не смог застегнуть до низу. Штаны едва доходили ему до щиколоток. Босиком тихо прошлепал вниз по лестнице и отправился на кухню. Ему ужасно хотелось есть. Часы в холле показывали, что сейчас почти три часа ночи. Кройд заглянул в комнаты матери, брата и сестры, но не нарушил их сон.

В хлебнице лежало полбатона хлеба, и он расправился с ним, отрывая и заталкивая в рот огромные куски, глотал, почти не прожевывая. Один раз даже укусил себя за палец, но это не слишком замедлило его темп. Обнаружил в холодильнике кусок мяса и ломоть сыра и съел. Выпил кварту молока. На полке лежало два яблока, и он съел их тоже, пока шарил по шкафам. Коробка крекеров... Продолжая поиски, Кройд жевал крекеры. Шесть печений. Он их проглотил. Полбанки арахисового масла. Его он съел ложкой.

И все. Больше найти ничего не удалось, а он все еще был зверски голоден.

Тут Кройд осознал размах своей трапезы. В доме больше не осталось еды. Он вспомнил тот безумный день возвращения из школы. Что, если с продуктами плохо? Что, если снова ввели ограничения? А он только что прикончил запасы всей семьи.

Ему придется раздобыть еще, для других и для себя.

Кройд направился в гостиную и выглянул в окно. Улица была пуста. Вспомнил о военном положении, о котором слышал по дороге домой из школы — как давно это было? Он чувствовал, что времени прошло немало.

Кройд отпер дверь и ощутил ночную прохладу. Один из уцелевших уличных фонарей сиял сквозь голые ветви соседнего дерева. В тот день, когда случилась беда, на деревьях у обочины еще оставалось немного листьев. Он взял запасной ключ со стола в прихожей, вышел и запер за собой дверь. Он понимал, что ступеньки крыльца должны быть холодными, но подошвы его босых ног не чувствовали особого холода.

Затем он остановился и отступил в тень. Страшно было идти, не зная, что там, дальше.

Кройд поднял руки и протянул их к свету фонаря.

— Бледнее, бледнее, бледнее...

Руки начали растворяться, пока сквозь них не засиял свет. Они становились все прозрачнее и прозрачнее. А телу было щекотно.

Когда руки исчезли, он опустил взгляд. Кажется, от него не осталось ничего, кроме этой щекотки.

И Кройд поспешно двинулся вдоль улицы, ощущая в себе огромный заряд энергии. Странное древоподобное существо в соседнем квартале исчезло. Теперь улицы расчистили для транспорта, но в канавах валялось много мусора, и почти все стоящие у тротуара машины, попавшиеся ему на глаза, были повреждены. В каждом из домов, мимо которых он шел, по крайней мере одно окно закрывал картон или доски. Некоторые из деревьев у обочины превратились в расщепленные пни, а металлический столб дорожного указателя на следующем углу сильно наклонился.

Кройд спешил, удивляясь скорости своего продвижения. Добравшись до школы, увидел, что она осталась целой, не считая нескольких выбитых стекол. Он пошел дальше.

Три продовольственных магазина, к которым направлялся Кройд, были заколочены досками, и объявления на них гласили: «Закрето. Следите за дальнейшими сообщениями». Кройд вломился в третий магазин. Ему почти не составило труда выломать доски одним толчком. Он нащупал выключатель и включил свет, но через несколько секунд снова выключил. Магазин был пуст. Его основательно почистили.

Кройд пошел дальше, к окраине, миновав по дороге несколько выгоревших изнутри зданий. В одном из них услышал голоса — один грубый, второй высокий, похожий на флейту. Через несколько секунд увидел ослепительную вспышку света и услышал вопль. Одновременно часть кирпичной стены рухнула, засыпав обломками тротуар у него за спиной. Кройд не счел нужным посмотреть, что произошло. Еще ему иногда казалось, что он слышит голоса снизу, из-за решеток сточных канав.

Той ночью он прошагал много миль и, только приближаясь к Таймс-сквер, обнаружил, что за ним кто-то идет. Сперва ему почудилось, что это просто крупный пес, бредущий в том же направлении. Но когда тот подошел ближе, Кройд заметил человеческие черты его лица и остановился, повернувшись к нему. Пес сел примерно в десяти футах и посмотрел на него.

— Ты тоже один из тех, — проворчал он.

— Ты меня видишь?

— Нет. Запах чувствую.

— Чего ты хочешь?

— Есть.

— Я тоже.

— Я покажу, где взять. В обмен на свою долю.

— Идет. Показывай.

Пес привел его к огороженной веревками площади, где стояли армейские грузовики. Кройд насчитал не меньше десятка машин. Между ними стояли и сидели люди в военной форме.

— Что происходит?

— Потом поговорим. Пакеты с едой в четырех грузовиках слева.

Не составило труда пройти за огороженный периметр, залезть в кузов сзади, набрать охапку пакетов и удалиться в противоположном направлении. Вместе с человеко-псом спрятавшись в парадном через два квартала, Кройд снова стал видимым, и они набросились на еду.

После новый знакомый — он хотел, чтобы его называли Бентли, — рассказал Кройду о событиях, произошедших за те недели после гибели Джетбоя, которые Кройд проспал. Так мальчик узнал о бегстве в Джерси, о бунтах, о военном положении, о такизианах и о десяти тысячах погибших от вируса. И услышал о выживших, но преобразившихся — счастливицах и неудачниках.

— Ты — счастливчик, — сделал вывод Бентли.

— Я себя не чувствую счастливчиком, — ответил Кройд.

— По крайней мере, остался человеком.

— А ты уже ходил к этому доктору Тахиону?

- Нет. Он чертовски занят. Но я схожу.
- Мне тоже надо.
- Может быть.
- Что ты имеешь в виду — «может быть»?
- Зачем тебе меняться? Тебе повезло. Получай, что пожелаешь!
- Ты имеешь в виду воровство?
- Времена тяжелые. Каждый выкручивается, как может.
- Наверное, ты прав.
- Я могу показать тебе место, где ты подберешь подходящую одежду.
- Где?
- Прямо тут, за углом.
- Ладно.

Кройд с легкостью проник через заднюю дверь на склад одежды, к которому привел его Бентли. Затем снова стал невидимым и вернулся за следующей охапкой продуктовых пакетов. Когда он отправился домой, Бентли трусил рядом.

- Не возражаешь, если я составлю тебе компанию?
- Нет.
- Хочь посмотреть, где ты живешь. Я могу навести тебя на множество хороших мест.
- Да?
- Мне хотелось бы иметь друга, который будет кормить меня. Как ты думаешь, мы договоримся?
- Да.

В последующие дни Кройд стал добытчиком в семье. Его старшие брат и сестра не спрашивали, откуда берутся продукты, а потом и деньги, которые он с легкостью добывал во время своих ночных отлучек. Матери, полностью ушедшей в горе после смерти отца, тоже не приходило в голову спросить. Бентли, который ночевал где-то по соседству, стал его гидом и наставником в этих предприятиях, а также доверенным лицом в других делах.

- Не стоит ли мне сходить к тому доктору, о котором ты рассказывал? — промолвил Кройд, опуская на

землю ящик с консервами, украденными со склада, и присаживаясь на него.

— К Тахиону? — спросил Бентли, вытягиваясь рядом в позе, не характерной для пса.

— Ага.

— А что случилось?

— Не могу спать. Прошло уже пять дней с тех пор, как я проснулся, а заснуть не удалось ни на минуту.

— Ну и что? Что в этом такого? Больше времени остается на дела.

— Но я начинаю уставать, а спать все равно не могу

— Со временем наверстаешь. Не из-за чего беспокоить Тахиона. В любом случае, если он попытается тебя вылечить, у тебя только один шанс из трех или четырех.

— Откуда ты знаешь?

— Я у него был.

— Да?

Кройд жевал яблоко. Потом спросил:

— Собираешься попробовать?

— Если соберусь с духом, — ответил Бентли. — Ко-му охота прожить всю жизнь собакой? И к тому же не очень-то хорошей собакой. Между прочим, у меня к тебе просьба: когда будем проходить мимо какого-нибудь магазина для домашних животных, взломай его и достань мне ошейник от блох.

— Конечно. Интересно... Если я все же усну, я опять просплю так же долго, как и тогда?

Бентли попытался пожать плечами, но ничего не вышло.

— Кто знает?

— Кто тогда позаботится о моей семье? И о тебе?

— Я тебя понял. Если ты перестанешь выходить по ночам, то я, наверное, немного подожду, а потом пойду и попытаюсь вылечиться. А для твоей семьи ты бы лучше добыл побольше денег. Все опять наладится, а деньги — всегда деньги.

— Верно.

— Ты чертовски сильный. Как думаешь, ты смог бы вскрыть сейф?

— Понятия не имею.

- По дороге домой попробуем, Я знаю одно хорошее местечко.
- Ладно.
- ...И еще порошок от блох.

Время близилось к утру. Кройд сидел и ел, одновременно читая, как вдруг на него напала неудержимая зевота. Когда он встал, то почувствовал в руках и ногах какую-то тяжесть, которой раньше не было. Он взобрался по лестнице и вошел в комнату Карла. Стал трясти брата за плечо, пока тот не проснулся.

- Что случилось, Кройд?
- Я хочу спать.
- Так иди ложись.
- Я уже давно не спал. Может, проспую опять очень долго.
- Ах так!
- Так что вот деньги, чтобы вам хватило, если так случится.

Он открыл верхний ящик комода и сунул под стопку носков пачку купюр.

- Гм-м, Кройд... Откуда у тебя столько денег?
- Не твое дело. Спи дальше.

Кройд добрался до своей комнаты, разделся и заполз в постель. Ему было очень холодно.

Когда Кройд снова проснулся, оконные стекла затянулись инеем. Выглянув на улицу, он увидел свинцовое небо и покрытую снегом землю. Его лежащая на подоконнике ладонь с короткими толстыми пальцами выглядела широкой и смуглой.

Осмотрев себя в ванной, Кройд обнаружил, что его рост примерно пять с половиной футов, телосложение мощное, волосы и глаза темные, а по ногам спереди, по внешней стороне рук, по плечам, спине и шее тянутся похожие на шрамы складки. Еще через пятнадцать минут он узнал, что может повысить температуру руки до такой точки, при которой вспыхивает зажатое в ней полотенце. Всего несколько минут спустя он обнаружил,

что способен излучать тепло всей поверхностью тела и даже светиться — только ему стало жаль, что он одной подошвой прожег дыру в линолеуме, а другой — в банном коврике.

На этот раз на кухне оказалось много еды, и Кройд больше часа непрерывно жевал, пока не утолил голод. Он надел тренировочные брюки и куртку, размышляя над тем, что придется держать наготове самую разнообразную одежду, если каждый раз после сна его тело будет изменяться.

На этот раз ему уже не нужно было добывать провизию. После распыления вируса погибли очень многие, и на местных складах образовался огромный избыток продовольствия. Магазины снова открылись и торговали, как обычно.

Мать проводила большую часть времени в церкви, а Карл и Клодия ходили в школу — та недавно опять заработала. Кройд знал, что сам он не вернется в школу. У них все еще оставался приличный запас денег, но, вспомнив, что на этот раз он проспал на девять дней дольше, чем в первый, Кройд решил, что неплохо бы иметь под рукой побольше наличных. Интересно, можно ли раскалить ладонь до такой температуры, чтобы прожечь стальную дверцу сейфа? В прошлый раз ему с огромным трудом удалось вскрыть сейф — он чуть было вообще не бросил эту затею, а ведь Бентли уверял его, что это просто «жестянка».

Кройд вышел из дома и потренировался на куске водопроводной трубы.

Он попытался тщательно спланировать операцию, но ошибся в расчетах. Пришлось вскрыть в ту неделю восемь сейфов, прежде чем набралась приличная сумма. В большинстве сейфов оказались бумаги. И еще он знал, что каждый раз включался сигнал тревоги, и от этого нервничал; оставалось только надеяться, что, пока он спал, его отпечатки пальцев тоже изменились.

Кройд работал со всей доступной ему скоростью. Жалко, что Бентли еще не вернулся — человек-пес знал бы, что надо делать. Несколькими раз тот намекал, что его обычные дела связаны с не вполне легальным бизнесом.

Дни бежали быстрее, чем хотелось бы Кройду. Он приобрел обширный гардероб на все случаи жизни. По ночам бродил по городу, наблюдал за оставшимися следами разрушений и за успехами ремонтных бригад. Узнавал новости о том, что произошло за это время в городе и во всем мире. Нетрудно поверить в пришельцев из далекого космоса, когда на себе ощущаешь результаты воздействия их вируса.

Кройд спросил у человека с черепом, вытянутым, как патрон, и с перепончатыми пальцами рук, где можно найти доктора Тахиона. Человек дал ему адрес и номер телефона. Кройд носил листок в бумажнике, но не звонил и не шел туда. Вдруг доктор обследует его, скажет, что это легко исправить, и вылечит? В данный момент никто из его семьи не способен заработать на жизнь.

Наступил день, когда аппетит Кройда снова неимоверно возрос, а это могло означать, что его тело готовится к следующему изменению. На этот раз он более внимательно прислушивался к своим ощущениям, чтобы было с чем потом сравнивать. Прошел остаток дня, ночь и часть следующего дня, затем начался озноб и волнами стала накатывать сонливость.

Кройд оставил записку родным — их не было дома, когда его начал одолевать сон. И на этот раз запер дверь в свою спальню, потому что узнал, что они регулярно наблюдали за ним, пока он спал, и даже пригласили врача — женщину, которая мудро посоветовала им просто дать ему поспать, когда узнала его историю. Она также предложила, чтобы Кройд сходил к доктору Тахиону, когда проснется, но мать куда-то задевала бумажку, на которой был записан адрес. В те дни миссис Кренсон частенько бывала не в себе.

Ему снова приснился сон. Сейчас он понял, что видит его не в первый раз — но запомнил впервые: восприятие событий напоминало ему о тех чувствах, которые он испытал в день последнего возвращения из школы. Он шел по кажущейся пустой улице в сумерках. Что-то позади шевельнулось, и Кройд обернулся. Из подъездов, окон, автомобилей, канализационных люков появлялись люди, и все они смотрели на него, подбира-

лись к нему. Он продолжал идти дальше, и вдруг позади раздался звук, похожий на всеобщий вздох. Когда Кройд оглянулся еще раз, они все угрожающе быстро догоняли его, на их лицах была написана ненависть. Он пустился бежать, уверенный, что его хотят уничтожить. Они бежали за ним...

Когда Кройд проснулся, он был безобразен и не обладал никакими особыми способностями. Вместо лица — рыло, голая кожа, покрытая серо-зеленой чешуей; пальцы удлиненные с лишними суставами, глаза желтые, щелевидные; постоишь слишком долго — начинают болеть поясница и бедра. Гораздо легче было ходить по комнате на четвереньках. У Кройда вырвался крик при виде своего нынешнего облика, и этот крик явно напоминал шипение.

Был ранний вечер, снизу доносились голоса. Кройд открыл дверь и позвал, и Клодия с Карлом поспешили к его комнате. Он немного прикрыл дверь и спрятался за ней.

— Кройд! С тобой все в порядке? — спросил Карл.

— И да, и нет. Но все будет хорошо. Только сейчас я умираю с голоду. Принесите еды. Много еды.

— В чем дело? — спросила Клодия. — Почему ты не выходишь?

— Позже! Поговорим позже. Сейчас еда!

Он отказывался выйти из комнаты и не позволял домашним его увидеть. Они приносили еду, журналы, газеты. Кройд слушал радио и ходил по комнате на всех четырех. На этот раз сон представлялся ему желанным избавлением, а не угрозой. Он ложился в постель в надежде на его скорый приход. Но сон не приходил почти неделю.

В следующий раз после пробуждения Кройд обнаружил, что его рост больше шести футов, волосы черные, а черты лица не лишены приятности. Он был так же силен, как и прежде, однако вскоре пришел к выводу, что не обладает никакими исключительными способностями — пока не поскользнулся на лестнице,

торопясь на кухню, и не спасся от падения при помощи левитации.

Позже Кройд заметил записку, написанную почерком Клодии, прилепленную к его двери. В записке был номер телефона и сообщение, что по этому номеру можно связаться с Бентли. Он положил ее в бумажник. Сперва ему надо позвонить по другому телефону.

Доктор Тахион поднял взгляд и слабо улыбнулся.

— Могло быть и хуже, — сказал он.

Кройда почти позабавило такое суждение.

— Как так?

— Ну, вы могли вытянуть джокера.

— А что же именно я вытянул, сэр?

— Ваш случай — самый интересный из всех, которые мне до сих пор попадались. У остальных вирус просто сделал свое дело и либо убил человека, либо изменил его — к лучшему или к худшему. А у вас... Ну, ближайшая аналогия — это земная болезнь под названием малярия. Проникший в вас вирус, по-видимому, периодически заражает вас по новой.

— Однажды я вытянул джокера...

— Да, и это может произойти снова. Но в отличие от всех остальных, с кем случилось то же самое, вам нужно всего лишь подождать.

— Мне больше не хочется превращаться в монстра. Нельзя ли как-то повлиять на эту часть болезни?

— Боюсь, что нет. Это часть общего синдрома. Я могу бороться только с ним в целом.

— И шансы на излечение — один к трем или четырем?

— Кто вам сказал?

— Один джокер по имени Бентли. Он был похож на собаку.

— Бентли — одна из моих удач. Теперь он снова стал нормальным. Собственно, он только недавно ушел отсюда.

— Что вы говорите! Приятно знать, что кому-то повезло.

Тахион отвел глаза.

— Да, — согласился доктор, помолчав немного.

— Я хотел бы спросить...

— Что?

— Если я меняюсь только во сне, значит, я мог бы отодвинуть превращение, если не буду спать, правильно?

— Понимаю, о чем вы. Да, прием стимулирующих средств несколько задержит превращение. Если почувствуете, что сон надвигается тогда, когда вы находитесь вне дома, то, приняв кофеин в виде пары чашечек кофе, вероятно, вам удастся продержаться достаточно долго, чтобы добраться до дома.

— А нет ли чего-нибудь посильнее? Что задержало бы сон на более длительное время?

— Существуют мощные средства: амфетамины, например. Но они могут представлять опасность, если принимать их слишком долго.

— В чем эта опасность?

— Нервозность, раздражительность, агрессивность. Позже — токсикопсихоз, сопровождающийся иллюзиями, галлюцинациями, паранойей.

— Стану психом?

— Да,

— Ну, вы ведь это вылечите, если до такого дойдет, правда?

— Полагаю, хотя и не уверен.

— Мне очень не хочется снова превратиться в монстра или... Вы мне не говорили этого, но есть ли вероятность, что я могу просто умереть во время очередной комы?

— Такая вероятность существует. Вирус очень опасен. Однако вы уже пережили несколько атак, что дает мне основания предполагать: ваше тело знает, что делает. Я бы на вашем месте об этом понапрасну не беспокоился.

— Меня волнует только возможность стать джокером.

— С подобной возможностью необходимо смириться.

— Ладно. Спасибо, доктор.

— Мне бы хотелось, чтобы вы приехали к нам в следующий раз, когда почувствуете, что время приближа-

ется. Страшно интересно понаблюдать за процессом, происходящим с вами.

— Лучше не надо.

Тахион кивнул.

— Сразу же после пробуждения?..

— Может быть, — ответил Кройд и пожал протянутую руку. — Кстати, доктор, как пишется слово «амфетамин»?

Позже Кройд остановился у дома семейства Сарцанно, потому что он не видел Джо с того сентябрьского дня, как они вместе добирались домой из школы. До сих пор необходимость заботиться о средствах существования отнимала у него все свободное время.

Миссис Сарцанно приоткрыла дверь, оставив лишь щелку, и уставилась на него. Когда он назвал ее и попытался объяснить, что внешне изменился, она все равно отказалась открыть дверь.

— Мой Джо... он тоже изменился, — сказала она.

— Э-э, как изменился?

— Изменился. И все тут. Изменился. Уходи.

Она захлопнула дверь.

Кройд снова постучал, но ответа не дождался.

Тогда он ушел и съел три отбивные, так как больше ничего не мог сделать.

Кройд рассматривал Бентли — маленького человечка с лисьими чертами лица, темноволосого, с бегающими глазами — и сознавал, что предшествующее превращение в общем-то соответствовало обычному облику и поведению этого человека. Бентли несколько секунд отвечал ему тем же, затем спросил:

— Это действительно ты, Кройд?

— Ага.

— Заходи. Садись. Выпей пива. Нам надо о многом поговорить.

Он шагнул в сторону, и Кройд вошел в квартиру, обставленную мебелью с яркой обивкой.

— Я вылечился и вернулся к своему бизнесу. Но дела идут плохо, — сообщил Бентли, когда они уселись. — А у тебя как?

Кройд поведал ему о своих превращениях и о разговоре с доктором Тахионом. Умолчал он лишь о своем возрасте, поскольку во всех превращениях у него был облик взрослого человека. Он опасался, что Бентли не будет доверять ему, если узнает, сколько Кройду лет.

— Ты неправильно брался за те дела, — сказал маленький человечек, закуривая сигарету и кашляя. — Метод тыка не годится. Тебе необходимо планировать, и планы надо всегда составлять в зависимости от тех особых способностей, которые у тебя в данный момент появились. Вот ты говоришь, что на этот раз умеешь летать?

— Да.

— Хорошо. Есть множество квартир в небоскребах, обитатели которых чувствуют себя в безопасности. На этот раз займемся ими. Даже если тебя кто-то заметит, не имеет значения. Все равно в следующий раз ты будешь выглядеть по-другому.

— А ты мне достанешь амфетамин?

— Все, что пожелаешь. Приходи сюда завтра — на том же месте, в тот же час. Может, я уже разработаю для нас план действий. А для тебя достану таблетки.

— Спасибо, Бентли.

— Я еще и не то могу. Если будем держаться вместе, оба разбогатеем.

Бентли действительно спланировал хорошее дело, и три дня спустя Кройд принес домой больше денег, чем когда-либо держал в руках. Большую часть он отдал Карлу, который вел финансовые дела семьи.

— Давай пройдемся, — предложил Карл, пряча деньги за книги и бросив выразительный взгляд в сторону гостиной, где сидели мать и Клодия.

Кройд кивнул:

— Конечно.

— Ты сейчас выглядишь гораздо старше, — сказал Карл, которому через несколько месяцев должно было исполниться восемнадцать, как только они оказались на улице.

— Я и чувствую себя гораздо старше.

— Не знаю, откуда ты берешь деньги...

— Лучше тебе и не знать.

— Ладно. Не могу жаловаться, поскольку я на них тоже живу. Но хочу предупредить тебя насчет мамы. Ей становится все хуже. Видеть, как папу разорвало на части... С тех пор она сдает буквально на глазах. Ты еще не знаешь худшего — тогда ты спал. Три раза она ночью просто вставала и выходила из дома в ночной сорочке — да еще и босиком, и это в феврале, Господи помилуй! — и бродила, будто искала папу. К счастью, одна из знакомых каждый раз замечала ее и приводила обратно. Мать все спрашивала ее — миссис Брандт, — не видела ли она папу. Пойми, ей становится хуже. Я уже беседовал с парой врачей. Они считают, что ее надо на время поместить в лечебницу. Мы с Клодией тоже так думаем. Мы не в состоянии все время следить за ней, а она может попасть в беду. Клодии сейчас шестнадцать. Мы вдвоем способны управиться с делами, пока ее не будет. Но это дорого стоит.

— Я достану денег, — ответил Кройд.

Когда он на следующий день нашел наконец Бентли и сообщил, что им придется быстро повернуть еще одно дело, маленький человечек обрадовался, потому что до этого Кройд не стремился повторять подобные операции так скоро.

— Дай мне примерно день, чтобы все продумать и разработать детали, — сказал Бентли. — Я с тобой свяжусь.

— Договорились.

На следующий день Кройд почувствовал, что аппетит его растет и время от времени одолевает зевота. Поэтому он принял одну из таблеток.

Она здорово подействовала. Если не сказать больше. Он почувствовал себя просто чудесно. Не мог даже вспомнить, когда прежде так хорошо себя чувствовал. Ему казалось, что все складывается удивительно удачно. Все его движения стали особенно плавными и грациозными. И к тому же он чувствовал себя более энергичным, воспринимал все более четко, чем всегда. И, самое важное, ему не хотелось спать.

Только ночью, когда все остальные улеглись, эти ощущения начали угасать. Он принял еще одну таблетку. Когда она подействовала, Кройд почувствовал себя так чудесно, что вышел на улицу и полетел высоко над городом, поплыл в холодном мартовском небе между яркими созвездиями города и далекими небесными созвездиями, полный сознания того, что владеет тайным ключом к смыслу всего окружающего мира. Кройд мельком вспомнил о воздушном сражении Джетбоя и пролетел над развалинами речного порта на Гудзоне, который сгорел, когда на него обрушились обломки самолета Джетбоя. Он читал, что на этом месте пилоту собираются поставить памятник. Интересно, что тот чувствовал, летя вниз?

Кройд снизился и стал пикировать между домами, иногда опускался на крышу, прыгал, падал, спасаясь в последний момент. В одно из таких мгновений он заметил двух человек, которые наблюдали за ним из подъезда. По какой-то причине, непонятной ему самому, это вызвало у него раздражение. Тогда он вернулся домой и принялся за уборку. Сложил в пачки старые газеты и журналы и перевязал их бечевками, выбросил мусор, подмел пол, перемыл всю посуду в раковине. Отнес по воздуху четыре порции мусора к Ист-Ривер и бросил их в воду, так как за мусором все еще приезжали нерегулярно. Вытер всюду пыль, а рассвет застал его за чистой столовых приборов. Потом он вымыл все окна.

Совершенно неожиданно Кройд почувствовал слабость и весь затрясся. Поняв, в чем дело, он принял еще таблетку и поставил на плиту кофейник. Прошло десять минут. Трудно было усидеть на месте, любая поза казалась неудобной. Ему не понравился зуд в ладонях. Он несколько раз мыл руки, но зуд не проходил. В конце концов Кройд принял еще таблетку. Он смотрел на часы и прислушивался к шуму закипающего кофейника. Как раз когда кофе был готов, зуд и дрожь начали ослабевать. Он почувствовал себя гораздо лучше. Кройд стал пить кофе и тут снова вспомнил о тех двоих в подъезде дома. Они над ним смеялись? Его быстро охватил гнев, хотя он как следует не разглядел их лиц и не понял их

выражения. Следили за ним! Если бы у них было побольше времени, могли бы и камень бросить...

Кройд затряс головой. Это глупо. Просто два незнакомых парня. Неожиданно захотелось выбежать из дома и обойти весь город или снова полетать. Но тогда можно пропустить звонок Бентли. Он стал ходить взад и вперед по комнате. Попытался читать, но был не в состоянии сосредоточиться. В конце концов Кройд сам позвонил Бентли.

— Ты уже что-нибудь придумал?

— Пока нет, Кройд. А к чему спешить?

— Меня снова клонит в сон. Знаешь, что это означает?

— Да. Ты уже принимал таблетки?

— У-гу. Пришлось.

— Ладно. Послушай, не слишком на них налегай, если сможешь. Я сейчас прорабатываю некоторые детали. Попытаюсь все организовать к завтрашнему дню. Если не выйдет, бросай принимать таблетки и ложись спать. Провернем дело в следующий раз. Понял?

— Мне надо сейчас, Бентли.

— Поговорим завтра. А теперь расслабься.

Кройд вышел из дома и пошел пешком. Был облачный день, землю местами покрывал снег со льдом. Внезапно Кройд вспомнил, что не ел со вчерашнего дня. Это, должно быть, плохо, если учесть его нынешний аппетит. Наверное, дело в таблетках.

Кройд стал искать кафе, твердо решив заставить себя что-нибудь съесть. Пока шел, обнаружил, что ему не хочется сидеть в толпе людей и есть. Мысль о присутствии вокруг людей была ему неприятна. Нет, придется взять еду с собой...

На подходе к кафе Кройда остановил голос из подъезда. Он обернулся так резко, что окликнувший его человек поднял руку и отпрянул.

— Не надо! — воскликнул незнакомец.

Кройд сделал шаг назад.

— Простите, — пробормотал он.

Человек был одет в коричневое пальто с высоко поднятым воротником. Поля шляпы натянуты так низко, как только можно было, чтобы хоть что-то видеть.

Голову он держал низко опущенной. И все же Кройд разглядел загнутый клюв, блестящие глаза и необычайно яркий цвет лица.

— Окажите, пожалуйста, услугу, сэр, — попросил человек надтреснутым, писклявым голосом.

— Что вам надо?

— Еды.

Кройд машинально опустил руку в карман.

— Нет. Деньги у меня есть. Вы не понимаете. Я не могу войти туда, меня не обслужат — при моей-то внешности. Я заплачу вам, чтобы вы вошли, купили пару гамбургеров и принесли мне.

— Я все равно туда иду.

Позже Кройд сидел с этим человеком на скамейке и ел. Его заворачивали джокеры. Потому что он знал, что отчасти тоже один из них. Ему и раньше приходило в голову, где удастся поесть, если он однажды проснет-ся в плохой форме, а дома никого не окажется.

— Я не хожу так далеко на окраины, — сообщил ему новый знакомый. — Но мне надо было по делу.

— Где вы, ребята, обычно живете?

— Нас много на Бауэри. Там нас никто не трогает. Есть места, где тебя обслуживают, и никого не волнует, как ты выглядишь. Никому нет никакого дела.

— Вы хотите сказать, что люди могут... напасть на вас?

Человек коротко и пронзительно рассмеялся:

— Люди не слишком-то любезны, парень. Когда узнаешь их получше.

— Я провожу вас обратно, — предложил Кройд.

— Вы, возможно, рискуете.

— Не беспокойтесь.

Где-то в районе сороковых улиц трое парней, сидевших на скамейке, уставились на них, когда они проходили мимо. Как раз за несколько кварталов до этого места Кройд проглотил еще две таблетки. (Неужели всего за несколько кварталов отсюда?) Ему не хотелось, чтобы его схватила трясушка во время беседы с новым приятелем, Джоном, — по крайней мере так он просил его называть, — поэтому он принял еще две, чтобы легче

пережить следующий критический момент, если таковой скоро наступит.

Кройд сразу понял, увидев тех троих, что они замышляют что-то плохое против них с Джоном, и мышцы его плеч напряглись. Он стиснул руки в карманах в кулаки.

— Ку-ка-ре-ку, — произнес один из тех, и Кройд начал было оборачиваться, но Джон положил руку ему на плечо и сказал:

— Пойдем.

Они пошли дальше. Парни встали и зашагали позади.

— Ко-ко-ко, — произнес один из них.

— Пик, пик, — прибавил другой.

Вслед за этим сигаретный окурок пролетел над головой Кройда и упал у его ног.

— Эй, любитель уродов!

На его плечо опустилась рука.

Он ухватился за нее и жжал. Кости руки стали ломаться с тихим треском, а человек закричал. Крик резко оборвался, когда Кройд отпустил руку и ударил его по лицу, сбив с ног. Следующий нацелил кулак в его голову, и Кройд молниеносным взмахом отбил удар, развернув при этом нападавшего к себе лицом. Протянул левую руку, ухватился за оба лацкана, сминая их в кулаке, и поднял этого человека на два фута в воздух, а затем послал его спиной в кирпичную стену, возле которой они стояли, и отпустил. Человек рухнул на землю и больше не шевелился.

Последний вытащил нож и начал сыпать проклятиями сквозь сжатые зубы. Кройд подождал, пока он приблизится почти вплотную, а потом взлетел на четыре фута в воздух и пнул ногами в лицо. Противник свалился на тротуар. Кройд проплыл по воздуху, завис над ним и рухнул вниз, приземлившись на середину туловища. Ногой отшвырнул выпавший из руки нож в сточную канаву, повернулся и пошел к Джону.

— Вы — туз, — через некоторое время произнес Джон.

— Не всегда, — ответил Кройд. — Иногда я джокер. Я меняюсь каждый раз после того, как сплю.

— Зачем вы с ними так?..

— Правильно. Я мог бы обойтись с ними гораздо круче. Если все так и дальше пойдет, мы должны позаботиться друг о друге.

— Да. Спасибо.

— Послушайте, я хочу, чтобы вы показали мне те места на Бауэри, где, по вашим словам, вас никто не беспокоит. Возможно, когда-нибудь мне понадобится туда прийти.

— Конечно. Покажу.

— Кройд Кренсон. К-р-е-н-с-о-н. Запомните, ладно? Потому что, если мы снова увидимся, я буду выглядеть иначе.

— Я запомню.

Джон показал ему несколько забегаловок и дома, где жили ему подобные. Представил его шестерым джокерам, попавшимся по дороге; все они были сильно изуродованы. Помня о своем существовании в фазе ящерицы, Кройд пожал новым знакомым конечности и спросил, не нуждаются ли они в чем-либо. Но те только качали головами.

— Доброй ночи, — попрощался он и улетел.

Боязнь, что незараженные люди следят за ним и только ждут случая, чтобы напасть, все усиливалась, пока он летел вдоль реки Ист-Ривер. Даже сейчас кто-то, возможно, целится из винтовки с оптическим прицелом...

Кройд полетел быстрее. На каком-то уровне сознания он понимал, что его страх смешон. Но он слишком явственно его ощущал, чтобы отмахнуться.

Кройд опустился на углу, подбежал к входной двери и вошел. Поспешно поднялся по лестнице и заперся в спальне.

Там он посмотрел на кровать. Ему хотелось вытянуться на ней. Но что будет, если он уснет? Все кончится. Этот мир для него кончится.

Кройд включил радио и начал ходить по комнате. Предстояла долгая ночь...

Когда Бентли на следующий день позвонил и сказал, что у него есть отличное, хотя немного рискованное дельце, Кройд ответил, что ему все равно. Предстояло использовать взрывчатку — а это означало, что ему придется научиться ее применять за очень короткое время, — потому что этот сейф слишком прочный даже для его огромной силы. И еще существовала вероятность, что там вооруженная охрана...

Кройд не собирался убивать охранника, но этот человек испугал его, когда вошел с пистолетом на изготовку. И он, наверное, неправильно рассчитал длину шнура, потому что взрыв раздался раньше, чем следовало, и отлетевший кусок металла оторвал ему два пальца на левой руке. Но Кройд обернул руку носовым платком, забрал деньги и ушел.

Он помнил, как Бентли сказал:

— Ради Бога, малыш! Иди домой и выспись! — сразу же после того, как они поделили добычу. После он взлетел и выбрал при этом правильное направление, но вынужден был спуститься и взломать дверь булочной, где проглотил три батона хлеба, и лишь тогда смог продолжать путь. Голова кружилась. В кармане лежали таблетки, но при одной мысли о них его желудок скручивало в узел.

Кройд тихо открыл окно своей спальни, которое перед уходом не запер на задвижку, и заполз внутрь. Шатаясь, пошел в комнату Карла и бросил мешок с деньгами на спящего брата. Его трясло, когда он вернулся в свою спальню и запер дверь. Кройд включил радио. Ему хотелось обмыть рану на руке, но до ванной было слишком далеко. Он рухнул на кровать и больше не встал.

Кройд шел по кажущейся пустынной улице в сумерках. Что-то шевельнулось позади, и он обернулся. Из дверей, окон, автомобилей, канализационных люков появлялись люди, и все смотрели на него, приближались к нему. Он продолжал идти дальше, и тут у

него за спиной раздался звук, напоминающий общий вздох. Когда он снова оглянулся, все они бежали за ним, их лица выражали ненависть. Он бросился на преследователей, схватил ближайшего человека и задушил его. Остальные остановились, отступили назад. Кройд проломил голову еще одному. Толпа повернулась и бросилась бежать. Он погнался за ними...

Глава 3

ДЕНЬ ГОРГУЛЬИ

Кройд проснулся в июне и узнал, что мать находится в лечебнице, брат окончил школу, сестра помолвлена, а у него появилась способность модулировать голос таким образом, что можно расколоть или разрушить практически любой предмет, если подобрать правильную частоту при помощи чего-то вроде резонанса; для объяснения этого явления у него не хватало словарного запаса. Кроме того, он был теперь высоким, худым, черноволосым и бледным, и у него отросли недостающие пальцы.

Предвидя тот день, когда он останется в одиночестве, Кройд еще раз поговорил с Бентли и попросил организовать одно крупное дело на этот период бодрствования; хотелось покончить со всем побыстрее, пока не одолела усталость. Он твердо решил больше не принимать таблеток, вспомнив о кошмарах последних дней своей предыдущей жизни.

На этот раз Кройд уделил еще больше внимания планированию и задавал более продуманные вопросы, когда Бентли, прикуривая одну сигарету от другой, прорабатывал детали операции. Потеря обоих родителей и предстоящее замужество сестры заставили Кройда задуматься о непостоянстве человеческих отношений. Ему пришло в голову, что Бентли тоже может не всегда оказаться под рукой.

Он сумел повредить систему охранной сигнализации и разрушить дверь в банковское хранилище на-

столько, чтобы обеспечить себе доступ, только у него не было намерения разбивать все стекла в трех окрестных кварталах в процессе подбора нужной частоты. И все же ему удалось успешно ударить с большим количеством наличных.

На этот раз Кройд арендовал сейф в банке на противоположном конце города, где и оставил большую часть своей доли. Его несколько встревожило то, что у брата появилась новая машина.

Он снял комнаты в Вилледже, Мидтауне, на Морнингсайд-Хайтс, в Верхнем Ист-сайде и на Бауэри и внес квартплату за год вперед. Ключи носил на цепочке, на шее, вместе с ключом от сейфа. Ему хотелось иметь несколько мест для отступления, куда можно быстро добраться, где бы он ни находился, когда начнет одолевать сон. Две из квартир были обставлены мебелью; в остальных четырех лежали только матрацы и стояли радиоприемники. Кройд спешил, позаботиться об удобствах можно и потом. В последний раз он проснулся, уже зная о нескольких событиях, которые произошли во время последнего периода сна, и это объяснялось только подсознательным восприятием передачи новостей по радио, которое оставалось включенным. Кройд решил продолжать эту практику.

У него ушло три дня на то, чтобы найти, снять и оборудовать новые убежища. Покончив с последним из них, на Бауэри, Кройд отыскал Джона, объяснил, кто он такой, и повел его обедать. Истории, которые тот рассказывал о бандах охотников на джокеров, произвели на Кройда удручающее впечатление, и когда в тот же вечер его стали одолевать голод, сонливость и озноб, он принял таблетку, чтобы не заснуть, и отправился патрулировать окрестности. Одна или две таблетки, решил он, погоды не сделают.

В ту ночь бандиты не показывались, но Кройда угнетала вероятность проснуться в следующий раз джокером. Поэтому он проглотил еще две таблетки за завтраком, чтобы несколько оттянуть события, и в последовавшем приливе деятельности решил обставить свое жилье.

В тот же вечер Кройд выпил еще три таблетки, чтобы в последний раз провести ночное патрулирование города. От его пения, пока он шел по Сорок второй улице, разлетались одно за другим стекла в домах, а в радиусе нескольких миль были все собаки. Проснулись также пара джокеров и туз, обладающие способностью слышать в ультразвуковом диапазоне. Бранниган, имеющий уши летучей мыши, — он погиб через две недели, под статуей, сброшенной Винченти Мускулистым в тот самый день, как его самого настигла пуля нью-йоркских полицейских, — разыскал Кройда, намереваясь вбить его в землю в отместку за головную боль, но дело кончилось тем, что Бранниган поставил Кройду несколько рюмок и научил исполнять тихий ультразвуковой вариант шлягера «Бухта Гэлуей».

На следующий день на Бродвее Кройд в ответ на ругань таксиста заставил его машину вибрировать, пока та не развалилась на части. Затем, раз уж он этим занялся, обратил свой гнев против всех остальных, которые проявляли враждебность тем, что гудели. Только когда вой автомобильных сирен напомнил ему о таком же шуме у школы в тот первый День Универсальной Карты, он повернулся и убежал.

Кройд проснулся в начале августа в своей квартире на Морнингсайд-Хайтс, медленно припомнил, как туда добрался, и дал себе слово на этот раз не принимать таблеток. Увидев наросты на своих вывернутых руках, он понял, что будет несложно сдержать обещание. На этот раз ему хотелось заснуть как можно скорее. Выглянув в окно, он преисполнился благодарности судьбе за то, что сейчас ночь, так как путь до Бауэри был неблизким.

Проснувшись в среду в середине сентября, Кройд обнаружил, что стал темно-русый, среднего роста, обычного телосложения мужчиной, с нормальным цветом лица и не обладает никакими видимыми признаками синдрома Универсальной Карты. Провел несколько простых тестов, которые, судя по прежнему опыту, мог-

ли выявить его скрытые возможности. Однако ничего из области особых талантов не проявилось.

Озадаченный, он оделся в наиболее подходящую по размерам одежду, которая имелась под рукой, и вышел из дома позавтракать, как обычно. По дороге подобрал несколько газет и прочел их, поглощая тарелку за тарелкой с яичницей, вафлями, оладьями. Когда Кройд вышел на улицу, было холодное утро. Когда покинул забегаловку, время близилось к десяти и стояла чудесная теплая погода.

Кройд доехал до центра на подземке и там зашел в первый попавшийся приличный магазин, где полностью сменил одежду. В ближайшей кондитерской съел два сэндвича с консервированной говядиной вместе с картофельными оладьями. Тут ему пришло в голову, что он тянет время. Кройд знал, что может просидеть здесь за едой весь день. Он чувствовал, как в нем происходит процесс пищеварения, словно в середине его туловища работает доменная печь.

Кройд расплатился и вышел. «Сколько же минуло месяцев? — спрашивал он себя, почесывая лоб. — Пора посмотреть, как там Карл и Клодия. Пора узнать, как дела у мамы. Узнать, не нужно ли кому-нибудь денег».

Подойдя к двери дома, он остановился с ключом в руке. Потом положил ключ обратно в карман и постучал. Через несколько секунд Карл открыл дверь.

— Да?

— Это я, Кройд.

— Кройд! Боже! Заходи! Я тебя не узнал. Так давно...

— Да, порядком.

Кройд вошел в дом.

— Как вы тут все? — спросил он.

— Мама все так же. Но знаешь, они сказали, чтобы мы не слишком надеялись.

— Да. Надо еще денег для нее?

— До следующего месяца хватит. Но потом пара сотен не помешает.

Кройд протянул ему конверт.

— Если я поеду ее навестить, то она ничего не поймет, раз я так изменился.

Карл покачал головой:

— Она бы ничего не поняла, даже если бы ты и не менялся, Кройд. Хочешь поесть?

— Да, конечно.

Брат отвел его на кухню.

— Тут полно ростбифа. С ним получают хорошие сэндвичи.

— Здорово. Как дела?

— О, я начинаю становиться на ноги. Сейчас лучше, чем было в начале.

— Хорошо. А Клодия?

— Удачно, что ты объявился именно теперь. Она не знала, куда посылать приглашение.

— Какое приглашение?

— В субботу она выходит замуж.

— За того парня из Джерси?

— Да. За Сэма. За того, с кем была помолвлена. Он управляет семейным бизнесом. Довольно прилично зарабатывает.

— Где будет свадьба?

— В Риджвуде. Можешь поехать туда со мной. Я на машине.

— Ладно. Интересно, какой подарок они бы хотели?

— Тут где-то был список. Сейчас найду.

— Прекрасно.

После обеда Кройд пошел и купил телевизор фирмы «Дюмонт» с шестнадцатидюймовым экраном, заплатил наличными и договорился о доставке в Риджвуд. Затем навестил Бентли, однако отклонил предложение несколько рискованного дела из-за того, что на этот раз не обладал никакими особыми талантами. Собственно, это было просто оправданием. Ему все равно не хотелось работать, рисковать получить по башке — в прямом смысле или со стороны закона, — перед самой свадьбой.

Они пообедали в итальянском ресторане, а потом несколько часов просидели за бутылкой кьянти, беседа о делах и заглядывая в будущее. Бентли пытался объяснить товарищу преимущества долгосрочных сбережений и перспективы когда-нибудь стать уважаемым — самому ему это никогда не удавалось.

Большую часть ночи Кройд гулял, чтобы потренироваться в оценке слабых мест зданий и подумать о переменах в своей семье. Где-то после полуночи, когда он проходил по западной части Центрального парка, у него в груди появился сильный зуд, распространившийся по всему телу. Через минуту он вынужден был остановиться и стал яростно чесаться. В те дни аллергия распространилась практически повсеместно, и Кройд подумал, не принесло ли ему новое воплощение повышенную чувствительность к какому-то растению в парке.

При первой же возможности он повернул на запад и со всех ног убежал из этого района. Примерно через десять минут зуд утих. Через полчаса он исчез совсем. Однако осталось ощущение, будто кожа на руках и на лице потрескалась.

Примерно в четыре часа утра Кройд зашел в открытое всю ночь кафе возле Таймс-сквер. Он поглощал пищу медленно и читал журнал «Тайм», оставленный кем-то в кабинке. В медицинском разделе была напечатана статья о самоубийствах среди джокеров, которая сильно его огорчила. Приведенные в ней цитаты напомнили ему рассказы многих его знакомых, и он даже подумал, не попали ли они в число опрошенных. Кройд очень хорошо понимал чувства бедолаг, хоть и не полностью их разделял, зная, что, какую бы карту он ни вытянул, в следующий раз ему сдадут новую — и что чаще всего это будет туз.

Все его суставы затрещали, когда он поднялся, и еще он почувствовал резкую боль между лопатками. Кроме того, у него распухли ступни ног.

Кройд вернулся домой до рассвета, его лихорадило. В ванной намочил полотенце и прижал ко лбу. Взглянув в зеркало, заметил, что лицо кажется распухшим. Он сидел на стуле в спальне, пока не услышал, как внизу

ходят Карл и Клодия. Когда Кройд встал, чтобы присоединиться к ним за завтраком, конечности были словно налиты свинцом и суставы трещали, пока он спускался вниз по лестнице.

Клодия, стройная блондинка, обняла Кройда, когда тот вошел в кухню. Затем вгляделась в новое лицо брата.

— Ты выглядишь усталым.

— Не говори этого, — ответил он. — Не может быть, чтобы я устал так быстро. До твоей свадьбы осталось два дня, и я собираюсь на нее попасть.

— Ты умеешь отдыхать без сна, правда?

Кройд кивнул.

— Тогда не волнуйся. Я знаю, это, наверное, тяжело... Давай поедем.

Когда они пили кофе, Карл спросил:

— Хочешь пойти со мной в контору и посмотреть, как я там все устроил?

— В другой раз, — ответил Кройд. — У меня дела.

— Конечно. Может быть, завтра.

— Может быть.

Вскоре Карл ушел. Клодия снова наполнила чашку Кройда.

— Мы тебя теперь почти не видим, — сказала она.

— Ну, ты знаешь, как обстоят дела. Я сплю — иногда по месяцам. Когда просыпаюсь, то не всегда бываю красивым. А иногда приходится крутиться, чтобы оплатить счета.

— Мы это ценим, — сказала она. — Только трудно понять. Ты же младший в семье, а выглядишь взрослым мужчиной. И поступаешь как мужчина. Ты не получил свою долю детства сполна.

Он улыбнулся:

— А ты кто — старая леди? Тебе вот всего семнадцать, а ты уже выходишь замуж.

Клодия улыбнулась в ответ:

— Он хороший парень, Кройд. Я знаю, мы будем счастливы.

— Хорошо. Надеюсь, что это так. Послушай, на тот случай, если когда-нибудь захочешь со мной связаться,

я тебе скажу, где можно оставить для меня сообщение. Только не гарантирую, что отзовусь немедленно.

— Я понимаю. А чем ты занимаешься?

— Начинал и бросал много разных дел. Как раз сейчас я временно без работы. На этот раз я не стал суетиться, потому что у тебя свадьба. Какой он, твой Сэм?

— О, очень респектабельный и правильный. Учился в Принстоне. Служил в армии капитаном.

— Европа? Тихий океан?

— Вашингтон.

— А! Большие связи.

Клодия кивнула.

— Старое семейство, — объяснила она.

— Ну хорошо, — сказал Кройд. — Ты знаешь, я желаю тебе счастья.

Сестра встала и снова обняла его.

— Я по тебе скучала.

— Я тоже.

— Мне сейчас тоже надо бежать по делам. Увидимся позже?

— Да.

— Ты сегодня отдохни.

Когда Клодия ушла, Кройд вытянул руки, насколько смог, пытаясь унять боль в плечах. При этом рубашка на спине треснула. Он посмотрел на себя в зеркало в прихожей. Сегодня его плечи стали шире, чем вчера. Впрочем, все тело казалось более широким, массивным.

Кройд вернулся к себе в комнату и разделся догола. Большая часть торса была покрыта красной сыпью. При одном взгляде на нее ему захотелось чесаться, но он сдержался. Вместо этого наполнил ванну и долго отмокал в ней. К тому времени, как Кройд вылез из ванны, уровень воды заметно понизился. Он посмотрел на себя в зеркало в ванной комнате; ему почудилось, что тело его больше выросло. Возможно ли, чтобы часть воды впиталась через кожу? Во всяком случае, воспаление прошло, хотя кожа все еще оставалась шершавой в тех местах, где была сыпь.

Кройд надел одежду, которая оставалась с того раза, когда он был крупнее. Потом вышел из дома и поехал на метро в тот же магазин готового платья, который посетил днем раньше. Там он снова полностью сменил одежду и поехал обратно. Его слегка подташнивало, когда вагон трясло и покачивало. Он заметил, что его руки выглядят сухими и шершавыми. Кройд потерял их, и хлопья омертвевшей кожи посыпались, словно перхоть.

Выйдя из подземки, он пешком дошел до многоквартирного дома, где жил Сарцанно. Однако дверь открыла не мать Джо, Роза, а другая женщина.

— Что вам нужно? — спросила она.

— Я ищу Джо Сарцанно.

— Здесь нет никого с таким именем. Должно быть, они выехали до нашего приезда.

— Так вам неизвестно, куда они уехали?

— Нет. Спросите управляющего. Может, он знает.

Женщина захлопнула дверь.

Кройд попытался найти управляющего, но в его квартире никого не было. Так что он пошел домой, чувствуя себя отяжелевшим и расплывшимся. После второго зевка ему вдруг стало страшно. Слишком рано, чтобы снова уснуть. Это превращение происходило более загадочно, чем обычно.

Он поставил свежий кофейник на плиту и ходил взад и вперед, ожидая, пока закипит вода. Хотя нельзя было предугадать наверняка, что он проснется с каким-либо особым талантом, каждый раз постоянным оставалось одно: он менялся. Кройд перебрал в памяти все превращения, которые происходили с ним с тех пор, как он заразился. Только в этом единственном случае он не стал ни джокером, ни тузом, а остался нормальным. И все же...

Когда кофе был готов, он налил его в чашку и сел. И тут осознал, что почесывает правое бедро, почти машинально. Потер друг о друга ладони, и снова посыпались хлопья сухой кожи. Подумал о своем увеличившемся объеме, о всех этих скрипах и треске, об усталости. Было очевидно, что на этот раз он не совсем нормален. Но в чем состоит это отклонение от

нормы? Интересно, сможет ли доктор Тахион помочь ему? Или, по крайней мере, подсказать, что происходит?

Кройд набрал номер, который хранил в памяти. Женщина веселым голосом ответила, что Тахион уехал, но вернется сегодня после полудня. Спросила имя Кройда, по-видимому, узнала его и велела прийти в три часа.

Он прикончил кофейник; зуд усилился и распространился на все тело, пока он пил последнюю чашку. Кройд поднялся наверх и снова налил в ванну воды. Пока ванна наполнялась, разделся и осмотрел себя. Вся кожа теперь выглядела столь же сухой и отваливалась хлопьями, как на руках. Где бы он ни потер ее, дождем сыпалась перхоть.

Он долго лежал в воде. Приятно было ощущать мокрое тепло. Через некоторое время Кройд закрыл глаза...

Внезапно он резко сел. Он начинал дремать. Чуть было не провалился в сон. Кройд схватил мочалку и стал яростно тереть себя — не только для того, чтобы смыть всю мертвую кожу. Закончив, быстро вытерся полотенцем, пока выливалась вода, затем бросился в свою комнату. Обнаружил таблетки в глубине ящика комода и принял сразу две. В какие бы игры ни играло с ним тело, сейчас сон был его злейшим врагом.

Кройд вернулся в ванную, оделся. Приятно было бы на время вытянуться на кровати. Отдохнуть, как предлагала Клодия. Но он знал, что не может себе этого позволить.

Тахион взял анализ крови и ввел его в машину.

При первой попытке игла вошла неглубоко и остановилась. Третья игла, когда на нее сильно нажали, проникла сквозь тот слой под кожей, который оказывал сопротивление, и удалось взять кровь на анализ.

Пока ждали результата от машины, Тахион не терял время зря.

— Ваши резцы были такими же длинными, когда вы проснулись? — спросил он, заглядывая Кройду в рот.

— Выглядели нормально, когда чистил зубы, — ответил Кройд. — Они выросли?

— Взгляните.

Тахион протянул ему маленькое зеркальце. Кройд уставился в него. Зубы стали длиной в дюйм и казались острыми.

— Что-то новенькое! Не знаю, когда это произошло.

Тахион осторожно завел левую руку Кройда за спину борцовским приемом и прижал свои пальцы ниже выпирающей лопатки Кройда.

Кройд вскрикнул.

— Так больно? — спросил Тахион.

— Боже мой! — сказал Кройд. — Может, там что-то сломалось?

Доктор покачал головой. Он исследовал под микроскопом хлопья кожи. Потом рассмотрел ступни ног Кройда.

— Они были такими же широкими, когда вы проснулись?

— Нет. Что, черт возьми, происходит, доктор?

— Подождем еще минуту-другую, пока машина закончит анализ. Вы уже были у меня два или три раза...

— Да, — подтвердил Кройд.

— К счастью, один раз вы приходили сразу же после пробуждения. В другой раз были здесь примерно через шесть часов после того, как проснулись. В первом случае у вас наблюдался высокий уровень очень странного гормона, который, как я тогда подумал, мог быть связан с самим процессом изменения. Во второй раз — через шесть часов после пробуждения — у вас все еще оставались следы этого гормона, но его уровень был весьма низок. Он присутствовал только в этих двух случаях.

— И что?

— Основной тест, который меня сейчас интересует, — это проверка на его наличие в вашей крови. Ага! Кажется, уже что-то есть.

На экране маленького аппарата высветились какие-то странные символы.

— Да. Действительно, — произнес Тахион, изучая их. — У вас в крови высокий уровень содержания этого вещества — даже выше, чем сразу же после пробуждения. Гм-м. К тому же вы снова принимали амфетамины.

— Пришлось. Мне захотелось спать, а я должен продержаться до субботы. Объясните простыми словами, что означает этот проклятый гормон.

— Он означает, что процесс изменения в вас все еще идет. По какой-то причине вы проснулись до того, как он завершился. По-видимому, изменения проходят регулярными циклами, однако на этот раз цикл был нарушен.

— Почему?

Тахион пожал плечами — движение, которому он, кажется, научился со времени последней встречи с Кройдом.

— Из-за любого события в целом созвездии возможных биохимических событий, вызванных самим изменением. Думаю, ваш мозг получил дополнительное стимулирование, как побочный эффект другого изменения, которое происходило в то время, когда вы проснулись. Каким бы ни было это конкретное изменение, оно закончено, но остальной процесс еще не завершен. Поэтому ваше тело сейчас старается снова погрузить вас в сон, пока не закончит свою работу.

— Другими словами, я слишком рано проснулся?

— Да.

— Что мне делать?

— Немедленно отказаться от амфетамина. Уснуть. Позволить всему идти своим чередом.

— Я не могу. Мне надо продержаться еще два дня. Даже полутора дней хватило бы.

— Подозреваю, что ваше тело будет сопротивляться этому, а, как я уже однажды говорил, оно знает, что делает. Думаю, вы рискуете, если заставите себя не спать и дальше.

— Чем рискую? Это может меня убить? Или просто причинит мне неудобство?

— Кройд, я понятия не имею. Ваш случай уникален. Каждое изменение идет по другому пути. Единственное, чему мы можем доверять, — это приспособленности вашего тела к вирусу, тому неизвестному механизму внутри вас, который благополучно проводит вас через каждое изменение. Если вы сейчас попытаетесь не спать, прибегая к противоестественным средствам, то будете бороться именно с ним.

— Я уже много раз отодвигал сон с помощью амфетамина.

— Да, но тогда вы просто отодвигали начало процесса. Обычно он не начинается, пока биохимия вашего мозга не регистрирует состояние сна. Теперь процесс уже идет, и наличие гормона указывает на его продолжение. Я не знаю, что случится. Вы можете перевести фазу туза в фазу джокера. Можете впасть в очень продолжительную кому. Трудно сказать определенно.

Кройд потянулся за рубашкой.

— Я вам сообщу, что из этого выйдет, — пообещал он.

Вопреки обыкновению, Кройду не захотелось идти пешком. Он снова спустился в метро. Тошнота вернулась, и на этот раз в сопровождении головной боли. А плечи все еще сильно болели. Кройд зашел в аптеку возле станции метро и купил бутылку аспирина.

Прежде чем идти домой, он зашел в тот многоквартирный дом, где раньше жили Сарцанно. На этот раз управляющего удалось застать. Только он не смог помочь, поскольку семья Джо не оставила нового адреса перед отъездом. Уходя, Кройд бросил взгляд в зеркало возле двери и испытал сильное потрясение при виде страшно опухших глаз в обрамлении черных кругов.

Он обещал сводить Клодию и Карла в хороший ресторан пообедать, и ему хотелось ради такого случая быть в как можно лучшей форме. Вернувшись домой, он прошел в ванную и опять разделся. Тело выглядело громадным, расплывшимся. Тут Кройд вспомнил, что, перечисляя все прочие симптомы, забыл сказать Тахиону,

что ни разу не облегчился с тех пор, как проснулся. Наверное, его тело находило применение всей поглощенной пище. Кройд встал на весы, но их шкалы хватило только на триста фунтов, а он уже весил больше.

Кройд принял три таблетки аспирина в надежде, что они быстро подействуют. Почесал руку, и от нее отделилась длинная полоска плоти, безболезненно и бескровно. Почесался более осторожно в других местах: хлопья продолжали осыпаться. Кройд принял душ и почистил клыки. Стал расчесывать волосы — они выпадали большими прядями. Тогда он прекратил расчесываться. На какое-то мгновение ему захотелось плакать, но приступ зевоты подавил этот позыв. Кройд пошел к себе и принял еще две таблетки амфетамина. Потом вспомнил, что где-то слышал, будто при определении дозы лекарств следует брать в расчет массу тела. Поэтому принял еще одну таблетку, просто для надежности.

Кройд нашел темный ресторан и сунул официанту деньги, чтобы тот отвел их в кабинку в дальнем углу, вне поля зрения остальных посетителей.

— Кройд, ты действительно выглядишь... нездоровым, — сказала Клодия незадолго до этого, когда вернулась домой.

— Знаю, — ответил он. — Сегодня после обеда я ходил к своему врачу.

— И что?

— Мне необходимо лечь и долго спать, сразу после свадьбы.

— Кройд, если ты не сможешь прийти на свадьбу, я пойму. Твое здоровье важнее.

— Я хочу прийти на свадьбу. Со мной все будет в порядке.

Как ей объяснить, если он и сам как следует не понимает? Сказать, что это нечто большее, чем свадьба любимой сестры? Что это событие означает окончательное разрушение его дома, что у него, вероятно, никогда не будет другого? Сказать, что это конец од-

ной фазы его существования и начало огромной неизвестности?

Вместо этого он ел. Его аппетит не уменьшался, а еда была особенно вкусной. Карл смотрел на брата как зачарованный еще долго после того, как сам закончил обед, смотрел, как Кройд уплетает две дополнительные порции мяса, прерываясь только для того, чтобы потребовать очередную корзинку с булочками.

Когда они наконец поднялись с места, у Кройда снова затрещали суставы.

Позже в тот вечер он сидел на кровати, ощущая боль во всем теле. Аспирин не помог. Кройд разделся, потому что одежда снова стала ему мала. Стоило почесаться, как кожа не просто шелушилась, она отваливалась большими кусками — сухими и бледными, без каких-либо следов крови. «Неудивительно, что у меня лицо белое, как мел», — решил он.

В глубине одной из особенно больших ран на груди Кройд заметил что-то серое и твердое. Он не смог определить, что это такое, но испугался.

В конце концов, несмотря на поздний час, Кройд позвонил Бентли. Ему необходимо было поговорить с кем-то, кто знал о его состоянии. А Бентли обычно давал хорошие советы.

Бентли, по счастью, отозвался, и Кройд все ему рассказал.

— Знаешь, что я думаю, малыш? — наконец произнес Бентли. — Ты должен сделать то, что велел доктор. Лечь спать.

— Я не могу. Пока не могу. Мне необходимо чуть больше одного дня. Потом все будет в порядке. Я и продержусь, вот только так дьявольски все болит, и моя внешность...

— Хорошо, хорошо. Вот как мы поступим. Зайди ко мне примерно в десять утра. Сейчас я ничего не могу для тебя сделать. Но утром первым делом поговорю с одним знакомым, и мы достанем для тебя действительно сильное болеутоляющее. И я бы хотел взглянуть на тебя. Может быть, есть какой-нибудь способ несколько подправить твою внешность.

— Ладно. Спасибо, Бентли. Я ценю.

— Да ладно! Мне тоже не сладко пришлось в собачьей шкуре. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Через два часа Кройд почувствовал сильные боли в животе, потом начался понос; мочевой пузырь был готов лопнуть.

Это продолжалось всю ночь. Когда он взвесился в три тридцать утра, его вес снизился до двухсот семидесяти шести фунтов. К шести часам он весил уже двести сорок два фунта. Его непрерывно несло. «По крайней мере, — утешал себя Кройд, — это отвлекает внимание от зуда и боли в суставах. И еще эффективно помогает бороться со сном без помощи амфетамина».

К восьми часам он весил двести шестнадцать фунтов и, когда Карл позвал его, понял, что наконец-то лишился аппетита. Странно: объем тела совсем не уменьшился. Как не изменилась со вчерашнего дня и общая конституция, хотя теперь он был бледным, почти как альбинос, и это, в сочетании с торчащими зубами, делало его похожим на толстого вампира.

В девять Кройд позвонил Бентли, потому что его все еще пучило, он непрерывно бегал в уборную, объяснил, что у него понос и он не сможет прийти за лекарством. Бентли пообещал, что сам принесет его, как только получит у того человека. Карл и Клодия уже ушли по делам. Кройд в то утро не вышел к ним, под предлогом расстройства желудка. Его вес снизился до ста девяноста восьми фунтов.

Было уже почти одиннадцать, когда пришел Бентли. К тому времени Кройд похудел еще на двадцать фунтов и соскреб большой кусок кожи с нижней части живота. Обнажившаяся ткань оказалась серой и чешуйчатой.

— Боже мой! — воскликнул Бентли при виде Кройда.

— Ага.

— У тебя большие проплешины на голове.

— Так и есть.

— Я раздобуду парик. И еще поговорю с одной знакомой дамой. Она косметичка. Дадим тебе какой-нибудь крем, чтобы ты намазался и приобрел более нормальный

цвет лица. Лучше надень темные очки, когда пойдешь на свадьбу. Скажешь, что тебе закапали лекарство в глаза. У тебя к тому же и горб вырос. Когда это произошло?

— Я даже не заметил. Я... был занят.

Бентли похлопал по возвышению между лопатками, и Кройд вскрикнул.

— Извини. Может, тебе лучше прямо сейчас принять одну таблетку?

— Да.

— Возьми просторный плащ. Какой у тебя размер?

— Теперь — понятия не имею.

— Ладно. Я знаю одного человека, у которого их полно на складе. Пришлем тебе дюжину.

— Мне надо бежать, Бентли. Меня опять тянет в уборную.

— Ага. Выпей лекарство и попытайся отдохнуть.

К двум часам Кройд весил сто пятьдесят пять фунтов. Болеутоляющее прекрасно подействовало, и впервые за много времени ничего не болело. К несчастью, лекарство одновременно вгоняло в сон; снова пришлось принимать амфетамин. Положительным было то, что эта комбинация заставила Кройда почувствовать себя хорошо в первый раз с тех пор, как все началось, хотя он знал, что ощущение обманчиво.

Когда в три тридцать доставили плащи, его вес снизился до ста тридцати двух фунтов, и он чувствовал необычайную легкость при ходьбе. Казалось, где-то в глубине тела поет кровь. Кройд выбрал плащ, который идеально сидел на нем, и отнес его к себе в комнату, оставив остальные на диване. Косметичка — высокая блондинка, непрерывно жующая резинку, — пришла в четыре часа. Она гребнем вычесала большую часть его волос, сбрила остальные и приладила на него парик. Затем сделала макияж, попутно давая инструкции по пользованию косметикой. Она же посоветовала Кройду по возможности не открывать рот, чтобы скрыть клыки.

Он остался доволен результатом и дал блондинке сотню долларов. Тогда она заметила, что может оказать ему и другие услуги, но тут у него снова забурчало в животе, и он вынужден был с ней распрощаться.

К шести часам желудок смилостивился над Кройдом. К тому времени он полегчал до ста шестнадцати фунтов и продолжал чувствовать себя очень хорошо. Зуд наконец-то прекратился, только он уже соскреб большую часть кожи на груди, предплечьях и бедрах.

Карл, вернувшись, крикнул ему наверх:

— Какого черта тут делают все эти плащи?

— Длинная история, — ответил Кройд. — Можешь взять их себе, если хочешь.

— Ого, они из кашемира!

— Ага.

— Вот этот мне как раз.

— Так возьми его.

— Как ты себя чувствуешь?

— Лучше, спасибо.

В тот вечер он ощутил, что к нему возвращаются силы, и отправился на одну из своих длительных прогулок пешком. По дороге поднял высоко в воздух за передний бампер припаркованную машину, чтобы испытать силы. Да, кажется, выздоравливает. В парике и макияже Кройд мог сойти за толстяка-садовника — до тех пор, пока держал рот на замке. Будь у него побольше времени, обязательно отыскал бы зубного врача, чтобы сделать что-нибудь с клыками. В ту ночь и с утра он ничего не ел. Почувствовал было странное давление по обеим сторонам головы, но принял еще таблетку, и оно не переросло в боль.

Прежде чем они с Карлом отправились в Риджвуд, Кройд позволил себе снова полежать в ванной. Слезло еще немного кожи, но это не имело значения. Одежда скроет его покрытое заплатками тело. Хорошо, хоть лицо осталось целым. Он тщательно наложил грим и надел парик. Полностью одевшись и надев темные очки, Кройд счел, что выглядит достаточно презентабельно. И плащ действительно несколько скрадывал горб на спине.

Утро выдалось прохладным и облачным. Кажется, проблемы с несварением кончились. Для профилактики Кройд принял очередную таблетку, хотя и не совсем

понимал, продолжает ли еще что-нибудь болеть или нет. Он чувствовал себя прекрасно, только немного нервничал.

Когда они ехали по туннелю, Кройд поймал себя на том, что трет руки. К его отчаянию, от тыльной стороны левой ладони оторвался большой кусок кожи. Но даже об этом не стоило волноваться. Он не забыл взять перчатки.

Возможно, из-за темноты в туннеле у него снова начало стучать в голове. Ощущение не было болезненным, просто походило на сильное давление в ушах и висках. Верхняя часть спины тоже пульсировала, и в ней что-то шевелилось. Кройд прикусил губу, и от нее оторвался кусочек. Он выругался.

— Что случилось? — спросил брат.

— Ничего.

По крайней мере, хоть кровь не идет.

— Если тебе все еще плохо, могу отвезти тебя обратно. Не хотелось бы, чтобы ты разболелся прямо на свадьбе. Особенно при таких чопорных типах, как Сэмова родня.

— Со мной все будет в порядке.

Он чувствовал легкость. Чувствовал давление изнутри во многих точках тела. Ощущение силы, вызванное наркотиком, усиливало истинное ощущение силы. Все, казалось, идет идеально гладко. Кройд мурлыкал себе под нос песенку, постукивая пальцами по колену.

— ...плащи, наверное, стоят немало, — говорил Карл. — Они все новые.

— Продай их где-нибудь и оставь себе деньги, — услышал Кройд собственный голос.

— Краденые?

— Возможно.

— Ты в деле, Кройд?

— Нет, но я знаю кое-кого.

— Буду молчать.

— Хорошо.

— Только ты и правда похож на одного из них, знаешь? В этом черном плаще и в очках...

Кройд ему не ответил. Он прислушивался к своему телу, которое говорило: что-то рвется на волю у него из

спины. Он потерялся плечами о спинку сиденья. От этого ему стало легче.

Кройда представили родителям Сэма, Уильяму и Марсии Кендалл — седовласому, слегка располневшему мужчине с резкими чертами лица и хорошо сохранившейся блондинке. Кройд помнил, что должен улыбаться, не открывая рта, и разговаривал, едва шевеля губами. Они внимательно оглядели его, и Кройд был уверен, что им хотелось поговорить подольше, только сзади ждали своей очереди поздороваться другие гости.

— Я хочу побеседовать с вами на ужине, — в заключение произнес Уильям.

Кройд вздохнул и отошел в сторону. Пронесло. У него не было намерения идти на праздничный ужин. Как только закончится венчание, он сядет в такси и поедет обратно на Манхэттен, а через несколько часов уже будет спать. Прежде чем он проснется, Сэм с Клодией, вероятно, уже будут на Багамах.

Он заметил двоюродного брата из Ньюарка и чуть было не подошел к нему. К дьяволу! Ему пришлось бы объяснять насчет своей внешности, а дело того не стоило.

Кройд вошел в церковь, и его усадили на переднюю скамью, справа. Посаженым отцом Клодии должен был быть Карл. Хорошо еще, что он проснулся слишком поздно, и его не заставили стать шафером. Хоть в этом смысле время было выбрано удачно.

Пока Кройд сидел и ждал начала церемонии, он рассматривал украшения алтаря, витражи на окнах, расставленные кругом цветы. Другие люди входили и рассаживались. Стало жарко, Кройд почувствовал, что вспотел. Оглянулся кругом. Он единственный был в плаще. Интересно, не покажется ли это странным окружающим? И не расплывется ли от пота грим? Кройд растегнул плащ и распахнул его.

Он продолжал обливаться потом, начали болеть ступни. В конце концов он наклонился и ослабил шнурки туфель. Пока Кройд этим занимался, он услышал, как затрещала на спине сорочка. Кажется, что-то еще оторвалось в области лопаток. Еще один лоскут

кожи, предположил он. Выпрямившись, Кройд почувствовал острую боль. Теперь он не мог как следует опереться спиной о скамью. Казалось, его горб вырос, и любое давление на него причиняло боль. Поэтому он принял позу, словно молился, слегка согнувшись и подавшись вперед. Заиграл орган. Люди продолжали входить и рассаживаться. Шафер провел пожилую пару возле его ряда и, проходя мимо, бросил на него странный взгляд.

Вскоре все расселись, а Кройд продолжал потеть. Пот тек по бокам и по ногам, одежда начала промокать и покрываться пятнами, а затем совершенно пропиталась. Он решил, что ему станет прохладнее, если вынуть руки из рукавов плаща и просто набросить его на плечи. Это было ошибкой, так как, пытаясь высвободить руки, он услышал, как одежда треснула еще в нескольких местах. Внезапно левая туфля лопнула, и серые пальцы ног высунулись из прорех. Услышав эти звуки, многие посмотрели в его сторону. Кройд был рад, что не способен краснеть.

Неизвестно, из-за жары или по какой-то психологической причине, но зуд начался снова. Какая разница? В кармане лежали болеутоляющее и амфетамин, но ничего от кожного раздражения. Кройд крепко стиснул руки — не для того, чтобы молиться, а чтобы не чесаться, хотя и молитву прочел, поскольку момент был как раз подходящий. Но это не помогло.

Сквозь капли пота на ресницах он увидел, как вошел священник. Интересно, почему этот человек так на него смотрит? Слово не одобряет, когда люди не протестантской веры потеют у него в церкви. Кройд стиснул зубы. Если бы только у него сохранилась способность становиться невидимым!.. Он бы растаял на несколько минут, почесался бы изо всех сил, затем снова проявился и сидел бы спокойно.

Неимоверным усилием воли Кройду удалось высидеть смирно, пока звучал сводящий марш Мендельсона. То, что говорил после священник, не зарегистрировалось в его памяти; теперь он был уверен, что ему не досидеть до конца церемонии. Интересно, что произойдет, если он покинет церковь прямо сейчас. Смутится

ли Клодия? С другой стороны, если он останется, то она наверняка смутится. Наверное, он выглядит достаточно нездоровым, чтобы оправдать свой уход. И все же, не станет ли это одним из тех происшествий, которые потом обсуждают годами? «Ее брат ушел...» Нет, надо постараться высидеть хоть еще немного.

У него за спиной что-то двигалось. Плащ шевелился. Кройд услышал, как позади него ахнула женщина. Теперь он боялся двинуться с места, но...

Зуд сделался невыносимым. Кройд разжал руки, чтобы почесаться, однако в последней попытке удержаться схватился за спинку передней скамьи. К его ужасу, раздался громкий треск, и дерево разлетелось в щепки.

Последовала долгая секунда молчания.

Священник уставился на нарушителя порядка. Клодия и Сэм повернулись; оба смотрели на него, а он сидел, сжимая кусок спинки длиной в шесть футов, и не мог даже улыбнуться, чтобы не вылезли клыки.

Кройд уронил кусок дерева и обхватил себя обеими руками. Позади раздались восклицания, когда плащ сполз с его плеч. Изо всей силы он вонзил пальцы в бока и стал чесаться.

Он услышал, как рвется одежда, и почувствовал, что по всему телу, до самой макушки лопнула кожа. Парик съехал набок и упал.

Кройд сбросил остатки одежды и кожи и снова стал чесаться, изо всех сил. Услыхал вопль сзади и понял, что никогда не забудет выражение лица плачущей Клодии. Но остановиться уже не мог. Пока его огромные крылья, похожие на крылья летучей мыши, не развернулись, а длинные, заостренные лопасти ушей не вырвались на свободу и последние остатки одежды и плоти не свалились с темного чешуйчатого тела.

Священник снова заговорил; взлетающие высоко под сводами церкви слова напоминали молитву об изгнании дьявола. Раздались крики и быстрый топот ног. Кройд понял, что не может выйти в те двери, к которым бежали все остальные, поэтому подпрыгнул в воздух, сделал несколько кругов, чтобы почувствовать свои

новые крылья, затем заслонил глаза левым локтем и ринулся сквозь витраж в правом окне.

Рассекая воздух крыльями по дороге к Манхэттену, Кройд чувствовал, что теперь очень не скоро увидит своих новых родственников. Он надеялся, что Карл пока не будет спешить с женитьбой. И гадал, встретит ли когда-нибудь сам подходящую девушку...

Поймав восходящий поток, Кройд взмыл вверх, воздушные вихри рыдали вокруг него. Оглянувшись, он увидел, что церковь напоминает встревоженный муравейник. И полетел вперед.

Содержание

Тоскливой октябрьской ночью... , роман, <i>перевод с английского В. Самсоновой</i>	5
Кладбище слонов , повесть, <i>перевод с английского Г Корчагина</i>	211
Спящий , повесть, <i>перевод с английского Н. Ибрагимовой</i>	275

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

Собрание фантастических произведений в 20 томах

Том одиннадцатый

Ответственный за выпуск *Е. Чупов*
Редакторы *В. Баканов, Н. Трегубенко*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Ж. Голубева, Н. Дундина, А. Хиршфелде*
Оператор компьютерной верстки *М. Белоусов*
Иллюстрация на обложку: *И. Леонтьев*
Оформление форзаца: *А. Кириллов*
Оформление шмуцтитолов: *М. Ермаков*

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать 21.03.96. Формат 84×108¹/₃₂.

Гарнитура Балтика. Печать высокая.

Усл. печ. л. 17,64. Тираж 20 000 экз.

Заказ № 1778. С 144.

Издательство «Полярис»

Латвийская Республика LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Комитета Российской Федерации по печати.
170040, г Тверь, проспект 50-летия Октября, 46

**ТОСКЛИВОЙ
ОКТЯБРЬСКОЙ НОЧЬЮ...**

КЛАДБИЩЕ СЛОНОВ

СПЯЩИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1996